

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

РОМАН ТУХТАБОВЕВ

СТАЛЕЛЬНОЙ ФЛЕГЕТОН

8.48

КНИГА
ПЕРВАЯ

Роман Тухтабоев
Стальной Флегетон. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Тухтабоев Р.

Стальной Флегетон. Книга первая / Р. Тухтабоев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Недалёкое будущее. Хотя Третья Мировая Война окончилась более двадцати лет назад, и общество постепенно возвращается в мирное состояние, некоторым люди по-прежнему не мыслят своего существования без хаоса и огня. Для борьбы с подобными адептами разрушения и была создана организация Organize Resistance Forces, состоящая из настоящих профессионалов в устранении конфликтов любого рода. Но что, если эта новая сила, ввиду почти полного низвержения своего врага, сама обратится во зло? Кого бояться в новом, казалось бы, светлом будущем - врага снаружи или врага внутри? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	25
Глава 2	50
Глава 3	61
Глава 4	85
Глава 5	102
Глава 6	116
Глава 7	127
Глава 8	143
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Роман Тухтабоев

Стальной Флегетон. Книга первая

Пролог

*Провинция Кунар; Афганистан.
Военная база «Агхарты»
14.06.2054 г., 01:56*

Стук повторился. Чуть громче, чуть настойчивее.

Джек устало вздохнул, окончательно смирившись с мыслью о том, что гость не уйдёт, и его придётся впустить. Выслушать то, что он и так знает. Ещё и придумать хоть что-то в ответ, чтобы окончательно не потерять достоинство в глазах подчинённых.

– Войдите.

Скрипучая дверь в кабинет генерала распахнулась, будто паренёк в серой форме, фасоном напоминающую военную, влетел в неё с разбегу, головой вперёд.

– Сэр, разрешите доложить! – отчеканил он, захлёбываясь и плюясь, с запозданием приложив ладонь козырьком ко лбу. Головного убора на нём не было, но Джек решил, что сейчас отнюдь не лучший момент, чтобы делать замечание по такой мелочи. Да и не в армии же они были, в конце концов, по крайней мере, не в привычном её понимании.

Сидевший за деревянным столом Джек Харроу, мужчина шестидесяти трёх лет, но крепкого телосложения молодого и здорового человека, поднял на гостя глаза, отрываясь от каких-то потрёпанных бумаг. Несмотря на генеральские погоны на плечах, его кабинет не выделялся особым убранством. Всё было по-военному просто: потёртый, стилизованный под красное дерево, стол; два одинаковых стула, возможно, из одного со столом набора; небольшой сейф, стоящий прямо на полу в углу, то ли для сверхсекретных документов, то ли для крепкого алкоголя; пара книжных шкафов и полка, забитых бумагами и разными цифровыми носителями; синее кресло в углу, совершенно неподходящее по цветовой гамме остальному убранству. Разве что освещение здесь было лучше, чем в коридоре, да и в большинстве мест оккупированной "Агхартой" станции.

– Разрешаю.

– Сэр, срочная депеша, – всё так же взахлёб продолжил молодой боец. – Халик мёртв. Как и почти все наши люди, отправившиеся с ним в Санкт-Петербург. Остались трое, но ORF взяли их.

Все последние сутки Джек провёл в раздумьях, как ему реагировать на эту новость. Было очевидно, что она совсем скоро придёт, вот уже прямо сейчас, с минуты на минуту... Вроде бы он и отложил в сторонку парочку неплохих заготовок, но все они бесследно улетучились, стоило ему лично это услышать.

– Генерал, – извиняющимся тоном напомнил о себе стоящий по стойке смирно парень. – Будут какие-либо приказы?

– А какие приказы тебе нужны!? – резко ответил Джек, чудом сдержавшись, чтобы не запустить в подчинённого охапкой листов со стола.

– Я... Я... Сэр... Простите...

– Нет, – генерал выдул весь воздух из лёгких через нос, медленно положил руки на стол ладонями вниз, – ты прости. Ты здесь не при чём. Это моя вина. Я отпустил их. Если и есть, на кого за это орать, то для этого мне придётся подойти к зеркалу.

Предстоит много чего сделать. И дела эти будут очень тяжёлыми.

Предстоит много разговоров. И разговоры эти будут ещё тяжелее.

– Генерал? – спустя минуту (или больше, чёт знает) молчания, не вытерпел молодой агхартовец, за свой ум и смекалку заслуживший честь стать помощником генерала. Или, скорее, его посыльным. – Не хочу слишком много на себя брать, но, возможно, стоит послать отряд, который... подчистит концы?

– Не хочешь, но берёшь. Ступай, займись.... составлением отчёта о том, как идёт перепланировка станции для наших скорых нужд.

Джек встал, угрюмо уставившись на сейф в углу. Всё же, там были отнюдь не документы, и он, как никто другой, знал это.

– И не переживай: о выживших, сознательно нарушивших мой приказ, есть, кому позаботиться.

Санкт-Петербург, Россия

14.06.2054 г., 01:23

Это был воистину преотвратительный день. Тот самый, вспоминая который, спустя много лет, сидя на кресле-качалке, в окружении внуков, прикрыв ноющие колени шерстяным пледом, Вы с большим трудом подбираете подходящий эпитет, чтобы описать его максимально достоверно. Гнусный. Мерзкий. Ужасный. Дерьмовый. Внучата захихикают, услышав последнее слово, Вы снисходительно улыбнётесь в ответ, зная, что следующий эпитет должен был начинаться на букву "х". Хорошо, что Вы вовремя остановились, предпочтя отхлебнуть горячее какао, утопив в нём столь неподходящее для детских ушей выражение.

Виктория закрыла бумажную папку. Всё, хватит с неё на сегодня – и с Виктории, и с папки. Была надежда на контрастный душ: раньше он всегда помогал снять усталость и собраться с роящимися мыслями, но в этот раз ледяной поток, последовавший за почти кипяточным, вызвал лишь раздражение. Есть совсем не хотелось, несмотря на буквально физически ощутимую внутреннюю пустоту. Жаль, экзистенциальный голод не удовлетворить замороженной пищей с подозрительного вида салями.

Бывают плохие дни, когда уже не остаётся сил на работу, а бывают дни, отвратительные (остановимся, пока что, на этом варианте, без "х") настолько, что сосредоточиться на работе попросту невозможно, хотя, возможно, она и могла бы стать спасением от терзающих душу и разум сентенций.

Виски? А сколько его уже было выпито? Опыянение всё никак не приходило, как бы Виктория не взывала к нему. Зато, казалось, будто уже наступило похмелье: хотелось блевать и проклинать себя.

В ушах – скрежет металла, гул, крики и рыдания, перед глазами – огонь и кровь.

Вдавливается коричневая кнопка на панели генератора запахов: комната наполнилась специфичным, но хоть немного успокаивающим ароматом свежесваренного кофе, последовавшим за едва слышным жужжанием создающего запаха прибора, встроенного в стенную перегородку. Виктория утопила кнопку розового цвета – аромат ванили, он никогда ей не нравился. Зелёный – ничего. Видимо, соответствующий ароматизатор закончился, за какое бы лёгкое амбре он не отвечал.

Где-то вдали послышался гудок отчаливающего грузового судна, несущего в своей утробе либо гуманитарную помощь странам, что до сих пор оправляются от войны, – хоть с момента её окончания и прошло двадцать три года, – либо оружие и боеприпасы, возможно, для тех же самых стран. Послевоенное производство на российских заводах налажено таким образом, что переделать станки и конвейеры, производящие вполне мирную бытовую продукцию, в станки,

клепающие орудия для убийства – дело нескольких минут. Отгрузили очередную партию омолаживающей косметики – можно и скрутить пару-тройку тысяч патронов для винтовок.

Ночное небо озарялось неоновыми надписями, едва не наслаивающимися друг на друга. Во второй половине двадцать первого века даже небосвод был поделён корпорациями и разными небольшими конторками на сектора, и раскуплен под рекламные баннеры. Яркая жёлтая надпись, словно сложенная из опасно приблизившихся к земле звёзд, предлагает новый сверхбыстрый сервис доставки еды на – что очень важно для потенциального покупателя, ведь так? – экологически чистых электромобилях. Улыбающиеся летающие головы, персонажи какого-то мультфильма, облачками текста приглашают вас присмотреть себе квартиру в новом фешенебельном районе, а стройная молодая девушка с фиолетовой кожей, блестящей волной ярко-зелёных переливающихся волос, и в чрезмерно коротких шортиках (Как это пропустил отдел цензуры рекламы? Там ведь столько женщин за сорок!) зазывает в модный лакшери-клуб, находящийся в нескольких километрах под её каблуками. Этот мир лишился света настоящих звёзд, их сияние ничего не стоит, оно никому не принадлежит, никому не нужно, следовательно, его невозможно впихнуть в систему товарооборота и налогообложения.

Не прошло и получаса с тех пор, как Вика закончила яростно терзать своё закоптившееся тело жёсткой щёткой под душем, бередя как старые раны, так и те, что ещё не успели скольконибудь поджечь. Сколько их, таких, наслоившихся одни на другие, накопилось за тридцать два года жизни, почти половина которой была проведена на службе в ORF? Люди в соседних квартирах копят слои жира, другие коллекционируют имена новых любовников, их души изранены лживыми улыбками, несбывшимися надеждами, рухнувшими в бездну ожиданиями, и лишь ненависть к себе превосходит ненависть ко всему остальному миру.

– Кажется, я схожу с ума, – сказала она, обращаясь к бурлящему чайнику.

Женщина осмотрела совсем свежий, глубокий порез на левом запястье. Кровь проступила сквозь марлю в виде кривой ехидной улыбки. Рано или поздно, всё выходит наружу – и кровь, и дерьмо, и душа. Ничто не остаётся с нами насовсем.

"А курить ты сколько раз бросала?", – спросила Вика сама себя. Узнай начальство эту цифру, скорее всего, тебя бы даже не уволили – полковник просто грохнулся бы в обморок. Да плевать. Как на собственное здоровье, так и на ментальное состояние руководителей, особенно на ментальное состояние руководителей.

Где там сигаретка?

Она могла бы сойти за принцессу, ту самую, из наивных сказок, из фантазий старшеклассников, где они предстают себя рыцарями в сверкающих доспехах, прекрасной и милой, или актрисой специфического жанра, из фантазий ребят постарше. В шортах и серой растянутой майке, – которую уже не единожды приходилось отстирывать о чьей-либо крови, так что она вся выцвела, – её спортивная фигура могла сводить мужчин с ума, но обилие шрамов заставляло морщиться даже её саму, каждый раз, когда она рисковала глянуть в бессовестное зеркало. Как, например, прямо сейчас. Треснувшие губы искривились от неприязни к себе.

Девушка развязала марлю на руке, выпустила в неё струю сигаретного дыма – не помогло, чего бы она ни хотела этим добиться. Ещё одна затяжка, ещё один шрам. Виктория поднесла сигарету к ране, приоткрывшей хищную голодную пасть. Ещё ближе. Ещё... Ближе...

Звонок на сотовый вывел из транса, сработав не хуже пощёчины. Мелодия старая, ещё из нулевых, лёгкий рок-мотивчик о несчастливой любви, но Вика любила эту песню, хоть уже и не могла вспомнить, когда услышала её впервые. Может, именно под неё она впервые поцеловалась?

– Сержант Штейн на связи, – хрипловато сказала она, выдыхая дым в трубку.

– Не спится? – послышалось в ответ. Голос мужской, не молодой, не старый.

– Нет, товарищ полковник. Мне ещё много писать надо.

– Ещё? Ты ведь и не начала.

– Надеюсь, хотя бы в душ мне камер не установили.

– Я отправил соответствующий запрос, но что-то он долго на согласовании. Впрочем, уверен, ты проверила это в первый же день, – усмехнулся мужчина по ту сторону сети. – Слушай, Вик... Ты просто... Выпей ещё бокал-другой, чем бы ты там не травилась сейчас, да ложись спать. Утром дел только прибавится, а отчёт... Генерал Краснов потерпит, не переживай. Я выбил тебе отсрочку. Сама знаешь: в ORF любят поговорить да поорать, а в штабе сейчас все занимаются именно этим.

– Спасибо, товарищ подполковник. Я поняла Вас.

– Хотя бы сейчас обошлась без уставщины... Вик?

– Да, товарищ полковник?

– Всё нормально?

– Не могу знать, – сделав неопределённую паузу, ответила женщина.

– Эх, не способен я ни поддержать, ни успокоить. Просто ложись спать. Завтра, ещё до обеда, придут ребят из головного отдела. Будут ждать тебя в штабе, помогут, чем смогут. Всё, в общем, доброй ночи! А мне надо сделать ещё кучу звонков, а ответить – на ещё больше.

Виктория ничуть не удивилась тому, что полковник Фёдор Онегин, её непосредственный командир, знал о том, что из всего отчёта она дописала только дату – это обычное для неё дело, тут никакие камеры не нужны. Не любила она бумажную волокиту, как не любила и ложиться спать. Определённо, это два её самых нелюбимых занятия, так же, как и два самых неотъемлемых.

Допив бокал дешёвого капрома, купленного по дороге домой, выбросив окуроч (сама не заметила, куда он улетел, но точно не в пепельницу), Вика подошла к окну. Солнце уже начинало вставать, а она даже не прилегла. Город, впрочем, тоже не спал. В Вас когда-нибудь стреляли? Оставляли посреди тела огромную, зияющую нетушимым пламенем дыру? Если нет, то Вам этот город не понять: чёрта с два ты уснёшь с таким ранением, и не поможет ни обезболивающее, ни бутылка виски.

Серый дымовой след всё ещё висел над крышами зданий, буквально в паре кварталов от того места, где орфовский сержант сняла квартиру. Туча смога обволокла разрушенный небоскрёб – место, куда накануне Санкт-Петербургу всадили пулю.

Виктория закрыла глаза. Только сейчас она действительно почувствовала, как сильно устала.

Один час назад

– Доктор Хитров, срочно в операционную номер три! Пройдите в третью операционную!

В эту ночь больница превратилась в потревоженный улей.словно дикие пчёлы, вернувшиеся домой и не нашедшие добытого тяжким трудом запаса мёда, медсёстры и врачи бегали туда-сюда, сбивая друг друга и роняя инструменты. Молодая девушка в белом халатике и таком же чепчике, не имея возможности даже вытереть собственные слёзы, – её руки были почти по локоть в свежей крови, – едва вписалась в очередной поворот. Это было её второе дежурство, а она уже серьёзно задумалась, не лучше ли было пойти бухгалтером, как её школьная подруга.

Парадная дверь распахнулась так сильно и резко, что лишь чудом не слетела с петель: возможно, всё дело в иконе, висящей прямо над ней, несущей круглосуточный надзор за всеми входящими и выходящими. Каталка, окружённая людьми в белых халатах, понеслась по коридору. Оставалось надеяться, что доктор Хитров уже готов к новому клиенту.

– Доктор Хитров, – не унималась нейросеть больницы, отвечающая за своевременное оповещение персонала, – срочно пройдите в третью операционную!

– Да скажите мне хоть что-нибудь! – не унималась Виктория, вся перепачканная сажей и чьей-то кровью, хватаясь за рукав медбрата, толкавшего каталку по коридору. – Каков прогноз

на операцию!? Он выживет!? Прогноз!? – её голос, обычно спокойный, срывался почти на истеричный визг.

– Откуда, чёрт возьми, мне это знать!? – голос парня был почти таким же, как у Вики. – Я не врач, и нихрена не знаю! Не мешайте!

– Руслан, сука, держись!

– Держись, мужик, держись!

– Доктор Хитров, пройдите...

– Ай, осторожно! Чёрт!

– Срочно, сюда! Мне нужна помощь, сестра! Сестра!

Парень, лежащий на каталке, беспомощно моргал залитыми кровью глазами, пытаюсь сосредоточиться ими хоть на чём-то. Выглядел он совсем плохо. Кажется, моргать – вообще единственное, на что он сейчас был способен. Правая рука безвольно болталась, свалившись с каталки, словно он пытался пощупать медбрата, идущего рядом, за ногу, а левая... Её больше не было. Точнее, где-то она, несомненно, была, но, скорее всего, осталась там, между стеной горящего здания и обломками полицейского вертолёта. Где-то между тогда и сейчас.

– Дальше вам нельзя! – каталку перехватили двое работников больницы, выглядящие более чистыми, чем предыдущие, но не менее запыхавшимися. Один из них не пустил Викторю в зал операционной, едва не оттолкнув её плечом. – Дальше! Нельзя!

– Я... Но... – ответить ей было нечего.

– Доктор его спасёт, я вам обещаю! – улыбнулась ей, не очень-то уверенной улыбкой, молодая медсестра, положив руку на грязное плечо. Интересно, успокаивать людей их там, в колледже, тоже учат, или это она сама такая инициативная?

Виктория так и осталась перед захлопнувшимися дверьми, словно время просто остановилось для неё одной.

– Девушка, присядьте!

Сколько раз она, вот точно так же, провожала товарищей в операционную, где из них доставали пули, где им зашивали раны, засовывали обратно выпавшие органы, отрезали конечности, которые уже было невозможно спасти?

– Девушка, отойдите, не мешайте!

А сколько раз её товарищи и друзья, коллеги и те, кого она лишь единожды видела в строю, так и умирали на этих больничных койках, со скальпелями, торчащими у них из живота?

– Женщина, да отойдите же! – за локоть, грубо и резко, кто-то оттащил оторопевшую Вику от двери. Внутрь проскочили ещё два человека, но она даже не успела понять, какого они были пола.

– Так это он? Тот самый?

– Да, я же сразу тебе сказала, это он!

Виктория проводила отсутствующим взглядом двух медсестёр. И таких она повидала на фронте: хотят дарить мужчинам сугубо позитивные эмоции своими милыми улыбками и коротенькими халатиками, спасать их жизни, но, стоит им первый раз окунуть руки в бездонные раны на теле солдата, пытаться сжать разбегающиеся края хлюпающей плоти, чтобы жизнь не вылилась из неё, – и они ломаются. Если и вернуться домой, то уже не будут прежними. Пропадёт тот задор, навсегда сотрётся весёлая улыбка, появятся ранние седые волосы.

– Вика? Вика! – слышался крик, преисполненный то ли радости, то ли отчаяния, из коридора в вестибюль. – Где он? Что с ним? – взъерошенная девушка еле сдерживалась, чтобы не наброситься на Викторю. Казалось, сейчас она рывком поднимет её, только присевшую на скамейку, за шиворот, как нагадившего мимо лотка котёнка, и силой выбьет ответы на все свои вопросы.

Вика посмотрела на Свету снизу вверх: та успела где-то помыть лицо и руки, но рваная грязная одежда выдавали в ней такую же жертву, как и большинство поступивших сюда сегодня. Миленькая и молоденькая, но разглядеть достоинства её внешности в данный момент было крайне проблематично.

– Жив, – скупой ответила Вика – Думаю, ты уже заметила – его тяжело убить.

Света рухнула на скамейку рядом с сержантом ORF, больше не в силах сдерживать слёзы. Её рыдания крайне гармонично вписались в общую депрессивную какофонию, играющую сегодня в этой больнице. Или, скорее, во всём городе?

– Он спас меня... Уже во второй раз, – сквозь слёзы прошептала Света.

– Ага, – Вика, опустила глаза на кровоточащую рану на руке. – Такой он. Любит спасать кого-нибудь.

– Ты... Ты! Тебе всё равно, да!? На кой ты здесь вообще!? – голос Светы окончательно сорвался, уйдя ниже ещё на несколько октав.

– Что ты хочешь, что бы я сейчас сделала? Не выплёскивай накопившееся на мне. Я не обязана сидеть и ныть, как ты. Он там, на операционном столе, и я ни-че-го сейчас не могу для него больше сделать. Ничего!

– Да ты бы там сдохла, если бы не он!

– Думаешь, я так уж сильно рада, что мне завтра снова придётся вставать на работу?

– Сука бесчувственная! – Света стала плакать ещё сильнее, хотя, казалось бы, куда уж. – Вы все такие, солдатня? Перестаете быть людьми?

– Приходится перестать, если намереваешься выжить, а в идеале, попутно умудриться не сойти с ума, – Вика встала и подошла к окошку операционной. Пять врачей и медсестёр суетились над телом её... Уже можно назвать его другом? – Расскажи мне, что там случилось, – Вика обернулась к хнычущей девушке. – Расскажи, что за зелёное свечение я видела.

– Пошла к чёрту, – вытирая соплю рукавом, промычала Света. – Вот, что случилось.

– Я задала Вам конкретный вопрос, гражданка, и будьте так любезны, – Вика схватила девушка за предплечье, отчего та удивлённо вскрикнула, – отвечайте на вопросы уполномоченного лица.

– А я ответила! Пошла к чёрту, сука!

– Думаешь, я не смогу заставить тебя говорить? Да ты мне пять томов баллад сочинишь о том, что там произошло, ещё в стихотворной форме!

– Пошла к чёрту! К чёрту, к чёрту, к чёрту, отстань от меня! – у Светы началась настоящая истерика. Половина слов тонула в слезах, а другая всё равно не несла никакой полезной информации для предварительного следствия.

В коридоре объявились ещё два человека: ещё одна девушка, но совсем молодая, едва ли выглядящая совершеннолетней, с озабоченным выражением личика и в форме ORF – тёмно-синем пиджаке и плотной строгой юбке того же цвета; и рослый мужчина, чья кибернизация тела была заметна невооружённым глазом. По крайней мере, судя по топоту, обе ноги в армейских берцах были аугментами, как и обе руки, не прикрытые тканью безрукавого тёмно-синего жилета. Парочка резко выделялась на фоне остальных людей, и если девушка – только тем, что не была с ног до головы перепачкана кровью, то парень – ещё и своим телом, почти полностью превращённым в смертельное оружие.

– Вика! – окликнула новенькая, подходя к спорящим. – Как ты? Как Руслан? Жив?

– Мария. Эдриан, – Вика переключилась на своих подчинённых, мысленно поблагодарив их за то, что они подоспели как раз вовремя, чтобы ситуация не накалилась до предела. – Вы где были так долго? Со штабом связались?

– Добрались максимально быстро, – ответил Эдриан, едва уловимо искривлённым голосом – спасибо различным вживлённым в грудь имплантам. – Жуткие пробки, даже для моего

мотоцикла. Люди тут не привыкли к стрельбе. Или, скорее, уже отвыкли. Для них случившееся – невероятное потрясение, хотя...

– Штаб, чёрт побери, Эд, штаб!? – раздражённо поторопила Виктория.

– Установил связь. Но генерал Краснов пожелал говорить с тобой лично, через меня ничего не передал.

– Вика, тебе нужно отдохнуть, ты очень плохо выглядишь, – жалобно пролепетала Мария, теребя маленький собачий ошейник, повязанный у неё на правом запястье. Рядом с киборгом, чей рост был и так ощутимо выше среднестатистического ещё до аугментирования ног, она уж совсем походила на ребёнка.

– Да, да... Лонгсайд, Ропоника, – голос Виктории, при обращении к подчинённым, вновь обрёл приказной тон. Субординация – есть субординация. – Глаз не сводить с палаты. Кроме врачей, которые выйдут отсюда, никого не пускать. Только тех, кто сейчас уже там. Приказ ясен?

– Так точно, мэм! – хором ответили оперативники.

– А мне, пожалуй, и правда надо передохнуть, поспать, хоть пару часов, да и с начальством посплетничать, – Виктория встала и через плечо, напоследок, бросила взгляд на немного успокоившуюся Свету. – А ты... Лучше тебе всё-таки сотрудничать с нами.

– Пошла... к чёрту... – напрочь севшим голосом, прохрипела та.

– Пойду. Но вернусь за ответами утром, и не надейся, что я буду менее злая, чем сейчас.

Пошатываясь от усталости и боли, растекающейся по всему телу, Виктория пошла по коридору на выход. Притормозив на минутку рядом с медбратом, что-то искавшим в папке на столике регистрации, она попросила у него закурить, надеясь, что сигарета будет достаточно крепкой.

Виктория вернулась к палате Руслана с самого утра, поспав всего пару часов, благо, без дурных снов. Больница всё ещё мирно дремала, и её тишина максимально сильно отличалась от того адского шума, что правил балом здесь накануне. Кого-то уже вылечили. Кто-то уже умер.

Всё как обычно.

При виде командира, Эдриан вскочил со скамейки, скрипнув суставом аугментированной руки из особого сплава стали и пластика, серого цвета. Виктория, впервые за последние дни, улыбнулась, глянув на даже не подумавшую проснуться Марию, тихонько посапывающую на скамье. Несмотря на строгую форму, девушка выглядела больше похожей на подростка, а не на бойца. Красный собачий ошейник, как обычно, был повязан на её правую руку, подложенную под голову вместо подушки.

– Она... Вик, она вот, только вот, уснула вот, – начал оправдывать напарницу Эдриан. – Мы дежурили всю ночь. Она, да, она дежурила, глаз не сомкнула!

– Успокойся, – отмахнулась Виктория, подходя к окошку в палату Руслана. – Он пришёл в себя?

– Нет. То есть... Трудно сказать. Ночью бормотал что-то. Врачи заходили. Что-то кололи ему. Поставили капельницу...

– Заполненную "чем-то"?

– Да... Чёрт, я ведь не разбираюсь в медицине, так что мне было делать?

– Ничего. А сейчас отвези Машу домой, потом сразу езжай в полицейский участок. Оттуда скоро увезут арестованных наёмников, чтобы передать их нашим. Приедут из московского штаба, заберут их, ты просто проследи. На всякий случай.

– А потом что с ними будет?

– Мне-то откуда знать? Будут допрашивать, как не сложно предположить. Мировому Совету нужна хоть какая-то информация об "Агартхе", и есть уж слишком большие подозрения, что Халик был связан с ними.

Мария, не просыпаясь, шмыгнула носом.

– Её с собой не бери. Просто проследи, чтобы они доехали до точки передачи, и всё.

– Так точно. Эх... Не хочется будить её. Только ведь уснула. Честно!

Уже заходя в палату, Вика обернулась на подчинённого:

– Ты вообще плевал на мои слова, да?

– Никак нет! Ну, я... А ты о чём?

– Делай, что считаешь правильным, но девочку мне не обижай. Кстати, Вася её, на днях, приглашал поужинать вдвоём. Имей ввиду.

– Что? – механически дёрнулся голос Эдриана. – Этот очкарик? Этот дрыщ? И что она ему ответила?

– Таким ты мне нравишься больше: слегка растерянным, наивным и простым. Не спеши превращаться в хладнокровного убийцу.

– Вот... Блин! Вик, а как бы мне...

Дверь в палату захлопнулась. Руслан, в нынешнем его виде, затронул самые жуткие воспоминания в подкорке мозга Виктории. Она уже далеко не один раз видел таких, как он: хоть и отмытых от своей и чужой крови, но балансировавших на веревочке между жизнью и смертью на о-очень тонких ходулях. Лишённый левой руки по локоть, с перемотанным торсом и повязкой на голове, сейчас в нём тяжело было узнать того берсерка, что, вооружившись только ножом и пистолетом (помимо неотъемлемого арсенала из наглости и самоуверенности), ещё вчера выкашивал ряды наёмников Халика, казалось, без особых усилий. Вспомнила она и то, как увидела его впервые: нахала, решившего всё сделать по-своему, наплевавшему на страх и риск быть убитым. Тогда она подумала, что он, совсем скоро, пропадёт, и никто никогда не найдёт его тела. Она видела бог знает сколько таких вот пацанов, пересмотревших слишком много боевиков и переигравших чересчур много компьютерных стрелялок. В жизни всё совсем иначе, и умираешь ты, зачастую, от первой же пули.

Но этот парень оказался совсем другим, и только вчера Виктория окончательно убедилась, что дело не в везении или пресловутой "школе улицы", как отмазывался сам Руслан. То мерцающее зелёное свечение... Оно не выходило у неё из головы, а тело террориста Халика, словно окунутое в чан с кислотой, с провалившимися внутрь черепа языком и глазами, ещё не скоро перестанет являться каждый раз, когда она закрывает глаза.

Думала, девочка, тебя уже ничем не удивить? Чёрта с два! Вот, сколько дерьма тебе за раз, найди лопату побольше!

– Могла одеться откровеннее, порадовать своего героя.

Что? Голос? Это... Руслан? Быть не может, он же под транквилизаторами!

– А то ты словно уже приготовилась к моим похоронам, – в своей коронной саркастической манере, усмехнулся парень.

– Ты... – Виктория не могла верить ни ушам, ни глазам. – Ты... в порядке?

– Давно не слышал столь неуместного вопроса.

– Уж извини, – Виктория осмелилась подойти к койке ближе. – Я не ожидала столь скорого твоего возвращения в мир живых. Да и спала я, выражаясь помягче, охренеть как хреново, а всё потому, что боялась застать тебя утром несколькими этажами ниже.

– Оу. Выходит, опять думала обо мне всю ночь?

– Да пошёл ты, – наконец выдохнула и улыбнулась девушка.

Он и раньше был ни сказать чтоб красавчиком, но теперь, под одеялом из синяков и кровоподтёков, лицо Руслана было почти не различимо. Она перевела взгляд на культу: вчера, в прицел снайперской винтовки, Виктория прекрасно видела, с какой решимостью и яростью парень отрубил свою руку, не тратя на раздумья лишней секунды.

– Ничего страшного, – перехватил её взгляд Руслан. – Всё равно правой удобней... Вилку держать. А ты о чём подумала?

– Насколько я помню, – сказала Виктория, – ты горел желанием пообщаться с моим начальством, руководством ORF. Что ж, поздравляю – теперь это взаимно.

– О как. С места в карьер, значит. И когда?

– Что за вопрос? – изумилась девушка. – Когда поправишься! Хотя бы, когда будешь в состоянии сам встать с кровати, не опрокинув "утку".

– Тогда давай уже после обеда. Слышал, сегодня куриная запеканка.

– Руслан, я не шучу! Ты, чёрт тебя дери, чуть не погиб там вчера!

– Но не погиб же. Сколько себя помню, на мне всегда всё заживало чрезвычайно быстро. Вряд ли этот раз будет отличаться от предыдущих.

– Это просто какое-то чудное чудо, магия, не иначе! Или...

– Или?

– Расскажи мне, что это был за зелёный свет. Я хочу знать, что за дерьмо это было.

Нависла давящая пауза. Кто-то, этажом выше, закричал, то ли от боли, то ли чтоб просто прервать наконец неприлично затянувшееся молчание.

– Долго объяснять, – наконец ответил Руслан. – Да я и сам не до конца уверен, что там такое приключилось.

– Твою мать, просто расскажи, как всё было!

– Может, хоть спросишь, не сильно ли у меня болит головушка?

– Сейчас заболит ещё сильнее! – всё больше выходила из себя Виктория. – Я приказываю тебе...

– Я не одна из твоих собачонок, чтоб на приказы откликаться! – тут же, несмотря на полумёртвое состояние, бойко парировал Руслан. – Не у тебя одной вчера был ой какой хреновый денёк, да и в целом, жизнь меня потрепала достаточно, чтоб я не боялся тех, кто пытается мною командовать! Думаешь, раз служишь в ORF, имеешь власть надо мной?

– Халик... Я видела, что с ним стало. Он был похож на кукурузу, которую передержали в чане с кипящим кляром.

– Ой, давай не будем про еду...

– Никакое адское пламя не способно сотворить такое с человеком! Будь это из-за пожара, он бы покрывлся коркой. Поверь. Я видела такое.

Руслан, совсем едва, с усердием разлепил глаза. Так Вика и думала: правый глаз парня светился едва различимым, призрачным, зеленоватым оттенком, словно внутри его черепа включили фонарик.

– Твою... – едва слышно выругалась женщина. – Ты хоть можешь представить своей, и без того тупой, а теперь ещё и пробитой башкой, что это за херня?

– Хочешь меня... просветить? – улыбнулся своему каламбуру Руслан, – Давай по-быстрому. Я ведь тоже не выспался.

– Этот глаз... Я не уверена, но если это то, о чём я думаю... Как ты сам сказал, я – всего лишь пешка, при этом, разменная, которой не суждено стать ферзём, – Виктория встала, отстранившись от кровати. Порез на руке разболелся, начал пульсировать и раздражающе чесаться. – Известно мне лишь то, что есть и другие, такие, как ты, кто обладает, так называемой, силой Глаз Агнца. Информация об этих людях и их особенностях строго засекречена ORF. У меня к ней и раньше-то не было доступа, сейчас – тем более, но, поговаривают, что у "Агхарты" есть такие люди. Если они люди, конечно. Лично я с ними никогда не сталкивалась, зато мне приходилось слышать и видеть последствия их действий, и это... Эти глаза – это оружие, страшное оружие массового поражения!

– Да расслабься, я-то хороший парень! Ну, то есть, я тот ещё хулиган, но вполне безобидный. Добряк, очень глубоко в душе. Хорошо скрываю, так сказать.

– Если станет известно, что ты действительно обладаешь подобной силой, они попытаются схватить тебя и завербовать к себе.

– Они? Да кто они-то? – было видно, что Руслану, как бы он ни бравился, было тяжело говорить. Раны и усталость брали верх. – Я вообще не понимаю, о чём ты, о ком ты, какие ещё глаза саженца.

– Агнца...

– Я жил на улице. Помню лишь последние годы своей жизни, проведённые в драках за кусок хлеба. Пока я не смог устроиться на хоть какую-то более-менее нормальную работу, я боролся за каждый новый день жизни! И борюсь до сих пор! Сука, стараюсь быть лучше, чем все ждут от меня! И я любым ублюдкам жопы надеру, пусть снова приходят, и друзей с собой пусть зовут, мне плевать, я всех убью!

– Одной-то рукой?

– А у тебя есть запасная?

– Как я уже сказала, моё командование желает видеть тебя. Может, ORF оплатят тебе ауг. Может, даже предложат поработать с нами.

– Охо-хо, нее-е, – усмехнулся Руслан. – Это уж вряд ли.

– Что? Ты ведь, сучёныш, сам хотел этого!

– Я хотел увидаться с ними – это да, – закрыл глаза Руслан. Зелёное свечение исчезло. – Поговорить с ними хотел, получить ответы на некоторые вопросы. Но я не такой, как ты. На мой взгляд, ORF – та же армия, только нашивки покрасивее. Армейские псы привыкли ничего не решать сами, ждать приказов и слепо их исполнять, но снова напомню тебе, что я – нихрена не солдат.

Виктории стало совсем дурно. Словно завтрак, которого у неё не было ни сегодня, ни последние несколько дней, рвался наружу, мир повидать.

– Если мы и правда на пороге очередной войны, – затихая, продолжал Руслан, – то я к ней готов. Я доверился тебе, и надеюсь, что ты моё доверие не подорвёшь, отдав на растерзание тем, к кому ты привыкла обращаться: "Да, товарищ командир!".

Двери броневика захлопнулись, словно пасть стальной акулы, проглотившей трёх туристов, заплывших слишком далеко. Однако на них были вовсе не плавки и спасательные жилеты: все были закованы в наручники, а грязная рваная одежда, в которой их доставили в участок накануне... Ну, такой и осталась.

– Сэр, мы готовы к отбытию, – молодой полицейский отрапортовал старшему по званию, выглядящему не особо старше по возрасту. – Но представители из ORF ещё не прибыли.

– Да и хрен бы с ними, – отмахнулся офицер, не отрываясь от переписки с кем-то по телефону. – Тут ехать-то не больше сорока минут, нихрена случиться не успеет. А у меня планы на обед. Всё, мужики, по коням!

Отряд из десятка мужчин загрузился в четыре штатных полицейских автомобиля, окруживших бронетранспортёр с заключёнными. Небольшой дождик приятно освежал город, после вчерашнего локального апокалипсиса.

Два рослых копа, закованные в новейшие кевларовые бронежилеты, вооружённые полуавтоматическими винтовками модели "Натред-М30", не спускали глаз с троицы тех, кому повезло пережить кошмар в торговом центре.

– Козёл сказал "поехали", – водитель бронетранспортёра запрыгнул в кабину, кивнув приятелю-автомеханику, сидевшему на пассажирском сидении. – Ну, звучало примерно как "мее-е", но я уже научился понимать их козлийный язык.

Механик заржал, наполняя салон запахом дешёвого пива. Конвой тронулся.

– Йу лутем! Йу лутем ме льёни! Уне премтои, до тэ ларгохем!

– Что эта нерусская гнида говорит?

– А я, что, похож на одного из них?

– Нет, но мужик, что к твоей мамке в гости ходит, вполне похож!

Охранники-копы смеялись, переговариваясь между собой. Их искренне веселил вид закованных пленников из "Агхарты", ведь люди всегда любили посмеяться над тем, кто слабее их самих. И это логично: тяжело смеяться над тем, кто сильнее.

Сэм покосился на своего товарища: отвоевали вместе больше года, в самых горячих точках, такие дела творили, прям как на самой настоящей войне... И так облажаться! Один человек. Один вечер. С романтикой наёмничества можно попрощаться, как и, минимум, с парочкой пальцев. Да, конечно, во всём мире считали, что основанная во время Третьей Мировой войны Организованными Войсками Сопrotивления (во всём мире была принята аббревиатура ORF – Organized Resistance Forces) играет по правилам хороших парней, но Сэм знал, что пыточных дел мастера у них отменные. Лет семь или восемь назад, он уже попадал на обеденный стол к одному такому изуверу: успел лишиться левого уха, прежде чем подоспели товарищи из его тогдашней стаи.

Наёмник, последние семнадцать лет проведший на различных полях сражений, пытался оценить ситуацию, придумать хоть какой-то план для побега, пусть и самый отчаянный, но, кажется, вариантов совсем не было. Его товарищ (кажется, его звали то ли Чест, то ли Чейз) был совсем плох. Его раны, наспех залатанные в медотсеке полицейского участка, были совсем плохи. А албанец... А что албанец? Он не знал ни русского, ни общеанглийского, а девайса-переводчика ни у кого из собравшихся в желудке транспортёра не было. Мужчина забился в угол, и жалобно щебетал оттуда что-то на своём наречии.

– Эй ты, урод, – кажется, один из конвоиров обратится к Сэму. – Ты понимаешь, что твоя подружка лопочет?

Старейшему наёмнику, уже давно позабывшему, как правильно испытывать страх, очень захотелось съязвить. Сказать, что албанец говорит какие-нибудь мерзости про всю семью рыжего копа, что собирается выбраться отсюда и перерезать им глотки но... Стоило поберечь силы. Сэму хотелось верить, что они ещё пригодятся.

– Понятия не имею, – разбитыми губами, по-русски пробурчал Сэм.

– Сам-то ты откуда будешь? – подал голос второй коп, невысокий брюнет с кривым носом. – Американец?

– Француз, – ответил наёмник. – А есть разница?

– У нас нет национальности, – прохрипел на общеанглийском, отплёвываясь от крови, товарищ Сэма. – Мы в "Агхарте" – все одной крови, семья, и боремся мы за общее дело. У нас всё общее, цель, земля...

– Жёны, небось, тоже? Рот закрой, паскуда! – наотмашь, рукой в чёрной перчатке, брюнет хлестанула то ли Честа, то ли Чейза по лицу. – Открывать его будешь, только когда тебя спросят!

– Семья, значит, – улыбнулся рыжий, чьё лицо было забрызгано веснушками, словно подсохшими каплями крови. – Наверно, сук, поэтому вы чуть все друг друга не переубивали пару лет назад. Семейная драма, домашнее насилие, обычное же, сук, дело. Бытовуха! Вот скажи мне, француз, – рыжий подался вперёд, смотря Сэму в лицо, – тебе уже лет не мало, и, судя по харе, кровушки ты хлебнул сполна. Ну так зачем тебе всё это? Надеялся, сук, своей смертью подохнуть, в постельке, с тарелкой горячего супа рядом?

– Молод ты ещё, – сухо ответил наёмник. – Не нюхнул ни пороха, ни смрада палёной плоти товарищей, с которыми ещё вчера играл в кости. Сотри молоко с губ, или что это там у тебя белое...

– Так вы ж, сук, сами продолжаете эту войну! Она закончилась, официально, ещё хрен пойми когда, мы уже почти отстроили всё, что было разбомблено! Вон, гля: в Питере не осталось ни одного повреждённого квартала, а ведь треть города пылала! Самое яркое воспомина- ния меня маленького... А вы, сук, всё не уймётесь!

Рыжий придвинулся ещё ближе, одной рукой взявшись за оружие, висевшее на поясе:

– Я совсем малой был, когда папка живым вернулся, под стол пешком ходил. Но, говорят, все радовались, пир был, сук, на весь мир. Но вам, тварям, всё мало... Вам, сук, доза нужна, доза стрельбы и взрывов, насилия и мародёрств! Вас не устроило, что президенты друг другу руки пожали, посветили в объективы камер своими отбеленными зубами, да? Вас, сук, ничего не исправит, дай только пошмалять в кого-нибудь, пусть хоть по своим!

– Я знаю, что исправит, – вмешался второй солдат.

– И что же?

– Пуля в лоб. Лучшее лекарство – смерть.

Бронетранспортёр подпрыгнул на дорожной выбоине. Рыжий злобно зыркнул на товарища:

– Долго придумывал эту херню?

– Да чего ты нервный такой сегодня?

– Я такой, как обычно, сук!

Вот же дерьмо... Сэм продолжал рассматривать бронированных сосунков, не забывая себе голову болтовнёй рыжего русского, надеясь выждать момент для рывка, да только, что он мог сделать в наручниках? Ребята были моложе и значительно крупнее него, но он знал, что без труда посворачивал бы им шеи, будь у него свободны руки. Эх, только бы уличить момент для атаки...

Конвой ехал по серым Питерским улицам особо не спеша, наслаждаясь лёгким дождиком. Людей на улицах, в этот пятничный денёк, было, на удивление, не особо много, и все, как им и положено, куда-то торопились. Встречные, блестящие, словно маленькие жуки-навозники, машины, в страхе перед вооружённым конвоем разъезжались по боковым улочкам и сквериками, только бы их не смяли в лепёшки. Если не рассказать человеку, родившемуся после окончания войны, что, собственно, ещё совсем недавно эта страна вела активные боевые действия практически по всему земному шару, наверное, сам бы он и не догадался. Покажите ему фотографии Санкт-Петербурга нулевых, двадцатых и совсем свежие – он заметит, разве что, обилие рекламы новых брендов, неоновым цветом горящие прямо на небосводе. Задери голову и скажи: "Точно, надо купить новое стиральное средство! Спасибо, Большой Брат!"

– Ну, братан, скажу я тебе, устроила эта сучка мне вчера корриду, – рассмеялся довольный водитель броневика. – Не, бывали, конечно, у меня девки и погорячее, но эта была тоже... Ух, прям!

– Да ты достал, – ухмыльнулся сидевший рядом механик. – Поделится бы хоть одной с другом. Видишь, не везёт мне с девками в последнее время.

– Так ты пузо-то своё подбери, глядишь, клюнет какая. А то они, мож, и хотят, да подойти к тебе не могут! – не переставал ржать полицейский водитель.

– Тебе, вон, лысина не мешает баб по гостиницам водить.

– Подход к ним надо знать, братан, не всё так просто. Это прямо таки настоящая наука, а я по ней могу диссертацию написать. Сегодня погнали куда-нибудь? Подцепим тебе какую-нибудь жучку.

– Да, конечно, я всегда за.

– Только уж после восьми. Мне жену с дочкой ещё в кино вести, на мультфильм какой-то. Я уже давно обещ...

– Эй, бл*, стой!

Бронетранспортёр едва успел затормозить, чтобы не боднуть резко остановившийся электрокар сопровождения. Обе ведущие машины остановились совершенно внезапно, абсолютно без предупреждения.

– Это что за хрен? – офицер, сидевший в первом автомобиле рядом с водителем, взялся за рацию. – Внимание всем, будьте начеку, оружие на изготовку!

Прямо посреди дороги, которую с обеих сторон окружали витрины супермаркетов, спиной к конвою стоял человек в чёрном дождевом плаще с накинутым капюшоном.

– Эй! – высунулся командир из машины. – Эй, ты! Уйди с дороги!

Мужчина или женщина, чья голова была скрыта чёрным капюшоном дождевика, даже не пошевелился.

– Я сказал, немедленно уйди с дороги! У нас полицейская операция! – офицер нырнул обратно в машину, не желая промокать под усиливающимся дождём, и повернулся к сидящим сзади подчинённым. – Так, живо уберите этого нарика с дороги!

Бывший совсем хилым ещё минуту назад, дождь всё усиливался. Как мальчик становится подростком, стремясь стать настоящим мужчиной, так и он, кажется, мечтал стать настоящим штормом. Прохожие бежали по улицам, проклиная его, но дома их ждали настоящие проблемы: долги, счета за ипотеку, семейные ссоры. У кого-то дочь связалась с наркоманами, у кого-то нашли рак лёгких, у чьей-то дочери, связавшейся с наркоманами, нашли рак лёгких. Так разве дождь может считаться настоящей проблемой?

Полицейские, достав табельные пистолеты, отличающиеся от обычных наличием сканера отпечаток пальцев, спешно подошли к человеку в дождевике. Тот так и стоял, задрал голову, словно лоя языком капли дождя.

– Эй, гражданин! – подобрался совсем близко один из парней. – Прошу уйти с дороги! Не доводите до крайности!

– Повиснул дождь, как лёгкий дым, напрасно степь кругом алкала, – слышались размеренные слова человека в дождевике.

– Что? Эй, последнее предупреждение!

– И надо мною лишь одним, зарёю радуга стояла... Замечательная сегодня погода, не находите? Так и хочется дополнить её столь же замечательными стихами, – оборачиваясь к полицейским, закончил человек в плаще. Его лицо закрывал серый противогаз, со снятым фильтром, ещё довоенного образца. В районе рта было сделано несколько небольших круглых отверстий, чтобы лучше была слышна речь. – Пацаны! Здравствуйте! Вы тут, совершенно случайно, ножик не находили?

Опешившие мужчины переглянулись, не понимая, как им поступить.

– Маленький такой, блестящий, – мужчина принялся суетливо рыскать по карманам чёрного комбинезона, оказавшегося у него под плащом. – Мне его бывшая девушка подарила, на годовщину, то ли отношений, то ли расставания. Дорог как память. К слову, та ещё была стерва... Ах, вот же он!

Острейшее лезвие, сверкнув зеленоватым переливом, рассекая падающие капли дождя, метнулось вперёд, уподобившись голодной змее. Доля секунды! – и к прозрачным каплям чистого летнего дождика добавилась алая струйка из глаза одного из нерасторопных полицейских. Изогнутый керамбит остался торчать из его правого глаза по самую рукоятку.

– Упс, сорвалось! – грустно изрёк мужчина в плаще. – У мужчин такое случается.

Пары секунд замешательства, потребовавшихся второму копу, чтобы оценить ситуацию и направить оружие на противника, хватило человеку в противогазе для того, чтобы заломить ему руки за шею, лёгким ударом по внутренней стороне колена усадить на землю, и приставить к виску выскочивший из под плаща пистолет-пулемёт старого образца, лишённый кодирования по отпечатку пальцев. Всё это было проделано буквально в одно мгновение.

– Твою мать! – заорал офицер, хватаясь за рацию. – Нападение! "Код двадцать"! Всем приготовиться к отражению нападения!

– Псс! Эй, парниш, – ласково прошептал человек в дождевике полицейскому, которого обездвигил. – У тебя дети есть?

– Ч-что? – с трудом выдавил из себя мужчина.

– Ну, дети! Знаешь... Мелкие такие, какают по углам, кашку кушают. Молочко из миски хлебают. Или это я уже что-то путаю?

– Брось оружие, сволочь! – выскочил из машины офицер, на ходу выхватывая табельный пистолет из кобуры. Водитель вышел следом, также расчехляя оружие. Из других автомобилей также вывалились мужчины, вооружённые уже серьёзнее – автоматическими винтовками.

– Чо за херня, сук? – выругался рыжий охранник

– Мы тут должны оставаться? С этими? – его напарник кивнул в сторону заключённых.

– Само собой, кретин! Стреляй на поражение, сразу же, чуть что! Француз, твои друзья!?

Сэм не знал, радоваться ему, или наоборот, насторожиться. В голове прокручивались все возможные варианты развития событий, и большинство из них были не особо радужными. Ну, хотя бы албанец притих в своём уголке.

– Вспомнил! – воскликнул человек в нерабочем противогазе. – Дети – это которых ещё в школу водят. Вот хрен знает, чем они там занимаются, но я слышал, что там их... Не поверишь... Учат! Математика там, два плюс два. Науки всякие. Если спросишь меня – нахрен учёбу, вообще бесполезная штука!

Молодой полицейский перестал брыкаться, поняв тщетность этого действия, и теперь просто тихонько плакал.

– Так ты ответишь? У тебя есть дети, или нет?

– Гражданским лицам: освободите улицу! Сука, брось оружие и отпусти парня!

– Ну же, ответь! Простой же вопрос!

– Чо там происходит? Чо, сук, за х*йня?!

– Просто... скажи мне...

– Отпусти его, немедленно, мать твою!

– Ответь на мой...

– Да, чёрт, да, да, да! У меня есть ребёнок, у меня есть дочь!

Тишина, нарушаемая лишь фоновым шумом дождя, длилась то ли пару секунд, то ли целую вечность.

– На самом деле, я просто так спросил. Праздное любопытство. Не обижайся.

Выстрел из пистолета-пулемёта, по шуму – ни чета выстрелу из автомата, но даже он, в этой тишине, был слышен на весь мир. Словно раскат грома, разорвавший череп молодого парня, он пронёсся сквозь пространство и время, обрызгав человека в дождевике фонтаном из крови, мозга и осколков черепа. Кусок свинца застрял в витрине магазина, в десятке метров от очередной жертвы официально закончившейся войны.

– Время выкрасить этот город в красный цвет! – воскликнул убийца так громко, словно голос его был усилен динамиком. Под градом пуль, выпущенных полицейскими, возжелавшими мести за товарищей, он в два переката укрылся за стоящим на обочине джипом, тут же начавшим разлетаться на куски.

Звук падающих гильз, визги разбегающихся прохожих – всё это заглушало приказы, вперемишку с матами, что орал офицер. Внезапно, окна второго этажа супермаркета, справа от направления движения конвоя, повывлетали от автоматных очередей изнутри здания. Люди, в серой форме "Агхарты" и защитных масках, открыли огонь по конвою.

– Враг справа, укрыться за машинами! – заорал офицер, заплёвывая рацию.

Двое полицейских упали сразу, подкошенные роем горячего свинца. Они не успели даже узнать, ради чего родились, и на их лицах навсегда застыл вопрос, ради чего они умерли.

– База, база! На нас напали! Помогите, срочно! – верещал в свою рацию водитель броневика. Сидевший сбоку толстый механик нажал кнопку под бардачком, и кабину затянул тонкий, но прочный титановый купол, способный защитить от мелкокалиберного оружия. Стальные сегменты, щёлкая при выдвигании, обтянули весь кузов, превратив его в свернувшегося броненосца.

– Определённо, сук, это за тобой, француз, – передёрнул затвор рыжий полицейский. – Но даже не надейся, что я тебя им отдам живым.

– Ты бы вышел помочь своим подружкам, – не удержался от колкости Сэм, за что тут же получил прикладом по чудом оставшимся, после вчерашнего-то приключения, зубам. А ведь он считал, что жизнь его многому научила, по крайней мере – не дерзить тем, кто едва сдерживается, чтобы не пристрелить тебя.

Дождь всё расходился, размазывая кровь во всей улице, словно ребёнок, проливший дома банку с краской, и теперь тщетно пытающийся отмыть её до прихода матери.

– У-у, какие мы обидчивые, – человек в противогазе высунулся из своего развалившегося укрытия, выпустив очередь в сторону конвоя, но ни в кого не попав. – Да! Так их! Ещё одного завалил! Все видели, видели?!

Из окон супермаркета, наконец, послышался первый предсмертный крик, но град пуль от этого не ослабел. Нападавших было не много, но настроены они были решительно, ни на секунду не давая полицейским расслабиться.

– Твари, – раненный в плечо офицер смог заползти в салон легкобронированного автомобиля. – Сейчас пожрёте у меня свинца!

Забравшись на заднее сидение, он схватился за лежащий там пульт управления. Кузов служебного кара мгновенно распахнулся, и из него со скрипом выехала автоматическая турель. Несколько секунд на полное развёртывание хватило, чтобы открыть огонь по врагу.

Ещё секунд десять какофонии из криков и треска двух стволов турели – и офицер нажал кнопку прекращения огня.

– Всё? – уточнил один из полицейских, спрятавшихся за автомобилями. – Они все подошли?

– Слабаки, – пожал плечами человек в противогазе. – Понаберут по объявлению... Когда уже станет весело? Я заскучал!

– Доклад! – гаркнул офицер в рацию так громко, что всем вокруг было отлично слышно его и без неё. – Каковы потери?

Прежде, чем кто-либо успел ответить, с крыши трёхэтажного магазина, с правой стороны от конвоя, сорвалась тень. Здоровенный темнокожий мужчина, одетый в странные лохмотья красно-зелёного цвета, ловко приземлился на крышу автомобиля с турелью.

– Что за х... – только и успел выкрикнуть офицер. Человек, напоминающий индейца из племени майя, лицо которого было измазано то ли в слишком яркой крови, то ли в свежей красной краске, вонзил огромный деревянный меч, сплошь усеянный острыми, обвивающими его, чёрными металлическими вставками, в крышу автомобиля. Словно нож, утопающий в бруске масла, грозное архаичное оружие пробило тонкую сталь и хрупкую человеческую плоть, размозжив череп молодого полицейского, лишив его планы на обед возможности осуществиться.

– Огонь, огонь! – завопил стоящий рядом водитель ведущей машины, первым послав пули в нового врага, но тот, не смотря на грузный вид, с лёгкостью спрыгнул с машины прямо на крикуна, одним ударом ноги, закованной в железный амортизирующий сапог, сломав ему челюсть и шею.

Прыжки и перекаты – пули никак не успевали зацепить первобытного воина. Лишь некоторые из них отскакивали, сталкиваясь с ужасающего вида оружием индейца.

– Ар-гха, ну'урат! – полным ярости и силы рёвом, огласил он почти опустевшую улицу, опуская свой меч на плечо очередного солдата, разрубив того пополам.

– Стоит признать, ты умеешь эффектно появиться, но за пивом я бы тебя, конечно, не послал. Почему так долго?! – человек в плаще выскочил из укрытия, поддержав товарища огнём из ПП.

– Уорт, ыргха р-ро! – проревел воин с мечом, отмахиваясь от пуль и полицейских.

– Да-да, спрячься ко мне за спину. Там самое безопасное место!

Эдриан находился в нескольких кварталах от битвы, когда услышал звуки выстрелов и увидел страх на лицах ошарашенных прохожих, бегущих в противоположную от этих звуков сторону. Вдавив педаль газа до упора, он направил свой новенький японский "Hogizon" против движения толпы.

– Чёрт, – ругнулся он, плотнее прижимаясь к мотоциклу, на который копил с самого поступления в ORF. – Виктория снова будет злиться на меня. Чёрт!

– Да что там происходит? Почему рация молчит? Где помощь? – не сдерживаясь рыдал толстяк механик.

– Не ори! Под этой бронёй мы в безопасности, – водитель броневика хлопал по рации, словно это могло усилить сигнал. – Суки, вы где!? Нам срочно помощь нужна!

Наёмник-албанец плакал в углу, а слова его слились в единый, непрерывный поток мычащих звуков.

– Заткнись, сук, иначе я пристрелю тебя прямо сейчас! – брызгал слюной рыжий коп. – Я всех вас тут сейчас порешу! Молчать!

Второй конвоир рванулся к албанскому наёмнику, со всей дури пнул его в живот, от чего тот прервал свои крики, чтобы похаркать кровью.

В железную дверь постучали. Бойцы тотчас направили свои винтовки в сторону выхода. Крики и выстрелы, однако, не прекращались.

– Тук-тук-тук, есть, кто дома? – послышался незнакомый голос снаружи, едва слышимый из-за стрельбы. – Козлятушки-ребятушки! Ваша мать пришла, молочка принесла!

– Я убью пленных! – взвизгнул рыжий.

– Не-не-не, подожди! – возмутился голос. – Тот, что слева, мне двадцатку должен! Слушай, открой, а? Я возьму своё да свалю подобру-поздорову. Клянусь цаплей.

– Пошёл прочь, сук!

– Ну пожа-а-алуйста, – театрально растянул фразу человек за дверью.

– Нужно быть осторожным, стреляя здесь, – сказал второй полицейский. – Мы тут как кильки в банке, можем сами себя убить рикошетом.

– Я всё, сук, знаю! Ты меня вздумал учи...

Взрыв, хоть и не был особо сильным, повалил обоих копов с ног, обдав обломками двери сгруппировавшегося Сэма, предвидевшего такое развитие событий.

– Господа, – поднимаясь в кузов, кивнул пленникам человек в чёрном дождевике и противогазе. – Дамы, – глянул он в сторону дезориентированных копов.

Более спокойный брюнет очухался первым, но это его не спасло: то место, куда он прицелился, уже было пусто. В один прыжок человек в противогазе настиг противников: первому – перерезал горло закруглённым лезвием керамбита, и сбил ударом ноги в висок второго.

– Говорят, у таких, как ты, нет души, – усмехнулся убийца, нависнув над поверженным противником. – Очень жаль, Сатана, но сегодня у тебя будет не такой шикарный пир, как хотелось бы.

Рыжий коп, не вставая, рванулся к упавшей рядом винтовке, но тут же закричал от нестерпимой боли – очередь пуль, выпущенных из старенького ПП, точно рой злобных москитов, впиалась ему в руку, разорвав её в клочья.

– Блин, – вздохнул человек в дождевике. – Когда я прокручивал эту фразу у себя в голове, она звучала гораздо эпичнее.

Всего одно лёгкое нажатие спускового крючка – полицейский откинулся на спину, запрокинув голову с дырой во лбу. Рыжие волосы побагровели.

– А теперь, когда мы избавились от лишних ртов, что у нас на десерт? – картинно вскинув руки, убийца повернулся к Сэму.

– Ты здесь, чтобы вытащить нас? – прохрипел Чест или Чейз.

– Да-а, конечно, дети мои! Я снизошёл прямиком с небес, даровать вам спасение! Да возрадуйтесь же, да уверуйте в меня!

– Демон! И Плотфукуишем, ме мбро! – словно его прижигали раскалённым тавро, верещал албанец.

– Чего-чего? – обратил на него внимание человек в противогазе. – Это ты про меня, что ли? Его тут кто-нибудь понимает, м, м?

– Нет, – сухо ответил Сэм. Он действительно не знал албанского, но прекрасно понял, что нужно бежать, ибо этот наёмник (а Сэм был уверен, что стоящий перед ним человек был его коллегой) был здесь явно не для того, чтобы спасти их.

– Знаешь, – направив ствол на крикуна, сказал убийца, – я – из тех людей, которые всегда предполагают самое худшее. Так безопаснее, к слову. Так что я буду утешать себя мыслью, что ты сейчас оскорбил мою маму. Или... Не знаю. Мою рыбку. Назову её Лило.

Очередная очередь, заглушившая стрельбу снаружи, рассекала воздух, и незаконченный крик албанского наёмника навсегда повис в воздухе. Тело же распласталось на полу, раскинув окровавленные руки и ноги в разные стороны.

– Эй, твою мать, что ты... – успел выкрикнуть то ли Чест, то ли Чейз. Впрочем, пулям абсолютно всё равно, как зовут того, в чью плоть они вонзаются.

Кровь умирающего товарища брызнула Сэму на лицо. Наёмник ринулся вперёд, всем телом навалившись на человека в противогазе, впечатав того в стену. От неожиданности, тот ойкнул и выронил оружие, но Сэм понимал, что в драке у него нет шансов. Не оглядываясь, он драпнул к выходу, к свободе... Но тут же что-то холодное и острое вонзилось ему в спину, прямо под лопатку. Вскрикнув, Сэм упал на бок, рядом с полицейским автомобилем.

– Ты куда это собрался, грубиян? – тёмная фигура отбросила тень на корчащегося Сэма. – Приходишь, значит, спасаешь их, а они ещё пихаются!

– Кто... Кто ты такой? – прохрипел наёмник.

– Кто я? Кто я такой? Что ж... Друзья, которых у меня, в общем-то, нет, зовут меня Пятый. Но ты, – убийца вытащил из недр плаща очередной блестящий керамбит, – ты можешь звать меня "последний", ибо я последний, кого ты увидишь.

Обжигающе холодная сталь в последний раз коснулась груди Сэма: на ней было полно старых шрамов, но именно через эту рану жизнь устремила на свободу, как никогда сильным потоком, покидая брэнное тело. Сэм отчаянно хватал ртом воздух, надеясь вдохнуть её обратно, но тщетно. В глазах стремительно меркло, но одно, всё же, Сэма

радовало – его война закончилась.

Почти без заминки, огромный шипастый тесак вонзился в водительскую кабину, пробив грудь и живот механика.

– А-а, нет, мама, помоги мне!!! – завопил водитель, обронив рацию. Его друг, которому не везло с женщинами, выпучив глаза уставился прямо на него с предсмертной мольбой.

Темнокожий индеец выдернул меч, обдав водителя фонтаном из крови и внутренностей его товарища. Водитель пинком открыл дверцу, выскочил из кабины, и, забив на звуки борьбы за спиной, понёсся прочь по улице.

Звуки полицейских сирен уже приближались, но именно характерный рёв двигателя "Horizon", остановившегося в нескольких метрах от крайней машины конвоя, заставил Пятого обернуться.

– Бл*дь! – ругнулся Эдриан, на ходу целясь в противника из выскочившего из кобуры пистолета. – Опоздал! Вот дерьмо!

– Ух ты, какой красавчик! – присвистнул человек в противогазе. – Это я, если что, про мотоцикл, не надейся.

– ORF! Лечь на землю, руки за голову!

– А я надеялся, что и ты начнёшь задавать какие-нибудь глупые вопросы. После крайне внезапной смерти моего психотерапевта, мне и поговорить-то не с кем. Ну, что же, пусть так! – едва закончив фразу, Пятый метнул керамбиты из обеих рук прямо в грудь нового противника.

Легко увернувшись, оперативник отрыл огонь на поражение. Судя по стрельбе и окровавленным телам на дороге, по ту сторону бронетранспортёра, перегоревшего дорогу, полицейским срочно требовалась его помощь.

С нарочитой небрежностью, Пятый ловко ушёл в сторону от всех выпущенных пуль. Выудив очередной нож, он моментально стал сокращать дистанцию до противника, намереваясь, привычно, решить дело одним точным ударом. Однако усиленное многочисленными аугментациями тело Эдриана уже знавало азарт ближнего боя. Увильнувшись от нацеленного в шею удара, он перехватил руку Пятого, пнул его в грудь железной ногой. Обычного человека, это должно было, как минимум, обездвигнуть, однако наёмник, лишь на секунду отпрянув чуть назад, выскользнул из захвата, заехав кулаком в челюсть оппонента. Не ожидая, что мощный удар ногой не закончит схватку, Эдриан потерял равновесие, упал на колени, чем человек в противогазе не преминул воспользоваться: перемахнув через киборга, он пырнул его ножом в грудь, ровно там, где должно быть сердце.

Расколовшееся лезвие керамбита отскочило в сторону, улетев под машину, словно испугавшись.

– Вот как, – изрёк Пятый, уставившись на рукоять. – Об этом я как-то не подумал. Ты, типа, парень с сюрпризом?

Резким выпадом прямо из сидячей позиции, Эдриан врезал коленом в челюсть Пятого, от чего тот отлетел на пару метров, но тут же сгруппировался, присев на корточки, как лягушка.

– Хочешь внушить мне, что ты достойный противник, юнец? – усмехнувшись, спросил Пятый. – И для такой консервы ножик подберём, – в мгновение ока, в его руке очутился очередной керамбит, на этот раз, больше остальных, с синеватым, а не зелёным отливом.

Лицо вставшего на ноги Эдриана приобрело особо сосредоточенное выражение. Из бицепса правой руки выдвинулся стальной прямоугольник, похожий на рукоять меча. Ухватив его обеими ладонями, Эдриан развернул своё оружие: бесшумно, из маленького стального слитка выскочило серое лезвие длинного боевого клинка, на манер оружия из классических фильмов про ниндзя и самураев. Вдоль всего клинка был выгравирован пикирующий орёл, и каждая капля дождя, что билась об него, разрезалась на миллион капель поменьше. Аугментированный воин встал в боевую стойку, готовый как напасть, так и отразить любую атаку.

– Так-так-так, что это у нас? – почесал затылок латексом затылок Пятый. – Скажи сразу, чтоб я не завышал ожиданий: ты просто позёр, или реально умеешь пользоваться этой штукой?

– Ты и дальше будешь болтать, хренов кровавый Валентин? – огрызнулся Эдриан.

– О, ты смотрел недавний ремейк, или тоже тащишься по классике ужасов? Ай-й, в любом случае, аматер, оставь каламбуры тем, кто умеет их использовать!

Усиленный особым сплавом керамбит скрестился с боевым мечом. Ни одна сталь не хотела поддаваться сопернице, но её хозяева были не столь выносливы; их руки дрогнули одновременно, клинки соскочили, порезав Пятого по правой руке, а Эдриана – по левой. Мгновение – и смертельный танец продолжился. Много лет кряду киборг тренировался с лучшими мастерами клинка Академии Первой Стали, дабы достичь совершенства во владении холодным оружием. Его учили понимать как все преимущества, так и недостатки клинков перед огнестрелом, учили читать своего противника, предугадывать следующий его удар по глазам. Однако, когда клинки сошлись в очередном клинче и Эдриан взглянул в окуляры противогаза

своего противника, он не увидел там совершенно ничего. Если у человека в плаще и были глаза, матовое стекло не давало их увидеть.

– А что ещё у тебя железное, м, самурайчик? – не переставал язвить Пятый.

Уличив момент, Эдриан вновь попробовал нанести противнику удар ногой, на этот раз, нацелившись в голову, но Пятый успел понять это, извернувшись в последний момент, из-за чего удар не был и вполтину так силён, как должен был. Однако, слегка оглушённый, человек в плаще отпрянул, и Эд использовал один из своих коронных добивающих приёмов: удар в прыжке сверху-вниз, цель которого – лишить оппонента головы.

Либо Пятый лишь притворился, что утратил бдительность, либо это был обманный манёвр, но он с лёгкостью ушёл от удара, толкнул Эдриана под локоть и, совершив совершенно фантастический финт, вонзил лезвие керамбита противнику в левую ногу, позади колена.

Аугмент не может чувствовать боли: сперва, может показаться, что это хорошо, однако из-за этого ты не всегда понимаешь, что получил повреждение. Так и сейчас, развернувшись, Эдриан изготвился для очередного броска, но рухнул на правое колено. Быстрого взгляда было достаточно, чтобы понять – механическое сухожилие было разорвано. Нога требовала ремонта, иначе на неё не упереться.

– Не достаточно просто облепить себя всякими железяками, чтобы назваться несокрушимым танком, – ощупывая раненное плечо, сказал Пятый. – Возможно, ты – просто банка тушёнки. А я ненавижу тушёнку. Дрожь пронимает, как вспоминаю её вкус.

– Кто ты такой? – яростным механическим басом взревел Эдриан, подняв меч перед собой остриём к противнику.

– Кто я? Кто я такой? Что ж... Друзья, которых у меня, в общем-то, нет, зовут меня Пятый. Но ты, – Пятый кружил керамбит в руке, готовясь к завершающему схватку удару, – ты можешь звать меня "последний", ибо я...

– Р-рагх! – запрыгнув на крыше броневика, прорычал воин, похожий на индейца. – Угх-град, бырг!

– Ибо я... Я... Ну, ты... Да блин! – обиженно топнул ногой Пятый, но тут же вернул боевую стойку, прислушавшись к сиренам приближающихся полицейских каров. – Вам всем лишь бы артисту выступление испортить. Завистники. Ладно, тушёнка, сегодня я тебя не съем.

В два прыжка Пятый запрыгнул на машину, с которой его товарищ уже перемахнул на крышу супермаркета.

– Стой! Вернись, трус! – закричал Эдриан, попытавшись рвануться к своему врагу, но тщетно – на одной ноге он мог встать лишь опершись на меч.

– Пообещай мне вот что, мой рыцарь в поношенных доспехах, – напоследок, обернулся Пятый. – К следующей нашей встрече, ты подготовишься лучше, а я, в свою очередь, гарантирую, что она станет последней.

Ещё пара мгновений – и оба убийцы пропали, оставив за собой хаос и кровавое болото. Со всей злостью, подошедший к броневика Эдриан ударил по кузову железным кулаком, оставив заметную вмятину. Он закричал, но не от боли – то был рёв полный гнева, отчаяния и бессилия.

Хромая, обойдя бронетранспортёр, Эдриан увидел то, что и ожидал увидеть, но так боялся: на дороге лежали тела более чем десятка растерзанных полицейских, убитых ужасным, изуверским, пугающе беспощадным способом. Большинство тел было разорвано надвое, натрое, или, хотя бы, лишено каких-либо конечностей.

Новоприбывшие стражи порядка окружили Эда. Послышались призывы лечь на землю, но он и не был против. Чувство беспомощности... Что может заставить колени подогнуться ещё сильнее?

Полицейский водитель выглянул из мусорного бака, стоящего в сырой безлюдной подворотне. Шум перестрелки прекратился, погони за ним не было. Да и кому он был нужен? Пришли явно не за ним, а конвоируемыми наёмниками.

Мужчина неуклюже вылез из ящика. Судя по звукам сирен, подкрепление уже прибыло, а значит, там безопасно и можно возвращаться...

Пробив позвоночник, огромный шипастый клинок – предок которого назывался у древних обитателей Мезоамерики макуахутлом – вырвался из тела лысеющего человека, словно пробивший ворота таран. Не сумев выдавить из пробитой груди ни звука, мужчина лишь медленно обернулся через плечо.

– Аргха, урр-рок. Грын-дарго!

– Если ты не понял из-за акцента, мой беспокойный друг всего лишь хочет, – тоном школьного учителя, пояснил сидевший на мусорном баке Пятый, – чтобы ты знал, как он не любит, когда кто-то от него убегает.

– Аарг-ыт, кагог!

– Ну вот бесит его, когда кто-то мельтешит туда-сюда! Я пытался поговорить с ним об этом, но у каждого свои тараканы. Ты видел его голову? Можешь представить, какие тараканы ютятся в такой громадине? Так зачем было его нервировать? Может, тебе что-то не нравится? Так скажи ему, скажи! Сам я точно не рискну.

Из глаз умирающего водителя беззвучно текли слёзы. Он открыл рот, но, вместо слов, оттуда извергся кровавый ручей.

– Никакой изысканности, – печально подытожил человек в противогазе.

Одно резкое и грубое движение тёмнокожего воина – и тело разрубленного от груди и до самого верха ловеласа упало на спину, оросив переулок свежей кровью.

Глава 1

Лондон, Великобритания
Капитул Мирового Совета
23.08.2054., 09:48

Величественное здание капитула Мирового Совета угрюмо нависало над старым Лондоном, будто насмехаясь над ничтожностью всех прочих построек – таких маленьких, таких жалких. Его белые фасады, выполненные в классическом викторианском стиле, резко контрастировали среди новейших индустриализированных районов, полных как стеклянных небоскрёбов, строители которых позабыли притчу о Вавилонской Башне, стремясь достичь небес, так и однотипных серых заводов, клепавших оружие, патроны и боевую технику. Хотя на территории Великобритании и не велось активных боевых действий, война наложила на пантеон туманов свой отпечаток: среди ярких неоновых вывесок, пытающихся продать вам в одном магазине как чрезмерно солёную пищу в панировке, так и новейшие аугменты для глаз или внутренних органов, ютились грязные пабы, где собирались группы ветеранов войны, организуя новые формирования наёмников, чтобы было, на что пить низкопробный лагер и дальше. Большинство таких отчаянных искателей лучшей доли умирали в первые же недели, пушечным мясом сгорая либо за идеи "Агхарты", либо по решению Совета, либо в какой-нибудь очередной гражданской войне. Потенциальные мертвецы провожали хмурыми взглядами пролетающие по улицам полицейские дроны-наблюдатели, и, стоило любопытной шарообразной машине залететь в тёмный переулок, кидались на неё, чтоб разобрать и продать по запчастям, либо просто хулиганства ради.

Огромный, намеренно тускло, для придания атмосферы таинственности, освещённый зал, похожий на тот, где проходят оперетты, гудел как пчелиный рой над утренней рекой. Более двух сотен человек, самых разных конфессий и национальностей, гости со всех уголков Земли, занимали свои места, собираясь вновь, спустя всего четыре года, дабы принять некие, несомненно, очень важные решения для всего мира. Но, пока основное событие не началось, собравшиеся на сей пир во время чумы весело шептались о своих личных делах: у кого новая интрижка, в тайне от супруга, у кого какие планы по укреплению собственного положения, кто и сколько вчера просадил в казино. Некоторые, особо нелюдимые, отбивались от стаи, формируя по всему театру маленькие группы по три-четыре человека. Словно бывалые заговорщики, они предпочитали обсуждать свои секреты втайне от непосвящённых ушей.

Мировой Совет, альянс сильнейших мира сего, был создан по окончании Третьей Мировой Войны, в 2029-ом году, и, разумеется, проводил отнюдь не первое своё собрание. На мероприятиях освещались общие для всех проблемы сохранения мира и противостоянии террору "Агхарты", тайной террористической экстремистской организации, чья тень до сих пор нависала над человечеством. Именно членов этой, как некоторые выражались, "шайки" многие считают ответственными за эскалацию Третьей Мировой Войны, да и многих других военных конфликтов, большего или меньшего масштаба, на протяжении многих веков человеческой истории. Не смотря на то, что многие здесь сегодня собравшиеся, в своё время, либо недолюбливали друг друга, либо открыто презирали, соглашение о союзнических отношениях между членами Мирового Совета никто нарушить не смел – тебя сразу записывали в возможные пособники экстремистов, террористов, сепаратистов, и просто нежеланных для общества людей. Приходилось терпеть ближнего своего, довольствуясь роспуском похабных сплетен.

Последнее собрание 48-ого года было создано, с целью решить, каким образом приречь отрезанные головы гидры, чтобы она не смогла отрастить себе новые: "Агхарта", на тот момент

сильно ослабленная междоусобицами, была в крайне тяжёлом положении, практически на грани полного краха. Однако ничего путного у Совета не вышло: силами наёмников, ORF и небольших частных армий были разбиты лишь несколько небольших баз противника, да схвачены в плен несколько командиров, не выдавших много полезной информации. Главы богатейших и знатнейших семей, заслуженные герои войны, лидеры крупнейших частных военных организаций, и другие, заслужившие себе членство в Совете, представители древних орденов и кланов, собрались, чтобы вновь попытаться предотвратить войну. По крайней мере, так предполагалось, и именно так педалировалось СМИ.

Анна Тейм глядела на людей с высока – по другому она просто не умела, и дело совсем не в том, что она стояла на мансарде второго этажа главного зала собраний. Трибуна, на которую совсем скоро выйдет избранный спикер, роль которого в этот раз была отдана Натаниэлю Чарджу, была ярко освещена, словно перед представлением именитой рок-звезды. Пара техников в последний раз проверяли исправность всех компьютерных систем, дабы голос говорящего на сцене автоматически, без секундной задержки, переводился и подавался в девайсы на ушах представителей членов Совета, не знающих английский язык. Анна была на этом самом месте и в прошлый раз, только телохранители за спиной были другие – оба рыцаря погибли в позапрошлом году, прикрывая магистра во время покушения на её персону. Она бросила на свою когорту мимолётный взгляд: молодой парень и высокая строгая девушка, оба – с длинными рапирами в алых расписных ножнах на поясах, и с автоматическими винтовками на спинах руках. Видно, что нервничают – первый раз на таком мероприятии. Главное, чтобы не последний.

Своим внешним видом, Анна Тэйм соответствовала своему статусу лидера Мальтийских рыцарей: лёгкие серые доспехи, одетые поверх длинного строгого платья алого цвета, традиционного и излюбленного цвета Странноприимного Ордена, блестели, словно было начищены минуту назад, а меч на поясе был таким же, как и у любого рядового рыцаря-госпитальера. Женщина перебирала в голове вопросы, которые обязательно нужно будет задать этим тунецядам из ORF, организации, вознамерившейся в одиночку справиться с чумой "Агхарты". А ещё этот Руслан Резнов... Чёртовы русские. Вечно им не сидится спокойно, будто и без того проблем нет!

Натаниэль Чардж, одетый в волочашуюся по полу позолоченную рясу из натурального меха, вышел на сцену, откашлялся, словно намереваясь запеть. Анна скривила губы: толстый ублюдок исходил из очень старой и уважаемой семьи, слыл щедрым меценатом, но был противен всем фибрам её души, как своим внешним сальным видом, так и богопротивными делишками, о которых докладывали её шпионы. За спиной Совета, за спиной членов своей семьи, Натаниэль был готов на всё ради каждого нового доллара у себя в кармане, однако шаткое положение собственного Ордена не позволяло Анне выдвинуть на Совете вотум, с целью ареста жирдяя.

Впрочем, вполне возможно, скоро это изменится.

Главы религиозных общин, вожди узаконенных альянсов наёмников, лояльных Совету, старцы из разных древних сект, поклоняющихся забытым язычески богам – неужели весь этот сброд должен принимать судьбоносные для всего мира решения? Анне хотелось сплюнуть – так было горько, во всех смыслах. Инклюзивность – это, конечно, идея в корне хорошая, но вот эта ватага, ведомая лишь собственными амбициями, жадностью да голосами демонов, сейчас будет решать, как им окончательно расправиться с древнейшей экстремистской организацией, что запустила свои щупальца буквально везде? А так ли они лучше, чем "Агхарта", что чуть не погубила сама себя, захлебнувшись в ненависти и нетерпимости к ближнему?

– Леди Анна, к Вам дама Моргана, – послышался за спиной Анны голос её телохранительницы. Рослая и сильная, темнокожая Триша Томсон была ничуть не слабее её соратни-

ков мужчин, и, пожалуй, даже превосходила многих из них во время боевой подготовки. За несколько лет службы, она ни разу не подвела свою госпожу и не посрамила честь Ордена.

– Как обычно, сторонишься толпы? – промурлыкала вошедшая статная девушка, одетая в облегающее фиолетовое платье, уходящее в пол. Откровенный разрез с левого бока позволял оценить длину и красоту ножек в чёрных туфельках. Анна оглядела свою бывшую протеже с нескрываемым недовольством.

– Моргана, – поприветствовала она, подавив раздражение. – Ты знаешь: я верна своим привычкам, как догматам Ордена. Беспричинное праздное общение с кем-либо никогда не доставляло мне удовольствия. Если уж заводить беседу, то только по делу.

– Истинный лидер должен быть не только хорошим оратором, но и приятным собеседником, иначе его никто не захочет слушать.

– Нет. Лидер должен быть хорошим слушателем и прекрасным исполнителем, примером своим вдохновляя последователей.

– Вот поэтому, мы с сёстрами и покинули Орден, – фыркнула молодая кореянка, игриво дёрнув головой с чёрными, как перья ворона, волосами. – Мы устали ждать каких-либо действий, пока ты предпочитала молчать и медитировать в своей келье, довольствуясь компанией холодных каменных стен. Наверно, они-то были приятными собеседниками?

– Вы ушли... – грозным тоном начала Анна, но осеклась. Они с Морганой были так непохожи, и дело не только в разнице в двадцать лет. Неудивительно, что дорожки их разошлись, однако что-то мерзкое, словно маленький зубастый жучок, грызло магистра Ордена госпитальеров изнутри каждый раз, когда она смотрела на эту девушку. Что же это? Возможно, во многом она была с ней согласна, но признать это – значит переступить не только через себя, но и через десять веков учений её предшественников. Это сродни преступлению, предательству, как сказали бы те самые предшественники – ереси.

– Раз ты ушла окончательно, зачем из раза в раз ищешь общения со мной? И зачем пришла сейчас? – только и спросила женщина.

– Просто хотела поприветствовать Вас, леди Анна, – Моргана натянула ехидную улыбку и, слегка прижав рукой подол не самого подходящего для такого мероприятия платья, поклонилась. – Мы с Вами видимся так редко, но, чтобы ни произошло между нами в прошлом, цель у нас едина – сохранение мира.

– Я начинаю сомневаться в этом.

– И всё же, после того, как Совет примет свои решения, я бы хотела побеседовать с тобой. Выпить чашечку заверенного тобой лично чая, как в старые добрые. Обсудить насущные дела, попросить парочку советов по, так сказать, руководству персоналом, да узнать, как поживают мои братья и сёстры, те, кто остались скучать с тобой за компанию.

– Они больше тебе не семья, – Анна отвернулась, вновь принимаясь выискивать знакомые лица в толпе, внизу, на других балконах. – А сейчас, дай мне собраться с мыслями и соизволь оставить меня.

– Тебе известно, что Совет одобрил членство Пурпурной Вуали в этом году? Право голоса у нас ещё нет, но я могу задавать вопросы и освещать проблемы. Скоро мой голос будет равен твоему.

– Это не значит, что Я буду считать тебя равной.

Моргана обиженно поджала тонкие губки:

– Порой, я скучаю по твоей напускной грозности, мамочка, которая нам всем так нужна.

– Если у тебя всё, вновь попрошу оставить меня.

– Ещё я хотела узнать твоё мнение, относительно ситуации с ORF в России. Может, если озвучишь его, я решу поддержать тебя. Поделишься?

– Моё мнение такое же, как и прежде: эта организация, в услугах которой нет нужды уже лет двадцать, да и их вклад в окончание Третьей Войны сильно переоценён. Я не знаю, что там

у них случилось на сей раз, но, если они опять будут кланчить повышение дотаций на какие-то фантомные цели, я выдвину вотум об их роспуске.

– Хм... Но обычные граждане считает орфовцев героями. Про них снимают фильмы, делают видеоигры... Ой, ты, наверное, и не знаешь, что это такое. В любом случае, у многих членов Совета, в том числе спикера Чарджа, они также пользуются расположением.

– Мне плевать на мнение слепцов. Тем более, Чарджа... Я уже несколько лет занимаюсь поисками компромата на эту свинью, и придёт день – я отправлю его за решётку.

– Ну, хоть не сразу на костёр инквизиции, – хихикнула Моргана, отворачиваясь. – Что ж, я тебя поняла. Более-менее. Оставлю тебя с твоими великими думами, иначе, кто же ещё будет переживать за всех нас?

Разглядывая толпу, Анна поймала своё отражение на отдраенных до блеска перилах, покрытых лаком. Оно было кривым, гротескно искажённым, но это не важно: покрытое первыми старческими морщинами, лицо магистра Странноприимного Ордена, более известного в народе, как Мальтийские рыцари, или госпитальеры, давно перестало выражать какие-либо эмоции.

– Я тебя очень прошу! Хотя бы постарайся, для разнообразия, не нести эти все свои обыденные глупости и шуточки шутить! Там сидят люди либо вовсе без чувства юмора, либо оно у них ну очень специфичное, – старалась поддерживать спокойный тон Виктория, обращаясь к вальяжно развалившемуся на стуле Руслану.

Троица сидела в небольшой комнатухе, уж больно похожей на камеру для допросов. Виктория нервно заламывала себе пальцы, рискуя вывихнуть. Руслан, облокотившись на единственную руку, то ли дремал, то ли делал вид, что дремлет. Мария, уже минимум в десятый раз, проверяла содержимое зелёной папки, лежащей у неё на коленях. Два здоровенных охранника, с телескопическими дубинками на поясах, стояли у двери, как неподвижные восковые фигуры.

– Да всё хорошо будет, – лениво промычал в ответ Руслан. – Ты ж меня знаешь – я не косячу. Главное, сами не налажайте, и всё будет о'кей. Держитесь спокойно, а уж я покажу себя пай-мальчиком. Потом, взявшись за ручки, вместе пойдём пить... чай. Раз уж мы в Лондоне, грех не попить чайку.

– Я... – начала было Мария, но Вика прервала её.

– Слушай, парень, моё имя и так у начальства в щит-листе, так что будь любезен – отстань от меня со своими советами! Я ни у кого на поводу идти больше не собираюсь!

– Ни у кого... кроме Совета?

– Воле Совета подчиняются лидеры стран, высшие армейские чины, в том числе и ORF. Самые богатые и уважаемые люди должны сначала доказать, что они достойны вступления в это общество, ибо даже купить себе здесь месте практически нереально. Блин, знала бы я, что вся эта история дойдёт до Совета, не открывала бы варезку перед командованием...

– Не понял, к чему ты всё это, но да ладно, разберёмся. Наша где не пропадала? Правильно: нигде! Постараюсь быть скромнягой, – подмигнул Руслан. – Ради тебя.

В комнату заглянул человек в тёмно-синей форме ORF:

– Эй, плохая, хорошая и злой! Ваш выход.

– Вик, Руслан прав: не нервничай так, – вставая, сказала Мария своей начальнице. – Мы ведь не облажались... так уж сильно в этот раз.

– Я правильно понимаю, что лажать для вас – обыденность? – уточнил Руслан.

– Ну, – замешкалась девушка, тербя ошейник на запястье, – скажем так: в последнее время нас преследуют неудачи.

– Надеюсь, знакомство со мной не входит в их число.

– Скорее, это мы их преследуем, – сказала Вика. – Вряд ли меня понизят ещё больше, разве что отправят полы мыть. Хотя, может, оно и к лучшему будет. Там поспокойнее и налаживать сложней. Главное – отвести удар от Эда, а там будь что будет.

– А ты, малышка, уже была на Совете? – спросил Руслан у Марии.

– Нет, я поступила в шестой отряд уже после последнего созыва. В прошлый раз, Вика была здесь одна, когда...

– Мария! Давайте хотя бы не при мне! – вспыхнула сержант, выходя из комнаты.

– Дамы и господа! – с трибуны послышался голос помазанного спикера Натаниэля Чарджа. Чувствуя силу своего баса, забирающегося прямо в души собравшихся, он медленно обвёл глазами затихший зал, умудрившись заглянув в глаза всем и каждому. – Славные рыцари! Представители достопочтенных семей и кланов! Графы и леди! Я рад видеть вас здесь сегодня, друзья мои, и я был бы счастлив вдвойне просто поднять с каждым из вас бокал шампанского, с улыбкой обсудить личные дела, но все мы знаем, что повод для встречи – отнюдь не праздный. Некоторые из нас подозревают, что мы вновь стоим на пороге войны, которую уже два десятка лет пытаются развязать приверженцы террористической идеологии – оставшиеся члены организации "Агхарта", обители преступников, пантеона убийц, маньяков и прочих маргиналов, выброшенных на задворки социума! Последние годы, их Злопазухи разрывали междоусобицы, что, впрочем, не удивительно, ведь их гнусные лидеры желают лишь собственной выгоды, и никто из них уже не помнит, ради чего они были созваны изначально, столетия назад. У этих ничтожеств нет единой цели – лишь обрывочные, фанатичные, абсурдистские идеи сепаратизма. Словно в яме голодных змей, они кусают друг друга, находя выход своей безумной ярости и садизму в самоуничтожении.

Ещё одна причина, по которой Чардж был ей так мерзок – излишний пафос и напускная помпезность в речи. Анна глубоко вздохнула: спикер точно говорил про "Агхарту", а не про сам Совет? Последний десяток лет, в его чертогах происходило почти всё то же самое, за что Натаниэль сейчас костерил врага – прибавьте коррупцию и лживые улыбки. А ведь Анна прекрасно помнила, как стояла на этом самом месте во времена первых собраний, рядом со своим седым покровителем – сэром Грегори. Уже тогда молодая девушка решила для себя главное: что бы ни случилось с самим Советом, вверенный ей Орден всегда останется верен своим традициям, избранному пути чести, благородства и гуманизма.

Потому предательство Морганы и тех, кто ушёл с ней, такой болью отзывался в её стареющем сердце.

– Однако, совсем недавно, всплыли крайне интригующие и не менее пугающие факты, – продолжал Чардж. – Наши друзья из российского корпуса ORF подозревают, что "Агхарта" вновь принялась плести свою чёрную паутину мирового заговора, с целью развязать новую войну. Виктория Штейн, офицер российского корпуса защищающей всех нас организации, – оратор почтительно поклонился левой половине зала, где сидело много человек в тёмно-синей форме, со стилизованным изображением двуглавого пса на нашивках, – возможно, имеет критически важную информацию для всех нас. Сейчас она займёт моё место, дабы обратиться к вам, многоуважаемые члены Мирового Совета.

Вновь притворно поклонившись, спикер отошёл от стойки с голосовым устройством, передававшим его голос членам Совета. По лестнице, с левой стороны импровизированной арены, уже поднимались Вика, Мария и прихрамывающий Руслан.

– Малышка, ты что – нервничаешь? – усмехнулся Руслан, кивнув вновь заглянувшей в папку Марии.

– Это честная огрошь... – запнулась Мария. – Огромная честь! Войти сюда. Подняться. А я и так всегда немного нервничаю на людях.

– Да не немного, я так смотрю... Успокойся, я рядом.

– Ты выбрал самый неподходящий факт, чтобы успокоить меня.

Виктория поднялась на пьедестал, приподняла кончик микрофона, опущенный для коренастого Чарджа. Напоследок обернувшись на вставших позади неё товарищей, она начала говорить:

– Уважаемые члены Мирового Совета. Моё имя – Виктория Штейн. Я – старший сержант шестого отдела Российского корпуса ORF, занимающегося локальными расследованиями, помощью сотрудникам внутренних органов правопорядка и подготовкой новых рекрутов. За моей спиной – Мария Лонгсайд, моё доверенное лицо, помощница и секретарь, а так же молодой гражданский, житель города Санкт-Петербург. Его зовут Руслан Резнов, и у меня есть веские основания предполагать, что он... один из так называемых Глаз Агнца.

Зал загудел с удвоенной силой. Даже те, кто до этого сидел спокойно и не обменивался ни с кем тайными знаками, теперь принялись рьяно требовать доказательств и объяснений.

– Уважаемые! – бесцеремонно отпихнул Вику Натаниэль Чардж. – Друзья мои, прошу вас, сохраняйте спокойствие! Мне известно, что поступки и решения мисс Штейн ранее уже подвергались вашей заслуженной критике, но давайте всё же выслушаем её до конца!

– Судя по изученным мною отчётам, – донёсся голос из левого угла зала, усиленный, переводившим с русского языка на общеанглийский, девайсом, – у моей подчинённой действительно есть веские основания для столь смелого предположения.

Немного успокоившиеся люди повернулись на высокого стройного мужчину, чьи волосы уже давно были потёрты сединой. Тёмно-синяя форма сидела на нём идеально, словно её отутюжили уже после одевания, и весь его внешний вид излучал силу и уверенность.

– С вашего позволения, – слегка кивнула головой Виктория, – я продолжу.

– Ну, начнём и мы! – подмигнул Руслан стоящей рядом девушке. – Это что за мужик?

– Мужики в поле работают, а это – генерал Михаил Юрьевич Краснов! – еле слышно зашебетала Мария уголком рта. – Главнокомандующий Российского корпуса ORF. Наш босс.

– Серьёзный дядька.

– Три месяца назад, – продолжала Виктория, – в Санкт-Петербурге, куда я была расквартирована после... не имеющих значения к предмету обсуждения обстоятельств, участились случаи пропажи молодых женщин. Связи между инцидентами обнаружено не было, и местные органы правопорядка были бессильны – никаких зацепок. После очередной, уже шестой пропажи, дело попало ко мне на стол. Само собой, все данные у меня при себе, – женщина махнула рукой в сторону своей помощницы, обнимающей увесистую папку. – Я лично взялась за расследование, по результатам которого мы вышли на стаю наёмников без знаков отличия, лидером которых оказался известный террорист Азад – человек, по данным ORF, лояльный "Агхарте". Не стану утомлять вас деталями, но, в результате проведенной нами спецоперации, и при помощи гражданина Резнова, Азад, как и вся его стая, были ликвидированы.

– Я правильно понял, что Резнов помог вам, будучи обычным гражданским?

Голос, задавший вопрос, прозвучал тихо и хладнокровно, словно через плотный дым, резко выделяясь из общей какофонии оживлённого гула.

Вика подняла голову в сторону второго этажа: одетый в ядовито-зелёный пиджак и такого же цвета брюки, лысый темнокожий мужчина буравил её взглядом, и даже с такого расстояния, девушке стало не по себе. Двое его охранников, худощавые рослые парень и девушка, одетые в облегающие зелёные комбинезоны, держали в руках стальные копья с острыми наконечниками. Их почти абсолютно чёрные лица были разрисованы белой краской, делавшей их похожими на двух воинов-скелетов.

– Да, сеньор Веласкес, – с трудом выдержала взгляд мужчины Вика. – Резнов – гражданское лицо, но обстоятельства сложились так, что нам пришлось принять его помощь. Одна из похищенных Азадом девушек была его возлюбленной, и он, без моего ведома, я бы даже сказала, супротив него, вмешался. За случившееся, ответственность я беру на себя.

– Конечно берёте, но что толку? Вы занимаете очень мелкую должность в своей организации, – улыбнулся мужчина, буквально осветив тёмный зал идеальными отбеленными зубами. – Как же так выходит, что Ваше имя мне приходится слышать уже не впервые?

Виктория сдержалась, чтобы не сжать кулаки. Нельзя показывать свою слабость или гнев, это она поняла ещё в прошлый раз. Женщина с мольбой посмотрела в сторону генерала Краснова, но тот лишь опустил взгляд. Помощи ждать неоткуда. Даже у себя, в ORF, она не была на хорошем счету.

– Сеньор Веласкес, – властным тоном развеяла вязкую паузу Анна. – Не знаю, как у вас, а лично у меня ещё куча собственных дел, и, хоть я и не желаю показаться бестактной, но попросила бы сержанта Штейн закончить рассказ. Уверена, после у Вас будет возможность задать любые вопросы.

– Леди Анна, – нарочито медленно, театрально кивнул темнокожий мужчина, глянув в сторону магистра. – Приветствую Вас и прошу меня простить. Больше я не отниму ни единой драгоценной секунды Вашего времени.

– А это что за ярмарочный фокусник? – спросил Руслан.

– Нестор Веласкес – глава древнего южноамериканского культа Барона Субботы, – не сводя взгляда с позвоночника начальницы, ответила Мария. – Даже не смотря на членство в Совете, о нём и его людях известно совсем не многое. Они – древний культ воинов и шаманов, члены которого заработали себе место в Совете огромным вкладом в борьбу с "Агхартой". Видишь двух страшил за его спиной? Это – Безымянные Близнецы, одни из лучших воинов культа, убийцы с самого рождения.

– Вот прямо таки с рождения?

– Воины культа – как они сами себя называют, духи лоа, – учатся убивать с малых лет. Согласна, это бесчеловечно, а их воины – настоящие маньяки!

– Разве я сказал, что считаю это бесчеловечным?

– Как мной было уже сказано, – продолжала, тем временем, Виктория, – стая Азада, как и он сам, были нами ликвидированы. Освобождённые девушки, которые нашлись в убежище наёмников, не смогли дать никакой особо полезной информации, например, о связи Азада с "Агхартой". Наёмники с ними не разговаривали, однако их вполне достойно кормили, и ни одна из них не подвергалась физическому или сексуальному насилию. Даже в случае, когда девушка пыталась сбежать, её не били, а просто возвращали обратно, запирая в общей комнате.

– Ну понятно! – донёсся женский выкрик из зала. – Женщины для солдат "Агхарты" или наёмников! Подневольная проституция, рабство! И это в двадцать первом веке!

– Вполне возможно, – кивнула Виктория. – Хотя ранее подобных прецедентов на моём участке не случалось, к сожалению, даже в наше время, рабовладение имеет место быть. Мы подозреваем то же самое, учитывая данные о связи Азада с "Агхартой", однако расследовать это у нас не было времени. Всего через два дня в Петербург прибыл Халик, старший брат Азада, и, помимо грязной и не обученной шпаны, с ним был стая опытных наёмников, так же без знаков отличия. Они захватили заложников, требуя выдать им Руслана Резнова. Я взялась вести переговоры, которые, в общем-то, не состоялись. Опять таки, опушу не важные детали и перейду к сути того, ради чего мы сегодня собрались: в результате битвы, устроенной Халиком, он остался один на один с Русланом, который его убил, – Виктория выдержала паузу в несколько секунд. – И у меня есть основания полагать, что сделал он это, с помощью силы Глаза Агнца.

– Сержант Штейн, – встал со своего места генерал Краснов. – Вы наверняка можете как-то обосновать своё предположение? Я бы предложил гражданину Резнову продемонстрировать эту силу прямо сейчас, но, уверен, все присутствующие согласятся, что это слишком опасно.

– Товарищ генерал, – голос Вики дрогнул, – прямых доказательств у меня нет. Но тело Халика было, казалось, подвергнуто мощному радиационному или химическому поражению,

а если точнее, то выглядело так, словно его окунули в чан с кислотой. Анализ биохимии его останков не дал нам ответа, что же произошло, а эта сила более не проявлялась.

– Сила Глаз Агнца – это, конечно, очень интересно, генерал Краснов, – оборвала диалог орфовцев Анна, – но мне куда более интересно послушать о том, как были связаны эти террористы с "Агхартой". Возможно, их поступки направлены лишь на собственные интересы, а возможно – они готовили некий плацдарм для планов своих покровителей. Вы предполагаете, что Азад готовил девушек для сексуального удовлетворения армии "Агхарты"? Но ведь, произнося эти слова, вы и сами должны слышать, насколько бредово они звучат. О членах этой организации можно говорить что угодно примерзкое, но они, на самом деле, не просто маньяки и извращенцы. Их ведут идеи, и идеи отнюдь не сексуального порабощения женщин.

– Леди Анна, – повернулся к магистру Краснов, – мы и так знаем, что угроза "Агхарты" существует, что они продолжают вести свою террористическую деятельность, несмотря на наши попытки добить их окончательно. Прямо сейчас, в Афганистане, наши разведчики ведут наблюдение за их новой, недавно обнаруженной базой. Но последние годы были для ублюдков крайне неудачными. Сколько, как их лидеров, так и рядовых боевиков, были ликвидированы или отправлены в тюрьмы лично Вами и вашими рыцарями? Да и мы, уверяю, держим их разрозненные остатки под контролем.

– Не зря второе название "Агхарты" – Город Мудрецов, – не удосужив генерала взглядом, продолжила Анна. – Многие поколения наших предков боролись с ними, и им тоже казалось, что они почти победили, но нет. Словно феникс, "Агхарта" вновь восставала из пепла войны, неся раздор и смуту по всему миру.

– Девушка! – подскочил к микрофону Руслан. – Я сейчас, конечно, не смогу точно повторить слова того придурка, но он что-то говорил про эту вашу "Агхарту"! Что-то вроде: "Да, у меня друзья там! Клянусь, у них там здорово кормят, лучше, чем..." Эй!

Мария оттащила парня от микрофона, вцепившись в джинсовую куртку, не дав тому продолжить.

Костяшки пальцев Анны побелели, сжав поручни. Какова дерзость!? Ещё один нахальный выскочка, смеющийся братъ слово без позволения? Несколько веков назад, за такое обращение к леди, она тут же приказала бы отправить его на гильотину. Теперь же, лишь поставила галочку у себя в голове, напротив имени Руслан Резнов.

– А что случилось с пленными пособниками Халика? – спросила совсем молодая девушка из середины зала, одетая в лёгкое белое платье. Две высоких фигуры, в таких же белых балахонах, словно мраморные колоссы стояли по бокам от неё.

– Ты что творишь? – зашипела Мария. – Мы и так плаваем в бассейне с дерьмом, а ты ещё сам туда гадишь?

– Расслабься, я всё как надо творю, – улыбнулся Руслан, поправляя куртку. – Просто Викусе помочь захотел.

– Ты ей сейчас так поможешь, что уже никакая другая помощь не поможет!

– Малышка, всё нормально. Расслабь жилки.

– Пленные, – продолжила Виктория, ощущая, как холодный пот змеится по её шее, – были убиты. Во время транспортировки из отдела полиции, где они провели ночь, в местный штаб ORF, на конвой было совершено вооружённое нападение. Застигнутые врасплох, полицейские потерпели поражение от превосходящих сил противника. Я попрошу мою помощницу предоставить вам кадры с камер наблюдения и авторегистраторов, – Вика повернулась к своим товарищам. – Маш, давай.

Мария раскрыла папку, которая оказалась отнюдь не заурядной кипой бумажных листов. Хитрый электронный девайс засветился, и на высокой стене позади сцены высветились фотографии с места сражения. Девушка положила ладонь на устройство, медленно повела указательным пальцем, и фотографии принялись сменять друг друга, демонстрируя кровавое

зрелище: вот пали первые двое мужчин, вышедших на разведку, вот всё превратилось в неразборчивый вихрь из пуль и криков, а вот огромный мужчина с шипастым деревянным мечом приземлился на крышу полицейского автомобиля, убив офицера. Кадр сменялся кадром, одна смерть – другой. Молодой полицейский, лишённый обеих ног, смотрел прямо в объектив камеры на входе в какой-то бутик, но лицо его не было искривлено в гримасе боли – оно выражало недоумение. Пожалуй, даже несогласие. Отрицание неизбежного.

– Какой ужас, – всхлипнула девушка в белом платье. – Такие молодые ребята. Такая потеря для всего человечества.

Мария нажала на экран, встроенный в папку, и на его большом аналоге запустилось видео с камеры супермаркета: человек в гротескном противогазе что-то прикрепил к двери бронетранспортёра, происходит небольшой взрыв, он входит внутрь. Не проходит и минуты, как оттуда вываливает человек с ножом в спине.

– Мы подозреваем, что этот человек, – Маш, останови запись! Спасибо, – что этот человек, как и здоровяк с мечом – либо боевики "Агхарты", либо члены стаи наёмников, работающих на неё.

Лицо Анны, что происходит не чаще, чем полное лунное затмение, исказилось от ухмылки. Глупцы! Так они даже не поняли, с кем столкнулись?

– Оба выжили и покинули место происшествия до прибытия наших подкреплений, – пояснила Вика. – Все сотрудники полиции, равно как и пленные наёмники, погибли.

– А остальные нападавшие? – спросил Веласкес. – Со здания кто-то вёл интенсивный огонь.

– Мы полагаем, что это совсем недавно подавшиеся в ремесло наёмники, нанятые "Агхартой" прямо в Санкт-Петербурге, – Виктория буквально физически чувствовала, какой огромный ком из непонятной, но очень неприятной субстанции, катится на неё. – Имеем всего три трупа, остальные, видимо, утащили их товарищи. Обо всех троих нет никакой значимой информации, в базах наёмников или террористов не зарегистрированы. Двое – бывшие сотрудники разорившейся частной охранной организации, третий – спецназовец, тоже бывший, спи-саный по статье за употребление алкоголя на службе.

– Я перебыю, – вмешался Чардж, заговорив в микрофон в руке. – Хотел бы попросить вас не причислять этих людей к наёмникам раньше времени. Возможно, это просто бандиты, мародёры и ренегаты, во время войны трусливо бежавшие с поля боя, а потом присоединившиеся к "Агхарте". Только так эти ничтожества набирают себе рекрутов, только из такого мусора и вылазят их новички, ибо все их мало-мальски опытные бойцы, бывшие солдаты из расформированных частных военных компаний, уже перебиты.

– А разве те, кого ты перечислил – не большая часть всех наёмников? – выкрикнул кто-то из зала, после чего по нему пронеслась удобрительная волна смешков.

– Я продолжу, – воспрянула Вика. – После случившегося, мы...

– Подождите, мисс Штейн, – перебила её Моргана, подав голос из тёмного угла зала. Анна удивлённо перевела взгляд на бывшую ученицу – та ехидно скалилась. – Ну, или как там к девушкам обращаются у вас, в России. Мои источники сообщили мне, что на месте сражения был человек из вашего отряда. Кто он, и что с ним?

– Пожалуй, на этот вопрос отвечу я, – рядом с генералом Красновым встала средних лет женщина, с хищным выражением лица, делавшим её похожей на недавно отобедавшего ястреба. Поправив тёмно-синюю форму, она продолжила. – Меня зовут Катерина Кадавр, я – старший лейтенант, недавно назначенный руководителем шестого отдела российского корпуса ORF, непосредственный начальник Штейн.

– Что? – перебила её изумлённая Вика. – Как? А где полковник Онегин? Почему я ничего не знаю?

– Штейн, – улыбнулась Катерина, – у нас с Вами, и всем вашим отрядом, ещё будет время познакомиться и пообщаться, но уже после того, как собрание высокопочтенного Совета завершится.

– Я... Я не понимаю! Я ведь разговаривала с ним всего несколько дней назад!

– Виктория! – вмешался Краснов. Давно Вика не видела его таким угрюмым и невыспавшимся. – Полковник Онегин отстранён. Возможно, временно, возможно, насовсем. Теперь вами командует лейтенант Кадавр. Это всё, что вам нужно знать на данный момент.

Руки Виктории окончательно опустились. Она заподозрила неладное, когда не увидела лицо старого друга, поддержавшего её во время прошлой "публичной порки", в зале, но что бы такое...

А ещё хуже может быть?

– Дама Моргана, – взяла слово Катерина, – человек, про которого Вы спрашиваете – это Эдриан Ропоника, выпускник знаменитой школы мечников, Академии Первой Стали, два года назад присоединившийся к шестому отделу. В Академии его охарактеризовали как заносчивого и вспыльчивого, но способного рекрута, из которого может получиться отличный солдат, но которому требуется основательный надзор начальства. Видимо, таковой он не получил. Лонгсайд, – обратилась лейтенант непосредственно к Марии, – почему Вы не показываете всё видео? Запустите дальше!

Мария нехотя исполнила приказ: и вновь Эдриан бросается на человека в дождевом плаще, вновь падает на одно колено, вновь кричит в беспомощной ярости поражения.

– Эдриан? – подал удивлённый второй голос телохранитель Анны, молодой парнишка по имени Кевин, худощавый, с вечно взъерошенными светлыми волосами.

– Ты его знаешь? – взглянула на напарника Триша.

– Я? А... Мы с ним учились вместе. Ну, то есть, не совсем вместе! Он был на курс старше меня, и раньше из Академии вышел... Но, как-то раз, мы даже стояли с ним в спарринге.

– Как вы, уважаемые члены Совета, можете видеть, – не унималась Катерина, – Ропоника потерпел поражение от этого человека, один на один. Как он там себя назвал? Пятый?

– Да, – еле выдавила Вика, чувствуя себя так, будто пол под ногами превратился в густой кисель.

– Его аугмент ноги требовал ремонта, оплата производилась из бюджета ORF. Само собой, за столь позорное поражение, кое не должен был допустить истинный художник клинка, от рук какого-то клоуна в противогазе и обезьяноподобного индейца, я поставила вопрос об отстранении от своих обязанностей как рядового Ропоника, так и сержанта Штейн, которая уже не в первый раз демонстрирует свою некомпетентность. Такие сотрудники – позорное клеймо на светлом челе ORF.

Вспомнить, что ли, как была маленькой девочкой, сесть и разреветься? Вика чувствовала себя, словно под водой: плохо видно, невозможно дышать, нет опоры под ногами. А погружение всё продолжалось.

– Так, всё, мне это надоело! – вновь выскочил Руслан, оттолкнув Вику. – Я не ваш подчинённый, дамочка, чтоб терпеть весь этот базар-вокзал!

– Как ты смеешь?! – взвизгнула Катерина.

– Тебя там не было! Никого из вас там не было! – продолжил Руслан, не прислушиваясь к гомону Совета. – Вы тут что, собрались Вику судить? Уволить или нет маленькую шестерёнку? Вам дома заняться совсем нечем? Я думал, есть вопросы и поважнее, для таких-то напыщенных персон, как вы! Где ж вы, такие важные, были во время нападения Халика? Во время нападения на конвой? Мы там, знаете ли, не куличики с ними лепили! Этот Пятый – крутой сукин сын, хоть и одет по-идиотски. Машка, ну-ка, включи видео! Да отцепись от меня и включи заново чёртово видео, мелочь!

Мария обречённо вздохнула, но выполнила просьбу: Эдриан и Пятый вновь сошлись в танце клинков.

– Видите? – радостно воскликнул Руслан, хотя повода для радости не наблюдалось. – Крутой, ну же, скажите? Не, я бы его, конечно, отделал, натянул бы по самые эти, но вот не справился наш парень. Эй, а вы бы справились?

– Виктория! – заорала лейтенант Кадавр. – Я приказываю арестовать этого человека! Я приказываю!

Нестор Веласкес зашёлся раскатистым смехом. Нажав на кнопку за ухом, он отключил микрофон, чтобы его хохот не лился в уши остальных членов Совета, которые вновь принялись шуметь и кричать. Впрочем, зал и без этого орал и смеялся наперебой, и даже любезничающий у микрофона спикер был не в силах успокоить людей.

– Хуже детей, – вздохнула Анна, повернувшись к своей свите. – Глупая толпа, что радуется куску хлеба и минуте зрелища. Только и ждут, кого отправить на плаху. Вместо сосредоточенного, хладнокровного обсуждения насущных проблем, ищут возможность задеть друг друга. Придираются к словам, язвят. Я удивлена, что этот сюр до сих пор не превратился в самый обычный мордобой.

– Совету не хватает твёрдой руки, – заметила Триша, никогда не отличавшаяся особой тактичностью. – Кажется, господин Чардж не особо справляется с ролью спикера, или не хочет справляться. С Вашего позволения, леди Анна, замечу, что этим людям нужен суровый руководитель, который знает, когда и как нужно сжимать кулак.

– Это рушит саму идею независимости и свободословия Мирового Совета, – неуверенно промычал худощавый Кевин.

– Рыцарский кодекс и нас не уберёт от распада, – сказала Анна. – В такие моменты начинаешь задумываться, чем мы лучше "Агхарты", которую так рьяно стремимся истребить.

– Леди Анна! – выпалила Триша. – Что Вы такое говорите?

– Забудь, – Анна щёлкнула кнопку на своём микрофоне. – Успокойтесь все! Мне есть, что сказать по данной ситуации!

Буквально через пару секунд все молчали. Сотни пар глаз уставились на величественно взирающую сверху вниз женщину, которая, не смотря на приблизившуюся старость, по-прежнему излучала силу и уверенность.

– Благодарю, – продолжила она. – Старший лейтенант Кадавр, верно? Сказать, что я разочарована, значит, не сказать ничего. И это вы называете противодействием мировому террору? Валите вину за свою некомпетентность на стоящих рангом ниже – вот и всё, что Вы можете сделать в своё оправдание?

– Но... – осеклась Катерина. – Я ещё не была у руководства!

– Но Вы руководите теперь. Или делаете вид, что руководите? Скажите, хотя бы, как зовут этих двух наёмников, напавших на конвой?

– Мы... Это мы не установили...

– Жалкое зрелище, – фыркнула Анна, переводя взгляд на Вику. – Там всё понятно, а что до Вас, Виктория? Вы тоже не знаете этих людей?

– Боюсь, нет, леди Анна, – пристыженно ответила женщина. – А должна..?

– Должны, я бы даже сказала, обязаны! Я делаю вывод, что хваленая разведка ORF работает из рук вон плохо, – Анна скрестила руки на груди, принявшись прохаживаться по балкону из стороны в сторону. – В отличие от моей. Эти люди – члены "Эфемероптера", те самые наёмники, что держат в страхе почти все другие стаи, а руководит ими – уж надеюсь, хотя бы это вы знаете – ваша старая знакомая – Лукреция Кими.

Нет... Не-ет! Нет. Такого просто быть не может. Вика даже потрясла головой. Захотелось, как в детстве говорили, ущипнуть себя – проверить, не сон ли это. Ещё одна ложка дёгтя в бочке дёгтя?

Снова они... Старые враги, призраки прошлого...

– Ассасины "Эфемероптера" берутся за самые сложные заказы и всегда выполняют работу, оставляя за собой горы трупов. В этой стае сменилось уже несколько поколений, что редкость, но, ещё давно, они были уличены в связи с "Агхартой". Им приписывают многие убийства ярых противников Города Мудрецов, организацию терактов. Я спрошу вновь: Виктория, не смотря на Вашу давнюю конфронтацию с Лукрецией Кими, Вы и правда не знали, что это – её люди?

– Нет.

– Именующий себя Пятым – член "Эфемероптера", впервые замеченный нашей разведкой всего пару лет назад. Быстрый. Ловкий. Абсолютно безжалостный и беспринципный, в общем, типичный представитель эфемеров. Настоящая его личность, нам ещё не известна, – Анна испепеляла взглядом съёжившуюся, как котёнок, Вику. – Здоровяк – бывший не то солдат, не то учёный "Агхарты", также недавно присоединившийся к стае Кими. Его зовут Генри Морта, хотя правильнее было бы именовать его Зрод-Кипак'Колотль, ибо именно этим злым духом одержим наёмник.

– Чего? – поперхнулся Руслан. – Одержим?

– Позже объясню, – мрачно пообещала Мария, поглаживая ошейник на руке.

– Морта уже давно работал на "Агхарту", ещё до присоединения к эфемерам. Оба ни раз были замечены с Кими, так что, судя по всему, они уже стали полноценными членами стаи, – продолжала Анна. – Несмотря на слухи о вражде Глаз Агнца и членов "Эфемероптера", последние исправно выполняют заказы на убийства для "Агхарты". Лукреция, известная как Потрошитель – крайне опасный враг, а её вмешательство в это дело, я считаю прямым доказательством заинтересованности "Агхарты", и дело тут отнюдь не в сексуальном рабстве. Каким бы ужасным ни был факт наличия последнего, за всем этим кроется нечто большее.

– Я бы не стал так спешить с выводами, – донеслось из противоположного мальтийским рыцарем балкона. – Эфемеры, конечно, те ещё психопаты, но, как Вы и сказали, они не в ладах с Агнцами, которые служат "Агхарте". Не думаю, что Город Мудрецов стал бы использовать эту стаю, если бы речь шла о чём-то действительно значимом для них

– Мне начинает надоедать, что все здесь сегодня норовят перебить меня, – грозно ответила Анна. – Но я отвечу Вам так, граф Валериан: мы все прекрасно знаем, что прямо здесь и сейчас, на этом Совете, присутствуют внедрившиеся члены "Агхарты". Они слушают нас и тихонько смеются, предвкушая свой триумф.

– Вечно Вы, леди Анна, ищите змей там, где они отродясь не водились, – обладатель голоса подался вперёд. Им оказался довольно молодой мужчина, в элегантном шёлковом камзоле тёмно-красного цвета, голову которого украшали длинные светлые кудри до плеч, скорее, подходящие девушке, чем мужчине. – От "Агхарты" почти ничего не осталось. Все их планы канули в лету сразу же, как только президенты России и Америки обменялись улыбками и рукопожатиями, символизировавшими подписание мирного договора. Резнов... Руслан, верно?

– Мда, – картаво протянул Руслан. – А Вас, царевна, как величать?

– Ах, эта исконно русская манера речи, – усмехнулся мужчина, постучав пальцев по устройству на ухе. – Кажется, моему переводчику нужно обновить прошивку, чтобы он смог передать весь спектр неподдельного колорита Вашего сарказма. Я – Александер Валериан, – ударение на последний слог – потомственный граф и хозяин славного имения Валерианов. Мадам Штейн сказала, что Вы – один из Глаз Агнца, а раз так, я бы хотел знать, как мне к Вам относиться: как к врагу или как к другу?

– Ну, Санёк, с одного бокала я с тобой пить точно не стану.

– Я восхищён! Гомерическая дерзость, но мне нравится!

– Тебе нравится что-то кроме лака для волос? Эй, отдай!

Виктория выхватила микрофон обратно, едва сдержавшись, чтобы не заехать Руслану по носу.

– К сожалению, леди Анна во многом права, – серьёзно проговорил Веласкес. – Ситуация в зонах, где была зафиксирована активность агхартовцев, заметно обострилась за последние пару недель. Боюсь, события в Санкт-Петербурге могли стать катализатором для чего-то куда более зловещего.

– Что Вы имеете в виду? – спросила Виктория. Чего ещё она не знала?

– Совет, при поддержке правительства стран цивилизованного мира, делает всё, чтобы сокрыть от мирных жителей факт того, что Третья Мировая Война, фактически, не совсем закончилась. Да, активных боевых действий больше не ведётся, но в разных частях света обнаруживаются всё новые базы "Агхарты", полные боевиков, оружия и боевых андроидов. Город Мудрецов время от времени устраивает террористические атаки, убивает членов Совета и лояльных ему лиц. Парни, уходящие в армию на обычную службу, рискуют не вернуться домой, и всё тяжелее становится врать их родным, преуменьшая масштаб конфликта. Общество только начало полноценно возвращаться к состоянию, что было до войны, по крайней мере, в цивилизованных странах. У людей опять всё хорошо, так пусть лучше сами выдумывают себе мелкие незначительные проблемы, ссорятся и оскорбляются друг на друга по не имеющим никакого значения причинам, выискивают проблемы там, где их никогда не было, и портят жизнь другим, навязывая свою точку зрения.

– Это сарказм? – спросил кто-то по-английски, без переводчика, потому с сильным восточноевропейским акцентом. – Хотите сказать, что социум не может существовать без конфликтов? Что проблемы первой половины века, вроде гендерной нетерпимости или сексуальной объективации женщин – не те проблемы, которые стоят внимания?

– Существовать – может. Но, если бы не было "Агхарты", подобные борцы за социальную справедливость и сами отлично справились бы с разжиганием войн.

– Вы рассуждаете как "Агхартовец", Нестор! Это слова сепаратиста!

– "Агхарта" считает, что путь к развитию человеческой расы вымощен костями павших в битвах, что именно огонь войны обжигает цивилизацию, точно глиняный горшок, и в пламени его сгорят все слабые, ненужные, все, кто против большинства, а право это большинство или нет – не суть важно, ведь историю пишут оставшиеся в живых, – Веласкес сделал небольшую паузу, выдав сотням смотрящих на него глаз свою коронную улыбку. – Прошу прощения, друзья мои. Немного увлёкся. Я всячески против любых конфликтов, любого проявления нетерпимости, межнационального и межгендерного насилия, тем более – расовой сегрегации. Но на моей родине бал правит культ силы. Слабых и противящихся власти попросту нет. Точнее, такие появляются, но ненадолго.

– Не время и не место посвящать уважаемых членов Совета в подробности Ваших жутких и, прошу меня простить, примитивных ритуалов, мой дорогой друг, – пропел Чардж, быстро бегая глазками, чуя нарастающее возмущение толпы. – Здесь сегодня много прекрасных дам. Предположу, что им слышать подобное может быть неприятно.

– Всё же, называть происходящее полномасштабной войной – абсурд! – донеслось из зала. Кто-то первым решил сменить неприятную для всех тему.

– А как иначе? Люди гибнут сотнями!

– Но между большими странами больше нет конфронтации! Осталось лишь раздавить ублютков из "Агхарты"!

– Это и есть мировая война! Весь мир – против Города Мудрецов!

– Террористические акты и убийства – их ведь не так уж и много в последнее время! Я бы даже сказал, статистически, ими можно пренебречь, ради сохранения мира!

– Негласный пакт о ненападении? Выходит, у нас холодная война?

– А Вы предлагаете эскалацию войны настоящей?!

– Что говорят шпионы? Как у "Агхарты" с руководством? Ведь мы убили столько их лидеров!

– Наш лучший шпион, известный вам под псевдонимом Плискин, прямо сейчас находится на сверхсекретном задании, – ответил мужчина в форме ORF, с такими же погонами, как у Краснова. – Если у него всё удастся, мы станем ещё на шаг ближе к окончательной победе.

– Он в Афганистане? Слышал, там заметили Глаз Света и генерала Джека Харроу!

– Слежка за их действиями, с последующим, если потребуется, устранением – одна из наших прерогативных задач на данный момент, – продолжил генерал, – и лишь вопрос времени. Совместно с правительством Соединённых Штатов, мы расквартировали там отряд наших рэйджеров-оперативников, однако не хотелось бы устраивать вооружённый конфликт, извините, просто так! Если же Тенабрак и Харроу исполняют какой-то приказ "Агхарты", если начнут действовать агрессивно и сами спровоцируют конфликт, их ждёт фиаско.

– Генерал Краснов! – воскликнула Виктория. – Позвольте моему отряду прибыть туда! С нами теперь сила Глаза Агнца, мы можем...

– Абсолютно исключено! – прервал её Михаил. – Сила Агнца... В том и проблема! Во-первых, вы так и не доказали наличие этой волшебной силы. Радугой он из глаз стрелять не начал. Во-вторых, если бы начал, я тотчас сковал бы его цепями, вживил под кожу чип-взрыватель, надел ему шапочку из фольги и засунул в подземный бункер, с метровыми бетонными стенами! И всё равно, я бы плохо спал по ночам, после этого. Кадавр! – рявкнул он на подчинённую, до этого, ехидно улыбающуюся, теперь вздрогнувшую от неожиданности. – Берите вверенный Вам отряд и спрячьтесь в таком далёком и глухом месте, чтобы даже электронная почта добиралась до вас лишь собрав десять нужных подписей!

– Так точно, товарищ генерал, – отчеканила Катерина. – Я найду такое место.

– Не хватало ещё добавить полковнику Оруэллу проблем в Афганистане, – вмешался второй генерал ORF, темнокожий, видимо, из американского корпуса. – У "Агхарты" там объявился невероятно искусный в своём деле снайпер. Эта тварь положила уже немало зазевавшихся оперативников и офицеров, и, что особенно настораживает, даже наш спутник не может уследить за его передвижением.

– Что же задумали "мудрецы"? – вновь риторически спросила девушка в белом платье. – Почему так резко активизировались?

– А это что за малышка? – шикнул Руслан в ухо Марии.

– Её зовут я-тебе-сейчас-в-нос-врежу, – огрызнулась девушка.

– Да что я такого опять сделал? Я спас наши задницы, тебе так не показалось?

– Это Литания, дева Сокрытой Роши, – вздохнула Мария. – Приюта умирающих солдат.

– Лир... Светлая Роша... Блин, как я умудрился пропустить момент, когда, вдруг, всё вокруг превратилось в чёртов аниме-фанфик? Откуда эльфы взялись? А орки есть?

– Нет, только один гоблин!

– Наша настоящая проблема – прямо здесь! – вновь обратила на себя внимание собравшихся Анна. – Ложь, продажность, коррупция! Почему мы до сих пор не создали комитет, который боролся бы с гниением внутри Совета? Это бы предотвратило утечку информацию к врагу!

– Кого-то из своих, вы в предательстве даже не подозреваете, леди Анна? – уточнил женский голос из зала. – Ах, да. Ведь госпитальеры так благородны, что и подумать покинуть свои ряды не могут!

Моргана... Анна одарила посмеявшуюся над ней бывшую приближённую преисполненным печали и обиды взглядом, но промолчала. Ей всё больше казалось, что вообще все вокруг смеются над ней.

– Вот дрянь, – донеслось до магистра из-за спины. – А я её сестрой называла.

– Дамы и господа! – пробасил Чардж, улыбаясь. – Давайте не будем ссориться! Боюсь, у нас и так хватает недругов. Помнится, есть ряд других важных вопросов, которые нам следует обсудить, так что предлагаю отпустить мисс Штейн и её товарищей. Предметы дальнейших обсуждений их не касаются.

– Штейн, – сухо проронил Краснов, – возвращайтесь в штаб, сидите тихо и ждите дальнейших указаний.

– Так точно, – опустив разболевшуюся голову, требующую дозу крепкого виски, Вика развернулась и пошла прочь с трибуны.

– Э-э, нет, погодите! – сержант обернулась назад, увидев, что её место у микрофона занял Руслан. – Мне обещали возможность позадавать вам вопросы! Иначе я бы вообще не пришёл!

– Какая наглость! Уберите его! – зарокотала толпа. – У нас есть важные дела! Вопросы, требующие немедленного обсуждения!

Краснов молчал, до боли прикусив указательный палец. Твою мать, эта молодёжь, кажется, решила свести его в могилу раньше срока. Позиции ORF и так, как тростник во время шторма...

– Штейн, немедленно уберите его! – выкрикнул он наконец. – Доставьте в штаб! Я тут разберусь!

Генерал поймал взгляд Руслана – паренёк смотрел точно в его глаза. Среди сотен людей, поливающих его ругательствами на сотнях языках, требуя сбросить со сцены, возможный Глаз Агнца выцепил именно его. Генералу стало не по себе, кожа по всему телу зачесалась, словно поражённая экземой, шея вспотела, глаза защипало...

– Идиот, я что тебе сказала!? – в который раз оторвала Руслана от микрофона Виктория. – Я тебе на всё отвечу, но, пожалуйста, уйдём отсюда!

Стоило Руслану поддаться напору девушки, повернуться в её сторону, произнеся что-то с едкой улыбкой, наваждение прошло. Михаил сунул руку за ворот, провёл ладонью по щеке, потёр глаза.... Вроде, всё в порядке.

– Нам нужна помощь! – воскликнул мужчина с фантазмагорично длинными усами. – Недавно объявилась ассоциация, так называемых, независимых писцов! Нахальная молодёжь рисует похабные картинки, крайне оскорбительного сексистского характера! Изображения худошавых людей, но лишь наполовину, а наполовину – какие-то существа с хоботами, когтями или щупальцами! Я считаю, что подобного рода, кхм, "искусство" должно быть запрещено! Или пусть, хотя бы, изображают не только худых людей – это же вопиющий бодишейминг! Вседозволенность – это зло!

Анне всё это было уже не интересно. Внизу была просто верещащая толпа, ноль дисциплины, ноль желания раз и навсегда закончить эту войну, а не высасывать деньги с производства оружия и военных аугментов. Ворвись сюда боевики "Агхарты" прямо сейчас – вот они бы положили всему конец.

– Похоже, поколение миллениалов воспитало поколение неомиллениалов. Скоро, чтобы оскорбиться, им будет достаточно посмотреть в зеркало, и самым логичным решением они сочтут запрет зеркал.

Стоило поспешить. Здрава волевой подбородок, магистр резко развернулась к выходу, цокнув высокими латными сапогами:

– Нам здесь больше нечего делать.

– М-мы уходим? – неуверенно уточнил Кевин. – Дать сигнал сопровождению и водителю?

– Дай. Но пусть особо не торопятся. Меня ждёт ещё один разговор.

Двое – высокий худошавый парень с керато-аугментами и крепко сложенная женщина, недавно подстриженная под армейский "ёжик", – встали со скамьи, отдавая честь подошедшей Виктории. Холл здания Капитула Мирового Совета, в отличии от основного зала, был освещён

намного лучше. Редкие охранники, несколько человек в форме обсуживающего персонала и даже небольшие боты-наблюдатели, похожие на металлическую версию колобка из русских сказок, сонно передвигались по тихим коридорам, ожидая окончания заседания, совершенно не обращая внимания на кучку людей в синих формах.

– Вольно, – вздохнула Вика. – Хоть вы избавьте меня от этой уставщины.

– Ну, и как всё прошло? – спросил парень с неморгающими глазами – единственным их видимым отличием от настоящих.

– Как видишь, мы не в наручниках. И даже не распушены. И даже не обплёваны.

– Да ништяк всё прошло, ребятки, – Руслан поддел Марию локтём. – Скажи, малышка? Вот только, мне не дали особо покумекать с Советом. Да и хрен с ними, если честно. Снобы и зазнайки.

Мария громко усмехнулась над последним словом.

– В любом случае, радоваться тоже нечему, – продолжила Вика. – Я надеялась сосредоточить обсуждение на Руслане, отведя удар от Эда, предложить его в качестве нашего нового союзника, но им, кажется, было просто плевать на нового объявившегося Глаза Агнца. Если "Агхарта" действительно объявят на него охоту, протекция Совета и ORF могла бы здорово помочь.

– А мне уж на секунду показалось, – язвительно произнёс Руслан, – что ты действительно хочешь предложить мне работу. Это при том, что я уже озвучил своё мнение относительно вашей конторки. Без обид.

– Никаких обид, но, полагаю, теперь тебе от нас так просто не отвертеться. Официально в ORF тебя, само собой, никто не примет, но временно, в качестве стажёра... В конце концов, у меня, как у командира подготовительного отдела, есть полномочия нанимать новых сотрудников.

– Я не...

– Не сейчас, пожалуйста. Сейчас нам велено забиться в самый тёмный угол и трястись там от страха. Кстати, чувствую я себя крайне погано, так что, Вась – заводи мотор, да погнались отсюда. По пути ещё успеем поговорить да пожаловаться на житуху.

Виктория направилась к выходу из здания. Маленький отряд последовал за ней, как утята за мамочкой.

– Мы с тобой ещё не знакомы, – бодро протянула Руслану руку ждавшая в холле женщина. – Меня Лиза звать. Логвинова. Коренная петербурженка.

– Руслан, – ответил парень на рукопожатие. – Резнов. Коренной не знаю кто. Оу, а у тебя сильная рука, однако!

– Мне иначе никак, – по-доброму улыбнулась женщина. – И, раз уж про руки заговорили: тебе как живётся, с одной-то?

– А ты довольно прямолинейна.

– Да. Ну, то есть, извини, есть такое.

– Ничего. В целом, нормально живётся, только оставшуюся мыть проблематично.

– О... А! Поняла. Ведь, когда моешь руки, трёшь их друг о друга.

– Ну... Да. Это, типа, шутка была, но что-то я её не дотянул, кажется.

– Да не, это забавно. Вообще, я к чему спросила, – чуть сбавив шаг, рискуя отстать от остальных, продолжила Лиза. – Я могу помочь.

– Подать руку помощи?

– Аха-ха, ну, вроде того! Я – нейромеханик, специализируюсь на аугментировании и киберпротезировании. Если будет время, а руководство выделит нам пару сотен тысяч баксов, я тебе такую руку приделаю, что ты и вторую потерять захочешь!

– Вот теперь я заинтересован.

– Виктория Штейн! – окликнул орфовцев женский голос из глубины холла, прямо из тёмного коридора. Это была сама леди Анна Тэйм, в сопровождении шести рыцарей, в полном обмундировании Ордена: белых с красным доспехах, с выгравированными на плечах чёрно-белыми равнобедренными крестами, вооружённые внушительного вида клейморами и винтовками, стилизованными под старомодные аркебузы. Мальтийцы нагоняли группу орфовцев, почти успевших покинуть здание.

– Идите, – кивнула Вика. – Садитесь в машину, я догоню.

Сержант сделала пару спешных шагов навстречу отряду рыцарей, отчего те заметно насторожились.

– Леди, – Виктория учтиво поклонилась, вспомнив сей жест, подсмотренный в каком-то фильме. – Прошу простить меня и Руслана. Парень вырос на улице, манерам не обучен...

– Я лучше многих знаю, – прервала её Анна, – что из самых бойких щенков, беспричинно агрессивных и брызгающих на всех слюной, вырастают лучшие бойцовские псы. Мне не нужны Ваши извинения, Штейн. Я хочу предупредить.

– Предупредить? О чём?

– Мировой Совет – аки яблоневый сад. Его опрыскивали и поливали, холили и лелеяли, надеясь накормить урожаем всех страждущих, нуждающихся в защите, но слишком много яблок – червивые. ORF – не исключение, и пусть я до сих пор не могу ни в кого конкретно ткнуть пальцем, я точно знаю, что нас сегодня слышали наши враги.

– Так, что Вы хотите мне посоветовать?

– Быть готовой к бою и не доверять никому. "Агхарта" наверняка захочет поймать Руслана и завербовать его. Они выковыряют вас из той дыры, куда спрячет вас ваше начальство. Если Потрошитель Кими выбрала себе жертву – ей не спастись.

– Леди Анна, – наконец, вздёрнула нос Виктория, – при всё уважении, если кто и знает, на что способна Лукреция, то это я. Гарантирую: мы будем во всеоружии, и, по возможности, не только отразим любое нападение, если оно случится, но и выйдем на доносчиков "Агхарты".

– Нет, – отрезала Анна, оскалившись. – Это моя задача. Я – бич предателей, епитимья отвернувшихся от света!

Леди-рыцарь почти прижалась к своей собеседнице.

– Каждый, кто мною будет уличён в предательстве, сгорит в пламени моего праведного гнева, и языки того костра разнесут их прах по ветру, донеся пепел прямо под ноги ещё оставшимся врагам.

Несколько часов спустя

Граф Александер Валериан вошёл в шикарный кабинет, выделенный ему в здании Капитула. Точнее, кабинет был выделен ещё его отцу, но скоропостижно скончавшийся старик вряд ли будет против. Ни единого пятнышка на красном бархате ковров, ни единой, хоть бы самой маленькой, царапинки на гладкой поверхности стола из настоящего дерева – настоящего, не пластиковой стилизованной подделки! Тяжело поверить, что крайний раз он был здесь почти год назад, по каким-то столь несущественным делам, что уже не мог вспомнить о них. Да и не хотел.

На дорогом столе стоял поднос с изысканными свежеиспеченными булочками, приятно щекочущими нос ароматом теста и корицы, а также мелкие ярко-красные ягоды. Графин дорогого вина, хрустальный бокал – комбинация так и манила присесть и расслабиться, дав ушам и глазам отдых после затянувшегося заседания.

Александер подошёл к картине, с изображённой на ней прекрасной, но очень печальной девушкой, провёл пальцем по левому ободу изящной рамы, и девушка отъехала в сторону. Бурбон – лишь он действительно мог помочь обрести душевный покой.

Ухмыльнувшись, граф вытащил бутылку из тайничка, потрянув её содержимым.

– Решил расслабиться?

Бутылка полетела на пол, и только плотный ковёр спас её от смерти.

– Господи, Тенабрак! – вскрикнул Валериан, и тут же перешёл на шёпот. – Как ты сюда проник? А куда интереснее – зачем?

– Ты был, как и всегда, дерзок и высокомерен, на сегодняшнем собрании, – Глаз Света вышел из тёмного угла на середину комнаты, положив ладонь на эфес короткого меча тати, висящего на поясе в кожаных ножнах. – Но я не буду притворяться, что будет мне не плевать, если Анна Тэйм, в итоге, бросит тебя на костёр.

Высокий и красивый, вобравший в себе как юношеские, так и по-настоящему мужские черты, Глаз Света Тенабрак окинул презрительным взглядом заметно съжившегося собеседника. Он был высок, подтянут, чутка худощав, что не умаляло ощущения, что парень пышет силой и здоровьем. Одет был в светлую одежду, состоящую из довольно простой строгой рубашки и штанов, но вполне элегантного пошива. Волосы – короткие, белые, не седые, а именно белые. Глаза... Нет, не белые. Вернее, белым, источающим из недр зрачка лёгкое люминесцентное свечение, был только левый. Правый был карим, совсем, как обычный, человеческий.

– И правда, приятель, не стоит тебе переживать за меня, – насмешливо парировал молодой граф, поднимая бутылку.

– Харроу просил тебя разобраться с оставшимися наёмниками Халика.

– И я это сделал, насколько помнится. Быстро, признаюсь, не очень элегантно, но ваши планы, как и моя прекрасная голова, в полной безопасности.

– Ты не сказал, что привлечёшь к этому делу убийц из "Эфемероптера".

– Это имеет значение? Дело сделано, и...

Одно быстрое движение – и бутылка дорогого виски улетела в стену, с дребезгом забрызгав её алкоголем и царапинами от осколков.

– Граф Валериан! – донеслись из коридора голоса охранников.

– Граф, мы входим!

– Нет! – рявкнул Александер. – Не входить! Я в порядке!

– Вызвать горничную, господин?

– Заткнитесь и не мешайте мне работать!

– Ты не сказал, что привлечёшь к этому делу убийц из "Эфемероптера", – спокойно повторил Тенабрак, возвращая ножны на место.

– А я и не обязан тебе отчитываться, – прошипел граф. – Мне наплевать, за что вы, уроды, так друг дружку ненавидите, но псы Лукреции, как и она сама, у меня на поводке!

– Ты жалок, граф Валериан, – продолжил Тенабрак. – "Агхарте" полезен, но мне – отнюдь не товарищ. Знай: если ошибёшься, даже не рассчитывай на моё снисхождение. На помощь этих наёмников тоже не надейся. От них и живых-то стабильности не стоит ждать, что уж говорить о мёртвых.

– Надеюсь, когда вы с Потрошителем вцепитесь друг другу в глотки, я окажусь рядом. Выпью вина, может, сыграю вам на скрипке!

– Ей не пережить этот танец, – Тенабрак подошёл к шкафу с книгами, взялся за корешок одной из них, и тот бесшумно отъехал в сторону. – Как и никому, кто выступит против меня, моих братьев и сестёр.

– Значит, ты был на Совете? И своего нового братика видел? Он правда один из вас?

Тенабрак помедлил с ответом:

– Не знаю. Но если это так, скоро всё выяснится. Такую силу не удержать в тайне.

– Нельзя отдавать его в лапы ORF, – повысил тон Александер.

– Не отдадим. Звони Лукреции, передай от меня привет. Скажи, что есть новое задание, а ещё, что я знаю, где она прямо сейчас и что задумала.

*Провинция Кунар; Афганистан.
Неподалёку от военной база "Агхарты"
20.08.2054 г., 23:08*

Грохот выстрелов нарушал ночную идиллию, распугивая редких птиц и мелких зверьков, обживших заброшенные людьми земли. Ещё одна вспышка – и ещё один мужчина в серой форме "Агхарты" упал перекошенным лицом напрямиком в песок.

– Сэр, что делать будем?! Какие приказы?

– Надо выждать момент и отступить к транспорту! Долго мы их так сдерживать не сможем! Хотя кому-то одному из нас необходимо спастись!

Плазменная граната взорвалась совсем рядом с укрывшимся на втором этаже бывшего офисного здания отрядом ORF. Обдав бойцов жаром, словно из самой преисподней, не нашедший жертвы вакуумный взрыв проглотил сам себя.

Полуразрушенный жилой комплекс (некогда построенный здесь то ли русскими, то ли американцами, то ли ещё кем) был последним оплотом окружённого разведотряда американского корпуса ORF. Восемь выживших оперативников прочно засели в обваливающемся конференц-зале, и уже битых полчаса отбивали всё наступающие силы противника, прущего из ночной тьмы.

– Почему они просто нас не разбомбили? – спросил, сплюнув подозрительно тёмную кровь, лежащий на пыльном полу молодой боец. – У них ведь наверняка есть РПГ. Чего они ждут?

– Живьём взять хотят, – ответил мужчина с сержантскими погонами. – Наверное, хотят узнать, что мы успели выяснить. Но этому не бывать! Коннор, что там у тебя?

– Лейтенант Аткинсон, связи всё нет! – держа руку на кохлеарном аугменте, универсальном девайсе дальней связи, ответил худощавый боец слева. – Не могу пробиться через их файрвол и послать сигнал!

– Всё равно штаб нам ничем не поможет! – донеслось, сквозь грохот выстрелов, откуда-то справа сержанта. Выпустив очередь из штурмовой винтовки, оперативник укрылся за парашютом от ответного огня. – Только на себя нам и надеяться!

– Отставить панику, рейнджеры! – рявкнул командир. – Мы их сегодня изрядно потрепали, но я намерен ещё и вывести нас отсюда! С каждого из вас жду – по бутылке пива, да не какого-нибудь дешёвого пойла, а настоящего "Будвайзера"!

– Бобби, – улыбнулся лежащий орфовец, судорожно глотая воздух, – прошу, не передавай ничего моей жене. Вообще не заходи к ней в гости.

– Рядовой, отставить разговор! – голос Аткинсона дрогнул. Очередной выстрел из тьмы – и на синюю кепку сержанта посыпалась бетонная крошка. – Вместе к жене твоей придём, она мне ужин обещала. А останется ли чего тебе – уж не знаю.

– Сэр, Вы – тот ещё козёл! – отхаркивая кровь, рассмеялся раненный.

– Говард! Чёрт, дружище, не оставляй нас!

Серая форма наседающих боевиков "Агхарты" была плохо видна во мгле, и отчётливо различить врага можно было лишь по приближению. На гравийке, вокруг здания, лежало уже больше десятка трупов.

– Это либо совсем зелёные наёмники, – вставил, между очередями из винтовки, один из высунувшихся в окно оперативников, – либо молодняк "Агхарты". В бою они совсем плохи, раз прут напрямую да так хреново стреляют.

Очередной, но резко выделившийся среди остальных, свист пули – словно огромный овод, свинец впился точно в лоб расслабившемуся бойцу, и тот, откинувшись замертво, обрызгал сидящего рядом товарища светлой кровью.

– Нет, Райан! Боже, чёрт! – едва вскочив, второй мужчина тут же повалился рядом – его оторвавшаяся – от мощного удара пули точно в шею – голова откатилась в сторону.

– Снайпер! Всем лечь! – нырнул за поребрик сержант. – Коннор, твою мать, примени уже какую-нибудь свою техно-хрень и свяжи меня со штабом!

– Сэр, не выходит! Я пытаюсь!

– Это она, – орфовец, лежащий плашмя в паре метров от сержанта, боясь пошевелиться, был не в силах отвести взгляд от тел убитых сослуживцев, – Вечная Охотница. Я узнаю эти ранения... Такие дыры оставляют только её пули.

– Охотница? Дерьмо, теперь нам точно не спастись! Эта тварь никогда не мажет!

– Так это и правда женщина? Ребята, которым удавалось подкрасться к ней ближе, рассказывали, конечно, но...

– Вы чего!?! Райан и Зак мертвы! Вы о чём думаете, что несёте!?

– Отставить панику, я сказал! Мы убили их намного больше, чем умрёт сегодня нас. Так что, в любом случае, это наша победа!

– Складно заливаешь, командир...

– Заткнись, Говард! Отряд, слушай мою команду. Нам нужно выбираться, выбора нет. Транспорт всего в нескольких сотнях метров от нашей позиции. По моей коман-н...

Последние слова так и застряли у сержанта Боба Аткинсона в глотке. То был далеко не первый его бой, но страх, порабащающий ужас, холодными костлявыми пальцами сковавший его шею, захватил всё его естество, нашёптывая, что этот бой – уж точно последний.

Руки задрожали и орфовец выронил винтовку.

– Это конец! – выскочил из укрытия один из рейнджеров. – Мы трупы! Трупы! Трупы!!!

Свист, прервавшийся после хлюпающего удара о висок лишившегося рассудка мужчины, прекратил его истерию.

Едва шевеля заиндевевшей шеей, Боб обернулся на своих подчинённых: трое оставшихся бойцов вскочили на ноги, хватаясь за головы, и кричали что-то совершенно нечленораздельное, в порыве охватившего их кошмара. Они молили о пощаде, об избавлении, ни то Господа, ни то Дьявола, ни то безжалостного снайпера, ни то кого-то невидимого, но леденяще осязаемого.

Атkinson почувствовал, как кто-то сильно сжал его руку.

– Молю, убей меня! Убей! – плакал истекающий кровью Говард, не имея сил встать. – Прошу, убей! Мне страшно! Я не хочу умирать! Убей меня!

Стрельба прекратилась: либо наваждение охватило и бойцов "Агхарты", либо те поняли, что нет смысла тратить пули. Самый молодой орфовец в отряде, вдруг, рассмеявшись, сиганул в окно. Его надрывный истеричный хохот был слышен ещё несколько секунд.

– В чём дело? – Боб вздрогнул, не понимая, откуда исходит этот новый, такой холодный демонический голос. Голос, похожий на лёд, голос, похожий на тьму. – Тебе не страшно?

– Н-нет, – дрожащим тоном сумел выдавить сержант.

– Врёшь, – усмехнулся голос, звучащий из ниоткуда. – Мне о таких вещах врать бесполезно. Я чувю твой страх. Он такой сладкий, приторный и тягучий, словно мёд.

Темноту разграбленного конференц-зала, как одинокий заблудившийся светлячок, озарил блеклый и одновременно яркий жёлтый фонарик. Распространяя вокруг себя мертвецкое сияние, напоминающее блуждающий огонёк на болоте, "светлячок" медленно плыл к скованному ужасом отряду ORF.

– Вы в панике, не так ли?

– Да, – пискнул один из солдат.

- Паранойя?
- Да! – истерично вскрикнул Коннор.
- Чего же вы так боитесь?
- В этот раз, ответа не было.

Поднявшиеся на этаж солдаты "Агхарты" включили осветительные установки и фонари на винтовках. В их ярком свете возник рослый мужчина, закованный в чёрные армированные пластины, делающие его похожим на средневекового рыцаря. Через его грузный торс была перекинута толстая стальная цепь, закреплённая на поясе. "Свечой мертвеца" оказался его ярко горящий густым жёлтым светом правый глаз. На лице, покрытом чёрной щетиной, лежала жуткая ухмылка.

– Я не знаю... Я просто боюсь... – шёпотом признался Аткинсон.

– Ты боишься меня, червь, – проронил мужчина в латах глухим басом. Сияние его проклятого глаза смеркло. – Вяжите их!

Подскочившие агхартовцы мгновенно заломили руки за спины троим оставшимся разведчикам ORF, и бросили их на пол, нацепив наручники.

– Ты, – Глаз Агнца (а это, Боб нисколько не сомневался, был один из них) навис над тяжело дышащим Говардом, – уже принял факт своей бесславной смерти? Сбросил оковы страха?

– Мы сдаёмся! – закричал Боб. – Он – военнопленный! И он ранен! Ему нужна срочная медицинская помощь!

– С чем войдёшь ты в долину смерти? Так ведь ещё страшнее, правда? – вновь оскалился верзила в чёрном. – Не иметь возможности ни отбиться от врага, ни себе пустить пулю в лоб.

– Не страшнее, чем твоя мать! – Говард попытался доплюнуть до лица присевшего над ним Глаза Агнца, но даже на это у него не хватило сил.

– Дам тебе один совет, которым ты, впрочем, уже не успеешь воспользоваться: никогда не оскорбляй мать Глаза Агнца, – мужчина надавил кулаком на открытую рану орфовца на груди, вызвав ужасающий крик нестерпимой боли. – Если, конечно, не хочешь его разозлить.

– Не убивай его, пожалуйста! Мы же военнопленные! – отчаянно прокричал боец с аугментом уха.

– Есть вещи намного страшнее смерти, – Глаз Агнца встал, не сводя глаз с вопящего рэйнджера. – Думаю, ты уже начал это понимать. Но не расстраивайся: мы все умираем в одиночестве, и ты – не исключение.

Неспешно отвернувшись, Глаз Агнца подошёл к Коннору:

– А радио, эта штука у тебя вместо уха, ловит?

– Я отправил сигнал! – соврал оперативник. – Наши уже на подходе!

– Жаль, что это не правда.

Одним резким движением, Глаз Агнца схватился за кохлеарный ауг молодого бойца, и с силой вырвал его. На грязный бетонный пол брызнула кровь, смешанная с осколками пластика и кусками нанопроводов. Вскрикнув от боли и неожиданности, Коннор повалился на бок, и кровь стала быстро заливать его лицо.

– На выход, – кратко скомандовал Глаз Агнца, отряхивая руку.

Грубо подняв орфовцев с колен, агхартовцы повели пленников в сторону выхода с этажа.

– Нет-нет! Стойте! – кричал Боб, извиваясь. – Мой товарищ! Вы не можете его бросить! Помогите ему! Помо...

Удар под дых вновь повалил сержанта на пол. Последний раз в жизни, Боб встретился взглядом со своим другом и соратником Говардом Ретински, вместе с которым они прошли не мало боевых операций, вместе с которым знакомились с девчонками в барах, а позже – там же устраивали потасовки. Улыбнувшись на прощание, Говард обречённо провожал товарищей взглядом, выражающим полнейшее смирение.

Около выхода из здания ожидал побитый временем "Хаммер". Примерно два десятка боевиков в серой форме окружили поредевший отряд рэйнджеров и автомобиль, рядом с которым стоял седой мужчина сером же мундире, украшенном генеральскими погонами.

– Джек Харроу, – сплюнул Боб. – Предатель!

– Ты командир? – подошёл к пленным генерал. – Назови себя.

– Боб Аткинсон, старший сержант разведотряда "Ферретс", американский корпус ORF. Те, кто пришли сюда надрать вам задницы.

– Ты сам в это не веришь. Ну, и что вы тут разведали?

– Что вы тут все – конченные уроды, которым место за решёткой, при чём в самой замшелой тюрьме. Я попрошу начальство, чтобы вам подобрали подходящую.

Странное движение в ночной мгле – на крышу "Хаммера" запорхнула невысокая фигура в длинном балахоне песчаного цвета, за спиной которой торчал длинный ствол снайперской винтовки. Словно гротескная паранджа, лохмотья скрывали лицо и фигуру ловкого человека так, что даже понять, какого он или она пола, было невозможно.

– Парень, – вздохнул агхартовский генерал, – я пытаюсь вам помочь. Хочешь вернуться домой сам и вернуть своих товарищей – отвечай на мои вопросы.

– Какой смысл? – горько усмехнулся Боб. – Если вы нас и не убьёте прямо здесь, то из ваших казематов нам точно не выбраться.

– Нет у нас никаких казематов, – спокойно ответил генерал. – Я могу представить, какие страшные сказки вам рассказывало на ночь руководство, но, если будете сотрудничать, мы проведём вам процедуру промывки памяти, а после – вернём домой. Да, если будете сопротивляться процедуре, то останетесь, как овощи, но будете жить в любом случае.

– Пошёл ты! Предатель!

– Да что ты нянчишься с этим червём!? – вспыхнул Глаз Агнца. – Ещё сопельки ему вытри! Они – мои пленные. Пара минут – и я без всяких дополнительных приспособлений вытащу из них всё, что надо и не надо.

– Деймос, – Джек перевёл взгляд на Глаз Агнца. – Я устал напоминать тебе и твоей семейке, что здесь командую я. Эти орфовцы – военнопленные, и с ними будут обращаться по всем правилам военной конвенции.

– Обращаться с ними будут так, как я захочу! – ещё больше разозлился человек с жёлтым глазом, сделав быстрый шаг в сторону генерала.

Два десятка стволов в едином порыве оказались направлены в сторону Деймоса, и ровно столько же затворов щёлкнуло секундой позже.

– Ну, давайте, убожества, – улыбнулось лишь похожее на человека существо, стаскивая обматывающую тело цепь. Ударившись увесистым набалдашником о землю, она угрожающе звякнула. – Кто первый? Ну же!?

– Калиптра! – взмахнул рукой Джек, и сливающаяся с песком фигура, незыблемо стоящая на "Хаммере", выхватила снайперскую винтовку, оцетинившись ей в сторону Глаза Агнца. – Если я отдам ей приказ, ты лишишься своего волшебного глаза прежде, чем успеешь им воспользоваться.

– Ты что, старый дурак, пытаешься МЕНЯ запугать? МЕНЯ, Глаза Страха!? Калиптра! – взмахнул свободной рукой Деймос. – Ну же, давай, стреляй!

Снайперша не шелохнулась. Казалось, даже ветер огибал её за несколько метров, страшась, не смея колыхнуть саван.

Несмотря на беспомощность своего положения, Боб сухо рассмеялся:

– Теперь я вижу, почему "Агхарта" в таком дерьмовом положении.

– Деймос, прошу, успокойся. Мы и так уже проявили слишком много ненужной жестокости, не стоит ещё сильнее настраивать против нас весь мир, – успокаивающим тоном проговорил Джек. – По крайней мере, сейчас.

– Не бывает много жестокости, – обматывая цепь вокруг левой кисти, холодно ответил Глаз Страха. – Бывает много трусости.

Внезапно дёрнув головой в сторону, будто услышав что-то вдалеке, Деймос замолчал. Не шевелясь несколько секунд, он словно прислушивался к порывам лёгкого ночного ветерка, после чего вновь взглянул на Джека, натянув на мрачное, но, по-своему, красивое лицо примирительную улыбку:

– Расслабьтесь, генерал. Нам ещё предстоит ужинать за одним столом. Забирайте себе этих червей, я не против. Соболаговолу, так сказать.

Развернувшись на тяжёлых каблуках подкованных кожаных сапог, Деймос зашагал прочь, в ночную тьму. Проводив его движением прицелов, боевики "Агхарты" опустили стволы.

– Поздравляю. Теперь вы – мои пленные, – не сменив стального тона, сообщил Джек орфовцам. – Если хотите жить – делайте всё, что я прикажу, и никаких вопросов. Товарищ твой, похоже, совсем плох.

Боб покосился на истекающего кровью Коннора:

– Твой друг вырвал его кохлеарный ауг. А на втором этаже остался ещё один мой парень, и ему срочно нужна помощь.

Генерал подал рукой сигнал – два боевика побежали обратно, внутрь здания. Развернувшись к машине и приоткрыв дверь, Джек произнёс напоследок:

– Он мне не друг. Как и никто из его проклятой семейки.

Лондон, Великобритания

Капитул Мирового Совета

11.04.2032

Сержант курил прямо в тёмном коридоре капитула Мирового Совета, игнорируя все запрещающие знаки. Расстегнув свой белый военный китель, он положил фуражку рядом с собой, на скамью, отрешённо глядя в пол, и даже пролетавший мимо сферовидный бот, сделавший ему замечание по поводу курения, не смог привлечь его внимания.

Ещё одна затяжка – дым приятно обжигает лёгкие. Хотелось прижечь нутро чем-то посылнее, но потерпи, солдат – у тебя впереди весь вечер.

И, возможно, не один. Не последний, по крайней мере.

Вот только, он не знал, радоваться этому или нет.

Утопиться в дыме и алкоголе, или ещё рано?

Всю жизнь свою сейчас он видел в этой серой дымке. Сколько она ещё продлится? Всегда есть вариант просто пустить себе пулю в лоб, к чёртовой матери вышибить из головы все тлетворные воспоминания, размазать тератому мыслей о прекрасные мраморные стены. Вот на этой расписной колонне отлично будет смотреться его мозжечок, а на этой статуе воина с алебардой – гипоталамус, или как там его...

Слишком радикально?

Он так уже не думал.

– Штаб-сержант Джек Харроу, – донёсся до него сухой мужской бас. – В стенах капитула запрещено курить.

Джек поднял голову: к нему приближался отряд из шести Мальтийских рыцарей, в полном боевом облачении алого с белым цвета. Не смотря на то, что двадцать первый век проходил под знаменем всеобщей индустриализации и всё набирающего обороты технического прогресса, госпитальеры, как и десять веков назад, носили свои анахроничные железные доспехи, правда, теперь они выплавлялись из более надёжных материалов, способных защитить не только от тяжёлого меча, но и от пули. Процессию возглавлял седой статный мужчина, чью

грудь украшали многочисленные военные регалии, а сбоку от него шла молодая девушка, волосы которой были скрыты под белоснежным платком. Лицо леди было очень серьёзным, слегка надменным, глаза серыми, суровыми.

– Сэр Грегори, – отдавая честь, вскочил Джек, хотя "салютовать" этому человеку он не был обязан. – Прошу прощения. Я... разнервничался.

– Ничего страшного, парень, – улыбнулся магистр Мальтийского Ордена. – Я тебя не выдам. Настоящий солдат никогда не предаст солдата. Могу я присесть?

– Если Вас не смущает запах курева, сэр.

– Я рос среди рыцарей, Джек. Поздними вечерами в казармах и не такого нанюхаешься.

Улыбнувшись, мужчины сели. Рыцари из сопровождения, как и леди, с невозмутимыми лицами остались стоять по стойке смирно.

– Я вижу, тебе и правда нелегко пришлось, – вздохнув, начал разговор Грегори. – Но ты держался молодцом во время заседания Совета.

– Благодарю Вас, – быстро и нервно ответил Джек.

– Давай без формальностей, – закинув ногу на ногу, ухмыльнулся рыцарь. – Не думал я, что очередное заседание придётся созывать так вскоре после предыдущего. Помнится, многие вообще были против создания столь многофункционального органа власти, к тому же, не отчитывающегося за свои решения ни перед президентами, ни перед королями. А как ты считаешь, не зря я ратовал за его основание?

– Не знаю, – честно ответил Джек. – Я – обычный солдат Соединённых Штатов, и последние двадцать лет я только и делаю, что отчитываюсь перед кем-либо. Если честно, я жутко устал.

– Не мудрено, учитывая, что тебе пришлось пережить. Может, стоит поискать утешения в альковах Сокрытой Роши? Лучшее место обретения гармонии для любого мужчины.

– Нет, сэр. Я женат. И, кстати, уже давно не видел свою жену.

– Скоро ты к ней вернёшься, Джек. В её объятиях, уверен, ты забудешь всё, что гложет тебя сейчас.

– Боюсь, нет, – голос сержанта дрогнул. – Такого... не забыть. Эти глаза... Они будут преследовать меня всю жизнь, каждый раз, когда я закрываю собственные.

Мужчины посмотрели друг на друга, и Джек продолжил:

– Это был не человек. Он... Оно двигалось как человек, говорило и вело себя как человек. Всех ввело в заблуждение. Но глаза – глаза выдавали. Это было чудовище, дьявольское создание, монстр, из самых страшных сказок, оказавшихся правдой.

– Сержант, прекратите! – повысил голос сэр Грегори. – Не существует монстров. Единственные чудовища на Земле – это люди, в частности, псы "Агхарты". И тебе лучше найти способ справиться с этими воспоминаниями, иначе они выжгут тебя изнутри. Они заставят тебя ненавидеть себя, ненавидеть и бояться всех, кто был тебе любим и дорог.

Старый рыцарь встал:

– Возвращайся домой. Твоя роль в этой истории окончена. Дальше разберётся Совет.

– У меня ещё есть одно дело, прежде чем я смогу вернуться, – потянулся за новой сигаретой Джек.

– Что за дело, позволь узнать?

– Я дал клятву другу. Поклялся, что присмотрю за его женой и детьми, если... Когда он умрёт. Сейчас я лечу к ним.

– И много у него детей?

– Двое. Совсем ещё мелкие, но уже настоящие сорванцы. Оба мальчика: Азад и Халик.

– Передай его семье мои соболезнования, – слегка преклонил голову рыцарь. – Если Мальтийский Орден может чем-то помочь тебе или им, мы с радостью окажем любую услугу.

Хотя бы финансовую. Анна, – Грегори глянул на свою спутницу. – Позаботься об оказании помощи нуждающимся в ней.

– Назовите мне свой номер электронного идентификатора, – холодно и отрешённо проговорила девушка, нажимая на панель на своих наручных часах.

– Нет, сэр Грегори, благодарю Вас, – замотал головой Джек, – но мне не нужна помощь. Я всё сделаю сам.

– Слова настоящего рыцаря, – улыбнулся Грегори, – и настоящего мужчины. Что же, в таком случае, желаю тебе всего наилучшего, и пусть длань Господня оградит тебя и твою семью от сил зла.

– Надеюсь, – только и выдавил из себя Джек, пожимая протянутую ему руку магистра Мальтийского Ордена. – А то, после увиденного, я уже и не знаю, кто вообще способен защитить нас.

Глава 2

Снежная буря, решившая почтить своим присутствием эти и без того суровые края пару дней назад, всё набирала мощь. Эта гора – родная обитель ледяной стихии, один из последних её оплотов в мире, где правит огонь: жар станков, на которых клепаются очередные высокотехнологичные чудеса; нагревающиеся от непрерывной работы процессоры миллионов компьютеров; раскалённые дула огнестрельного и лазерного оружия, и, конечно, роботы. Роботы, всё больше и больше вытесняющие человека с его рабочего места. Всех, разумеется, машины не вытеснят, ибо в некоторых странах уже прокатилась волна протестов, ввиду резкого снижения рабочих мест, да и налоги роботы не платят, пиво после смены не покупают.

Молодой человек, не смотря на обнажённый торс, лишь едва заметно трясся под натиском пронизывающего ветра.левой рукой он провёл по губе, смахнув с неё каплю натёкшей крови, хоть это не имело смысла – на таком холоде любая жидкость мгновенно обращается в кристалл льда. Парень крепче обхватил рукоятку катаны обеими руками, не сводя взгляда со своего оппонента – невысокого мужчины, азиатской внешности, в широком сером кимоно, который держал в руке точно такое же оружие. Его чёрные волосы, не смотря на почтенный возраст, не были тронуты сединой, и развевались на усиливающемся ветру, будучи собранными в пучок на затылке.

Очередное обжигающе холодное мгновение, новый порыв орущего ветра – и молодой воин бросается на оппонента.

– Куу-ра! – издал парень боевой клич, посылая все силы задеревеневших мышц в этот выпад, вкладывая всю силу и ярость в этот импульс, решающий удар, но его старый соперник был готов. С лёгкостью отразив удар, он совершил резкое боевое па, и, уйдя в бок, нанёс молодому воину удар ладонью под рёбра. Вскинув меч, мужчина наметился в плечо молодого человека, но и тот был достаточно быстр – упав на снег, он мгновенно вскочил, вновь приняв боевую стойку.

Направив свой клинок, словно оса – жало, на полуобнажённого парня, мужчина сделал резкий выпад в торс.

– Агх, – выдохнул молодой мечник, с трудом сумев заблокировать столь резкий удар. Мышцы замёрзли, деревенели, всё хуже и хуже поддаваясь воле хозяина. Серия хлёстких, быстрых тычков мечом, украшенного нанесённой на него изящной гравировкой дракона, отдавались болезненной волной по всему напряжённому телу. Очередной порез на правом запястье – брызнувшая кровь мгновенно обратилась в ледяной цветок.

Молодой воин, сжав зубы, из последних сил старался не потерять остатки концентрации, но каждый новый взмах вражеского клинка был всё сильнее, а отразить его было всё тяжелее. Понимая всю тяжесть положения, парень решился на отчаянную атаку: резко метнувшись от свистящей катаны оппонента кульбитом вправо, он направил собственную прямо в колено старого самурая. Клинок, уже было обрадовавшийся кровавой трапезе, лишь слегка куснул человеческую кожу. Словно не ощущая сковывающий мороз, старый воин легко перепрыгнул через своего более молодого противника и, быстрой подсечкой, сбил того с ног.

Катана вылетела из рук парня, вместе с надеждой на победу, прячась в глубоком снегу. Молодой воин перевернулся на спину, не обращая внимания на миллионы впившихся в него ледяных иголок, намереваясь вскочить и продолжить бой, но такое же ледяное лезвие обожгло его горло. Ещё миллиметр – и это могло быть его последнее движение.

Воины, совершенно не выказывая эмоций, бесконечно долгое мгновение смотрели друг другу в глаза. Каждый ждал действий от другого.

– Папочка! – донёлся тоненький голос, перебиваемый порывами жестокого ветра, со склона горы. – Мамочка сказала вам заканчиваться играть и идти кушать!

Воины перевели взгляд на непонятное круглое существо, отдалённо напоминающее маленького ребёнка, обёрнутого в несколько шуб из оленьих шкур. Возможно, это и был ребёнок, если судить по неуклюжей походке, с которой существо заковыляло вниз по едва различимой тропинке.

– Если выпустил из рук своё оружие – проиграл, – сухо проронил японец.

Молодой воин потупил взгляд.

– Тебе ещё есть, чему учиться, Эдриан, но... Уже куда лучше. Проголодался? – спросил мужчина, убирая катану в ножны и протягивая товарищу руку.

– Воин всегда должен быть слегка голоден, Югиро-сэнсэй, – вставая, ответил парень. – Если хищник насытится, в его охоте не будет страсти. Но от жаркого вашей жены я отказаться не в силах.

– Тогда найди своё оружие, да пошли.

– Я снова проиграл Вам, – грустно протянул Эдриан, разглядывая неглубокий, но обидно саднящий порез на руке. – Сколько бы ни было у нас тренировок, ничего не меняется. Я стараюсь успокоиться, стараюсь сконцентрироваться, стараюсь контролировать дыхание...

– Эдриан, – вздохнул Югиро. – Мне печально слышать, что ты так считаешь. Ты становишься опытнее, твои движения становятся всё более отточенными и уверенными. С каждым полученным и нанесённым ударом крепчает как твой дух, так и тело. Однако ты слишком опрометчив, горяч, и упорно отказываешься продумывать сражение на пару шагов вперёд. Я надеялся, что хотя бы у стихии получится охладить твой пыл, но, кажется, ещё просто рано. Обсудим это за ужином.

*Швейцария; близ горы Юнгфрауйох
28.01.2051.*

Сидя рядом с кирпичной печью, в небольшом каменном домишке у подножия горы, двое мужчин, меньше часа назад кружившиеся стальными вихрями клинков, доедали нежные куски жаренного кабаньего мяса, обсуждая прошедший поединок.

– Я не могу понять этой концепции до конца... Чтобы победить врага – нужно искренне хотеть этого, – проронил Эдриан. – Победе нужно отдать всего себя, всю ярость, всю силу, всю скорость!

– Ты – твой самый главный враг, Эд, – спокойно ответил опытный мечник. – Гармония с собой и хладнокровие – вот главное оружие истинного воина. Если отринешь их и ринешься в драку – не сносить тебе головы.

– Тогда зачем я с детства учился сражаться? Использовать мощь каждого своего мускула, энергию каждой волны своей души, для нанесения смертельных ударов, всё – чтобы побеждать. Ни жалеть врага, ни жалеть себя – вот принципы истинного художника клинка!

– Ты меня не слушаешь, как обычно! Я тебе говорю об одном, а ты внемлешь лишь голосу в своей пустой голове!

– Простите, Югиро-сэнсэй, я просто...

– Соберись, Эдриан, – перебил его мужчина. – Сила и ярость не являются противопоставлением мудрости и концентрации – они могут и должны существовать в сердце воина в гармонии. Потому я и покинул Академию Первой Стали много лет назад... Там начали растить убийц, не воинов. Не людей. Сотни лет она была не просто школой, но домом для множества достойных мужей и женщин, благородных защитников своих семей, своей родины. Звание художника клинка всегда ассоциировалось с честью и доблестью, а что теперь? Нынешние

выходцы Академии – надменные кикакэ! Идут в наёмники! Их души поражены алчностью и жаждой денег!

– Всё потому, что нам запрещают воевать! Якобы, война закончилась. Но мы ведь знаем – это не так! И потом – я не такой! Ведь поэтому Вы и взяли меня в ученики, ведь так? Я собираюсь поступить в ORF. Не то чтобы я сильно доверял двуглавым, но это лучше, чем... любые другие варианты.

– Дорогой, – послушался нежный женский голос из дверного проёма – там стояла бледная женщина, с тонкими чертами лица, лет сорока, одетая в тёплый халат, – пожалуйста, не кричите. Мия только что заснула.

– Простите, госпожа! – вскочил Эдриан, быстро поклонившись женщине.

– Гомен насай, Изуми, – тихо ответил Югино. – Ложись и ты тоже. Мы не будем шуметь. Однако нам есть, что обсудить. Кто знает, будет ли ещё возможность для этого.

– Эдриан, – ласково улыбнулась женщина. – Удачи тебе на инициации. Я верю, что у тебя всё получится, и ты станешь достойным воином, коим будут гордиться твои предки. Главное – верь в себя.

– Благодарю Вас, Изуми-сама, – снова быстро поклонился Эдриан. – Благодарю за доброту и гостеприимство.

– И убери уже из речи эти приставки, – улыбнувшись, женщина удалилась. – Мы не в Японии.

– А жаль. – вздохнул Югино. – Как бы плохо я не относился к тамошней Академии Лазурного Змея, оттуда выходят действительно дисциплинированные воины.

– Которые потом служат "Агхарте" или якудзе, – фыркнул Эдриан, садясь в позу лотоса.

– Опять ты услышал лишь часть мною сказанного... Все служат тому, во что верят. Да, для тебя они преступники, ибо тебе не понятна сепаратистская идеология Города Мудрецов. Ты считаешь лазурный змей экстремистами, террористами и ассасинами, но сами они полагают, что их действия служат высшей, благой цели. Потому-то они и спелись с "Агхартой".

– Я жду дня, когда мне уже представится возможность скрестить свой клинок с клинком верящего лживым речам "Агхарты" лазурным змеем.

Не сводя глаз с огня в камине, Югино достал из-за пазухи старую деревянную трубку и кيسет с махоркой, даже в сухом виде источающей едкий кисловатый запах.

– Рано тебе ещё тягаться с мечником такого уровня. Да и нынешняя подготовка Академии Первой Стали направлена на другое... Адаптация – я всё понимаю, но...

– О чём вы, сэнсэй?

– О том, что вас обучают сражаться против Иствудов, будучи Мифунэ. Несколько веков назад, появление огнестрела ознаменовало конец рыцарей и самураев, а теперь Академия будто отчаянно пытается вернуть всё на круги своя. Но этому не бывать, как бы им – да и мне тоже – того не хотелось.

– Современные рыцари и самураи тоже не чета тем, старым. У нас есть технологии, аугментации и, самое главное, особенные клинки!

– Видел я эти новые мечи Первой Стали, – заправляя трубку, сказал японец. – Особый сплав, хокку стали и пластика. Сегментированное лезвие, напоминающее чешую. Пожалуй, их даже можно назвать в какой-то степени изящными. Гарды нет. Да и зачем защищать руку, которая тоже обратилась в сталь?

Эдриан опустил глаза в пол.

– Клинок лёгкий и тонкий, – выпустил первое кольцо плотного дыма Югино, – но прочный и невероятно острый – таким и муху побрить можно. Уже придумал имя тому, что будет принадлежать тебе?

– Нет, Югино-сэнсэй. Я его ещё не видел.

– Такие мечи не достойны собственного имени! Они все одинаковы, безлики, ибо штампуются на станках! В них нет крупицы души мастера-кузнеца, что ковал их, посему, бездушны и они сами!

– Оружью не нужна душа.

– Бакаро! Поэтому ты и себя согласился превратить в железного истукана!? – несмотря на обещание, повысил тон японец.

– Сэнсэй...

– Сколько раз повторять – я не твой сэнсэй! Все твои менторы и наставники – там, в Академии Первой Стали, чьи стены я давно покинул. Сразу, как из достойных мужей и дев, там стали делать бездушные полумашинны. Сразу, как Академия стала брать деньги у ORF. Сразу, как, вместе защитников, там стали растить захватчиков.

Повисла долгая тишина, нарушаемая лишь злобным воем ветра за окнами. Нет, на самом деле, вряд ли она длилась много больше минуты, но оба мужчины, не зная, как убедить товарища в правоте своей позиции, уже начали ёрзать на своих местах, чувствуя затекание в ногах.

Последние деньки с этим чувством, подумалось Эдриану. Хоть оно и не из приятных, вдруг захотелось, чтобы оно длилось дольше.

– Зря вы так про ORF. Но, даже если они с него сойдут, что бы ни случилось – я буду верен пути чести и справедливости, – наконец сказал Эдриан.

– Банальные слова. Глупые, ничего за собой не несущие. Как я уже говорил, "Агхарта" тоже считает своё дело – делом чести и справедливости.

– Мой клинок, как и обновлённое тело, заставят их усомниться в своих идеалах.

– Сынок... Тебе знакомо такое понятие – эффект "зловещей долины"?

– Нет, Югиро-сэнсэй.

– А ты почитай, в этом своём интернете, – усмехнулся японец. В тусклом свете камина, с трубкой в руке, он выглядел сильно старше своих, далеко за пятьдесят, лет. – Вы ведь там теперь все ответы ищите. Всё за вас уже придумали, вам только и остаётся, что жить по чужим лекалам.

– Сэнсэй, я Вас опять не понимаю.

– Эффект "зловещей долины" – это когда людей панически пугает что-то, что выглядит почти как настоящий человек. Кукла, манекен или даже портрет. Андроид. Оно может двигаться и разговаривать как человек. Возможно, такое создание даже в чём-то превосходит настоящего человека, всё равно – его будут бояться. Такова природа. Человека подсознательно пугает что-то, в чём он не ощущает души.

– Мне кажется, это понятие не совсем уместно. Ведь я – настоящий, самый типичный, человек. Аугменты сделают меня киборгом, лишь похожим на андроида, но я останусь человеком. Мне всё так же будет нужен будет воздух. Еда, вода. Сон.

– Любовь, – снова вздохнул Югиро. – А сможешь ли ты найти женщину, что полюбит тебя таким, каким ты станешь – утратившим частичку человечности?

– Югиро-сэнсэй, – впервые за время напряжённого общения, искренне рассмеялся Эдриан. – Мне не нужна женщина. Я собираюсь посвятить себя войне и умереть с мечом в руках.

– Я тоже когда-то так думал, сынок, а потом встретил Изуми. Она разрушила весь мой привычный мир, что был соткан из боли и крови, и собрала новый, поначалу, пугающий, но такой тёплый и удивительно беззаботный. Эта женщина плеснула свежими весенними красками мне прямо в лицо, смыв с него пепел войны, ничего не попросив взамен.

– У Вас прекрасная жена, Югиро-сэнсэй.

– А потом родилась Мия. Тогда я окончательно отринул своё прошлое, отказался от всех связей, как с Академией Первой Стали, так и с Мировым Советом. А ведь я присутствовал на самом первом его собрании.

– Такова Ваша воля, сэнсэй, – сидя поклонился Эдриан. – Ни я, ни кто-либо другой, Вас в этом не упрекает и не пытается вернуть.

– Тем не менее, ты пришёл ко мне, чуть ли не на коленях умоляя взять в ученики.

– От всех менторов в Академии, я слышал, что Вы – лучший из ныне живущих художников клинка. Что Вы – лучший сэнсэй, и, если следовать всем Вашим советам и урокам, можно стать поистине легендарным мечником!

– Но на мой главный совет плевать ты хотел.

Буря не унималась. Очень уж ей хотелось подхватить дом пожилого самурая, унести его к ведьме, в волшебную страну, но маленькое каменное строение было слишком крепким для гневающейся стихии. Оно и неудивительно – Югиро сам построил его, своими руками, в одиночку. Первое, что он создал, а не обратил в прах.

– Таково должно быть окончание моего обучения, – отрезал Эдриан. – Без этой церемонии, мне путь только в жалкие наёмничьи стаи.

– Ты не понимаешь, друг мой. Я не сомневаюсь, что, заменив протезами руки и ноги, ты останешься человеком.

Учитель и ученик посмотрели друг другу в глаза.

– Я боюсь, что ты сам не веришь в это.

Санкт-Петербург, Россия

Штаб Петербургского отдела Российского корпуса ORF

24.08.2054., 10:22

Эдриан стоял один, в просторном тренировочном зале, полном разных стальных и деревянных тренажёров. В огромном, во всю стену зеркале, молодой воин видел каждый шрам на том, что осталось от его настоящей кожи, а осталось не так уж много: обе руки и обе ноги, ниже колен, были заменены сложносплавными аугментами серого цвета. Лёгкий и прочный, этот материал широко применялся для создания военной техники и космических спутников нового поколения. На груди, соединяя плечи вдоль ключиц, немного не доходя до шеи, вместо человеческой плоти так же был её более совершенный суррогат. Левые ухо и глаз – высокотехнологичные реплики, способные мгновенно передавать и принимать сигналы практически любого диапазона.

Стоило Эдриану лишь подумать, как отсек на левой руке открылся, и оттуда мгновенно выдвинулась тонкая рукоятка клинка без гарды. Кибервоин сжал серую коробочку правой ладонью – длинное лезвие тут же выскочило из кокона, развернувшись в смертельное оружие, способное резать обшивку легкобронированной техники, как пергамент.

Эдриан поднёс остриё до сих пор безымянного меча к горлу, к маленькой царапине на кадыке. Вот оно, уязвимое место. Один лёгонький удар по шее – и не важно, насколько прочны твои конечности.

Эдриан так и не увидел лица своего последнего противника. Ему уже приходилось пару раз убивать как рядовых боевиков "Агхарты", так и грязных кровожадных наёмников, ведомых лишь алчностью и соизмеримыми ей низменными потребностями, и никто из них не мог позволить себе улыбаться в бою с ним. Но эта сволочь... Пятый, как бы его ни звали на самом деле... Он улыбался. Эдриан точно знал это, чувствовал оставшейся кожей, хоть и не смог даже взглянуть тому в глаза.

– А-ар! – в порыве нахлынувшей ярости, Эдриан резко обернулся, и метнул клинок в голову деревянного манекена – древесина, что имитировала человеческую голову, взорвалась миллионом щепок.

– Эд! – в тренировочный зал заглянул смущённый парень в роговых очках. Илья Гридин, служащий в шестом отделе специалистом по связи. – Ты чего тут?

– Что тебе надо?! – взревел мечник.
– Да я так, я просто... Извини, – не решаясь войти, связист переминался с ноги на ногу. – Вика и ребята только что вернулись.
– Что Совет!?
– А что Совет? Мне почём знать? Я не знаю! Вика сказала, что всё не так уж печально. Нас не распустят, но она хочет о чём-то поговорить со всем отделением, о чём-то серьёзном. Собрание через час, в общем зале.
– Приказ для меня есть!?
– Нету. Вроде...
– Тогда оставь меня! – вновь прокричал Эдриан, подняв правую руку на уровень головы – меч, завибрировав, тотчас вернулся прямо в ладонь киборга, притянутый устройством, связывающим клинок с мозгом его владельца.
– Всё, исчезаю! – отрапортовал парень в очках, захлопывая дверь с наружной стороны.
Гармония.
Хладнокровие.
На мгновение, Эдриан сумел вернуть контроль над собой, обуздав бурлящие эмоции, но охватившая его ярость не желала ослаблять объятий – если бы аугменты могли трястись от гнева, так бы оно сейчас и было.
Эдриан бросил взгляд на стоящий неподалёку манекен, стальной, крепкий – каркас спи-санного боевого андроида старой модели. Удобнее перехватив оружие, художник клинка бросился на беззащитного соперника.

Несколько часов спустя

– Я же сказал, что будет маловата... Особенно штанишки. Не пойму – это шили для мужчин или для мальчиков? На размер побольше есть?
Виктория поднялась со скамьи, стоящей вплотную к стене гардеробного помещения, оставив Марию и Лизу хихикать над каким-то ей совершенно непонятным весёлым видео в их смартфонах – всё равно, в свои тридцать два года, она безнадёжно отстала от тенденций современного юмора. Завидовала ли она вот так беззаботно смеющейся молодёжи? Пожалуй. Временами. Совсем чуть-чуть.
Руслан подошёл ближе к девушкам, повернулся спиной, снова передом, выпятил грудь. Тёмно-синяя форма ORF была ему в самый раз, вопреки причитаниям, ничуть не мала. Двуглавый пёс ошетинился, глядя одновременно вперёд и назад, обустроив себе пост на песчаного цвета нашивке правом на предплечье. Форма, хоть и могла показаться незнающему глазу пошитой из обычной ткани, была скроена из сверхпрочных нановолокон, наслаивающихся друг на друга в три слоя, защищая человека, словно хитиновый панцирь. Конечно, это не давало стопроцентной защиты от пуль, но, зачастую, действительно спасало жизнь. Плюс к этому, в костюме была интегрирована система оказания первой помощи, опять таки, не гарантирующая спасение жизни носителя, но способная автоматически зашить небольшую рану, продезинфицировать её, или, в крайнем случае, ввести притупляющую предсмертную агонию инъекцию.
– Вау! – хором удивились подруги, отрываясь от экранов смартфонов. – А тебе идёт, – добавила Лиза. – Правду говорят, что форма делает из мальчика мужчину. Даже ты в ней кажешься не таким разгильдяем.
– Синий... А может, есть зелёный? – проворчал Руслан. – Всегда мне больше импони-ровал...
Внезапно, Вике стало не по себе: обычно, молодые парни радуются, впервые надев эту пафосную форму, просят стоящих рядом их сфотографировать, скорее отправляют фото матери или подруге... Но Руслан был не таким. Ни подруги. Ни матери. Даже смартфона не

было. Женщина взяла роль мамочки на себя, поправив Руслану китель – хоть сидела не мнущаяся форма отлично, парень умудрился надеть её чѐрт пойми как, вывернув один карман, неряшливо заправив рубашку в брюки и застегнув одну пуговицу не в то отверстие. Она молча одёрнула загнутый в обратную сторону воротник, подняла взгляд, и споткнулась о ехидную улыбку. К слову, зубы, у выросшего на улице парня, были в отличном состоянии!

– Даже не надейся, – съязвил он. – Я лучше съем перед загсом свой паспорт.

Девчонки на скамье захихикали, и даже осуждающий взгляд Виктории их не остановил. Всё же, здорово, что они спелись. Вечно думающей только о цифрах и железках Елизавете была нужна подруга моложе её, так сказать, "в тренде", а наивной Марии была необходима наставница, которая поможет освоиться в коллективе и будет отгонять особо наглых кавалеров. Вика планировала взять на себя роль такого ментора, но её зажевала рабочая рутина, возложенная подполковником Онегиным.

Фѐдор Онегин... Чѐрт возьми, нет! Не мог он быть предателем. Со всеми приветливый, светловолосый, симпатичный высокий мужчина, любимый коллективом за понимание и чувство справедливости. Вскоре после "ссылки" в питерский отдел, Вике даже начало казаться, что мужчина пытается ухаживать за ней, делая лишний раз скромные комплименты. Казалось, что она понравилась ему не просто как исполнительный сотрудник, но и как женщина. Впрочем, сама начать столь интимный диалог на эту тему, она не решалась, а подполковник не был в своих ухаживаниях достаточно однозначен, так что никуда отношения не продвигались. Да и вряд ли командование бы обрадовалось, получив приглашение на свадьбу. Если не увольнение, то перевод по разным уголкам страны был бы им обеспечен.

– Не понимаю, о чём ты, – ответила Вика, отстраняясь и оглядывая уже более похожего на приличного человека Руслана. – Я тебя старше... На сколько? Лет на десять?

– Наверное. Знать бы ещё сколько мне.

– Есть прибор, который, по анализу крови и кожного соскоба, может определить возраст человека, – уведомила остальных Лиза. – Точность – вплоть до нескольких дней.

– И потом, – продолжила Вика, – как же твоя дама сердца? Вряд ли в твоём маленьком, качающем кровь органе найдётся место ещё для одной.

– Ты меня недооцениваешь, – Руслан подмигнул кому-то из сидящих сзади, то ли обеим сразу, но улыбка тут же упорхнула с его лица. – Да какая там дама... Ей не до меня. Да и мы, если я правильно понимаю, собираемся куда-то далеко и надолго.

– Ага, – подтвердила Мария. – Кадавр тебя точно не отпустит, и, пожалуй, правильно сделает. Возможно, за тобой теперь охота.

– Я никого не боюсь. Какие-то вшивые террористы-наёмники... Один уже попробовал отомстить – не успел даже пожалеть о своей наглости. Что, на этот раз их мамочка захочет моей кровушки?

– "Агхарта" – коварное анархистское общество сепаратистов, питающееся тем, что остаётся на выжженных войной территориях, – Вика попыталась придать голосу максимум серьёзности. – Военные преступники, террористы, наёмники, девиантные общественные элементы, выброшенные на обочину социума. К сожалению, в их стане имеются богатые и влиятельные люди, по слухам, даже члены Совета, так что, уже многие годы после окончания войны и основания ORF, нам никак не получается добить их окончательно.

– Вот как. Говоришь об "Агхарте", как о едином организме. А ведь это существо состоит из людей. Ты общалась с ними?

– Ч... Что?

– Я спрашиваю, ты хоть раз общалась с этими агхарчанами?

– Агхартовцами.

– Не важно. Ты так праведно поливаешь этих людей грязью, обвиняя во всех бедах современности и прошлого, а ведь они – тоже люди, тоже во что-то верят, ради чего-то живут и за

что-то борются, – Руслан расстегнул манжеты, словно собираясь помахать кулаками. – Я уже понял: вам, в ORF, да и обычному люду, вбивают, что "Агхарта" – есть зло во плоти, архивраг, что каждый её член – не меньше чем исчадие ада. Но знаете, девочки, что? Я столкнулся с несколькими из них, при чём, уверен, не самыми лучшими представителями. Ублюдки и маргиналы, не достойные жить в принципе.

Вика оглянулась через плечо: Мария и Лиза слушали Руслана, опустив смартфоны на колени, даже не поставив проигрывающееся видео на паузу.

– Но было в глазах и предсмертных криках некоторых из них и простое, до омерзения банальное, человеческое отчаяние. Нежелание быть здесь и сейчас. Наверняка они бы очень хотели поменяться местами с тобой, Вик, или со мной, но, в силу неких, нам не ведомых обстоятельств, этому случиться было не суждено.

Руслан расстегнул верхнюю пуговицу кителя.

– Они просто хотели что-то изменить к лучшему, пусть и по-своему к лучшему. Очень удобно, когда есть, кого обвинять во всех своих бедах! Не стоит столь категорично и однобоко делить мир на чёрное и белое. Не, я не отрицаю, что наш мир полон как однозначно плохих людей, так и однозначно хороших, но причислять к абсолютному злу целую группу, тем более, что ты не знаешь, чем они живут и о чём мечтают... Как можно быть столь однозначным, когда вырос на стереотипах о том, что кто-то плохой, просто потому, что он не такой, как ты?

– "Агхарта" – зачинщики войны! – наконец взяла себя в руки Виктория. – Веками, они подкидывали дров в её горнило, и, даже сейчас, время от времени, хоть их и стало куда меньше, они устраивают безосновательные теракты! Я и не хочу знать почему! Я хочу лишь полного их истребления! Они все уроды, объединённые какими-то... своими идеями!

– Какими? Религиозными? Утопическими? Этническими? Или это просто самая большая свингер-тусовка?

– Прекрати! Я не знаю и знать не хочу!

– А ты уверена, что все теракты, которые, держа ответ перед Советом, ORF приписывают "Агхарте", действительно организованы ими?

Вика запнулась, замолчала. Возможно, надеялась, что ей подскажет, что говорить, кто-нибудь из сидящих за её спиной.

– А-а, мэм! – Руслан выпрямился, отдавая честь. – А мы тут, это, кофточки меряем!

Даже не пытаясь скрывать презрения и надменности, в спешном порядке повышенная до подполковника, Катерина Кадавр вошла в гардеробное помещение. В отличии от других женщин здесь, одетых в свою будничную одежду, новый командир шестого отдела была облачена в строгую форму своей организации. Вика, Мария и Лиза последовали примеру Руслана, повторив его движения.

– А что, сам с подбором формы не справился? – спросила она, брезгливо оглядев парня.

– Ну, известный факт, что женщины разбираются в одежде лучше мужчин. Вот я и...

– Молчать! – удивительно громко и властно, для отнюдь не крупной женщины, гаркнула Катерина. – Не нравится мне, что такому, как ты, вообще позволили притронуться к этой форме, но ничего, я потерплю... Парень ты крепкий, рослый. Небось, привык на гражданке в "малиннике" обитать? Ничего, можешь начинать отвыкать – отправляйся-ка на склад и помоги собирать оборудование и припасы. Вы, трое! – женщина обратила свой гестаповский гнев на девушек. – Тоже собирайтесь. Мы с генералом Красновым подыскали отличное место, чтобы укрыться от "Агхарты".

– Можно поинтересоваться, где именно? – уточнила Вика.

– Не курорт, конечно, но Вам понравится, Штейн. Купальник можете не брать – в лесу он без нужды.

– Юх-ху, всегда мечтал побывать в турпоходе! – воскликнул Руслан. – Мэм, приказ понял... Но есть просьба.

– Говори, только быстро.

– Ма-аленькая просьбочка.

– Да говори уже!

– Отпустите в увольнение, а? – Руслан попытался сложить ладони в молебном жесте, но опомнился, когда к правой ладони ничего не прикоснулось. – Блин. Ещё не привык. Так вот, насчёт...

– Исключено, – Катерина развернулась к выходу.

– Всего на часок!

– Исключено!

– Под мою ответственность, – попыталась помочь Руслану Вика.

– Ах, под вашу! – Катерина оскалилась, словно заприметившая умирающего льва гиена. –

Ну, раз так, тогда конечно! На часок, на денёк! Матушку в деревне навестить? Или невесту, в борделе!?

Никто не ответил.

– Под ответственность... А Вы, напомните, кто такая? Фёдор Онегин, у которого Вы ходили в любимицах, отстранён по обвинению в предательстве, и некому за вас заступаться, прикрывая все косяки, коих, уверена, выше крыши! Теперь я – Ваш командир, а Вы – в шаге от трибунала!

– Ну так вот именно, что Вы – командир! – возмутился Руслан. – Только получили должность, а уже так строги и несправедливы с подчинёнными. Так вас у нас не полюбят.

– У вас!? Ты – не член ORF, помни это! И, если ты не догадался сам, я сюда на за любовью пришла. Я вообще здесь временно, пока не найдётся идиот, который согласится пасти вас, так что сильно не привыкайте, тем более, не влюбляйтесь, – несмотря на жестокие слова, Катерина подсобралась, убрала с лица хищное выражение и выпрямилась. – Вы тут пороху не нюхали, про жестокость и вероломство "Архарты" только от отцов слышали, и то, если те вернулись с войны.

– У меня нет отца. Ну, наверное, – продолжал гнуть своё Руслан. – Так что, пока что, я так и не понял, почему должен как-то выделять агхартовцев среди массы других неприятных мне людей.

– Не понял, хотя сражался с ними? – Катерина картинно усмехнулась. – Вблизи, ты даже глупее, чем виделось с трибун.

– Пусть глупец, зато герой. Сорви я какие-то там планы Халика и Азада уже находясь под эгидой ORF – заслужил бы медаль. Минимум, одну.

Вика переглянувшись с Марией и Лизой – никто не осмеливался влезть в спор.

– Медаль захотел? А под суд, за устроенное линчевание и массовое убийство, не захотел!?

– Нет, – смело ответил Руслан. – Только к девушке. На часок.

Катерина смолкла, призадумалась. Возможно, над особо изощрённым способом наказания нерадивого подчинённого.

– Вы – просто шайка, а не настоящее воинское подразделение, – бесцветно произнесла она спустя минуту. – Штейн.

– Да, товарищ подполковник.

– Что за фамилия такая? Немецкая?

– Еврейская, товарищ подполковник. Дедовская.

– Забавно, – Катерина решила не развивать демагогию дальше и не пояснять, что нашла здесь забавного. – Под Вашу ответственность. Ровно один час – ни наносекундой дольше.

Женщина вышла, едва не сшибив косяк.

– Закажем такси? – поинтересовался Руслан. – Или ты предпочитаешь служебный транспорт?

Полчаса спустя

Стоя с отрешённым видом, посреди маленькой съёмной квартирki плачущей девушки, Руслан разглядывал диковинный узор на обоях. Что это? Лоза? Жар-птица? А если он видит в этих узорах лица, психиатр подпишет ему справку о нетрудоспособности?

Руслан пригляделся к тёмному пятнышку на стене. Кровь? Кетчуп?

– Пожалуйста, Руслан, – навзрыд, пыталась говорить девушка, никак не желая успокаиваться, – не оставляй меня здесь одну!

– Я попрощаться пришёл, – спокойно ответил парень, – а не спрятать тебя в рюкзак, да потащить с собой чёрт знает куда.

– А что эта твоя Марина? С ней ты тоже прощаться заходил? Поцеловал на прощание!?

– Нет, к ней не заходил, – Руслан, наконец, взглянул на девушку. – Незачем. Слушай, я ведь сразу обозначил, что между нами нет ничего, не было и не будет. Жила до меня – и после жить сможешь. А Марина... Раньше, она мне нравилась, с ней я действительно хотел быть. Но теперь, я – святой Грааль для террористов и наёмников, и рядом со мной не безопасно.

– Мы убежим! Вместе, – девушка бессильно опустилась на стул. – От всего мира, от всего зла, боли и горя... От войны, от ORF, от этих твоих террористов!

– Я не собираюсь убегать! Да ты вообще меня слышишь? Говорю же – ты очень многого не знаешь, есть такие подводные камни, что... Чёрт! Мне надо... Мне надо многое ещё сделать. Для всего мира. И это куда важнее чувств, моих, твоих.

– Ты даже не знаешь, ради чего тебе бороться. Выдумываешь что-то прямо на ходу... Ты уже закончил свой бой.

– Я не люблю тебя, – жестоко обозначил конец прениям Руслан, отчего девушка разрыдалась с удвоенной силой.

Парень глубоко вздохнул: всё же, Светка была хорошей девушкой. Готовила отлично, свою маленькую квартирку содержала в уюте, да ещё умудрялась помогать матери-одиночке. Было ли ему жаль огорчать её – это вопрос...

– Ладно, – Руслан покрутил шеей, разминая её, – мне пора. Машина ждёт. Может, увидимся ещё. Прости, что так вышло.

– Девушка, ради которой ты рисковал жизнью, на тебя забила, – проронила Света. – Даже не попрощалась с тобой. А я была с тобой в больнице, всю ночь. Когда ты захлёбывался кровью, я захлёбывалась слезами в коридоре! Рядом с тобой! И я готова продолжать ждать тебя. Надеюсь, ты вернёшься, хотя бы для того, что бы снова мне отказать. И мне даже не страшно твоё проклятие...

– Это – не проклятие, – процедил Руслан, и только сейчас на его лице появились какие-то гневные эмоции. – Это – сила. И она спасла тебя.

– Тебе совсем не страшно?

– Нет.

– То, что ты сделал с той сволочью, это было что-то... сверхъестественное. Я не уверена, что такое можно сотворить с человеком даже каким-нибудь оружием! Он просто... расплавился!

– Сгнил заживо, – Руслан уверенно зашагал к выходу из квартиры. – Вот тебе ещё одна причина, чтобы забыть обо мне: я – опасен. Но силён. И силу эту, я собираюсь обрушить на своих новых врагов.

– Ты не солдат! – надрывно выкрикнула Света.

– А это значит, что мне плевать на чьи-либо приказы.

Руслан плюхнулся на переднее сидение синего служебного электрокара, с боковых дверей которого за прохожими чутко следили четыре нарисованных собачьих головы, по две с каждой

стороны. Нажав кнопку сбоку сидения, вызвавшую сам собой затянувшийся на торсе человека ремень, он замахал перед лицом ладонью.

– Кхе! Блин, ты же сказала, что бросаешь! Почему они у тебя такие едкие?

– Это я ещё перешла на лайт, – бросив окурочку прямо на обочину, Вика завела электрокар.

– Такой лайт, что всем хардам хард. Пожалей лёгкие, подруга, хотя бы мои!

– Почему она?

– Что?

Машина тронулась с места, плавно заскользив по асфальту вечно меланхоличного Санкт-Петербурга.

– Почему Светлана? – уточнила Вика. – Она хорошая девушка, работает с детьми, симпатичная, хозяйственная. Ты её любви не заслуживаешь. Но почему не та, как её...

– Марина?

– Ага. Ты ведь из-за неё ввязался во всё это. Ну, точнее, из-за того, что Азад её похитил. Мне показалось, она тебе действительно не безразлична.

– А я и не говорил, что не безразлична, – пробурчал Руслан, откидываясь на подстраивающееся под пассажира сидение.

– Но решил потратить этот час, возможно, последний час своей свободы, на Светлану. Почему?

– Всё-то Вы хотите знать, инспектор Штейн!

– Я вывела тебя на поводке, привязанному к моей и без того рушащейся карьере, так что я абсолютно уверена, что у меня есть право задавать вопросы.

Руслан тяжело вздохнул. Электрокар остановился перед перегородившей дорогу красной полупрозрачной стеной – разбиться о такую было невозможно, ибо она была лишь голограммой, проецируемой стоящим рядом светофором. Если электромобиль продолжал движение, светофор посылал узконаправленную электромагнитную волну, отключая всю электронику.

– Ну, Марина – та ещё фифа, – хмыкнул носом Руслан. – А Светка, как ты и сказала, – милая девчуля. Да и, кажись, втрескалась в меня

– А тебе милые не нравятся? Любишь стерв?

– Потому можешь не опасаться за свою протезу с ошейником на запястье, – Руслан приоткрыл окно, когда автомобиль снова тронулся с места, впуская свежий прохладный воздух. – Просто... Я и так сильно огорчил её. Тот ещё кретин, и не пытайся это оспорить. А теперь, вот, сваливаю, хрен пойми куда, хрен пойми как надолго. А ведь она пережила всё то же самое, что и мы с тобой, и заслужила лучшего отношения.

– Ладно мы: я – солдат, ты – мудака, а она действительно такого не заслужила, – Вика посмотрела на Руслана, вызвав недовольство приборной панели электрокара – загорелась и противно запищала красная лампочка, извещающая пассажиров о невнимательности водителя. – Это было правильно, с твоей стороны. Ну, что решил попроситься с ней.

– Да ладно. Может, свидимся ещё.

– Навестишь её, когда вернёмся?

– Нет, – ответил Руслан, глядя в приоткрытое окошко. – Для неё будет лучше, если я исчезну из её жизни навсегда.

Глава 3

*Санкт-Петербург, Россия
Лес, вблизи посёлка Сиверский
29.08.2054., 17:42*

Если всегда и было, чем похвастаться матушке России перед соседками, так это её природой. Возможно, именно поэтому она и славилась своими поэтами-драматургами и художниками-пейзажистами: вдохновение приходило само собой, стоило выглянуть из окна загородной усадьбы или выйти прогуляться на лесную опушку. Что во времена деревянных хибар и крепостного права, что во времена роботов и ракет с собственным искусственным интеллектом, человеческая душа наслаждалась, глядя на живописные зелёные просторы, дремучие хвойные леса, чистые горные речки. Поразительное сочетание всех возможных красок, независимо от времени года – если Вы считаете, что зимой, под толщей снега, природа впадает в анабиоз, и смотреть там не на что, то Вы проводите этот период не в той стране. Приезжайте в Россию, убедитесь сами, только не забудьте купить шапку потеплее.

Кроны деревьев уже были совсем едва тронуты первой позолотой; белочки и другие мелкие лесные зверюшки, снующие по веткам, с любопытством смотрели на интервентов из (всё-таки добравшегося до этих мест) будущего. Инстинктивно, они испытывали страх по отношению к двуногим долговязым созданиям, но чувство любопытства оказалось сильнее. Уж очень аппетитно пахли некоторые из пластиковых белых контейнеров, что привезли с собой пришельцы.

Руслан сделал глубокий вдох, приветливо улыбнулся опасливо принимающемуся барсуку, рискнувшему подойти совсем близко к людям:

– Ни тебе смрада заводов, ни автомобильных сирен, ни алкашей, пытающихся вымолить у тебя последний рубль. Тяжело будет привыкнуть.

Он обернулся на своих новых товарищей, поправив выданную ему по униформе кепку с кокардой двуглавого пса – символа ORF. Два десятка сотрудников шестого отдела российского корпуса вытаскивали контейнеры из пары доставивших их сюда фур, пока другие уже разбирали их содержимое, распределяя оборудование по назначению. Тайный военный бункер, брошенный ещё во время Третьей войны, уже изрядно порос зеленью и был обжит лесными обитателями – как это всегда и бывает, природа гневалась и противилась вторжению металла и пластика, всячески стараясь спрятать оскверняющие её серые бетонные стены под слоем мха.

Сооружение, уходившее на два этажа под землю, выглядело как обычный домик охотника, правда, обитый металлом, но именно оно должно было стать временным убежищем для пары десятков людей, с грустными лицами разбирающих свои личные и рабочие вещи, смиренно приняв судьбу и уже морально готовясь бродить по округе в поиске грибов, подобно Дерсу Узала. Интернет здесь, как и по всей Земле, заботливо укутанной одеялом сети спутников связи, конечно, был, вот только весь персонал обязали сдать личные телефоны и прочие гаджеты для выхода в "мировую паутину". Ни друзьям позвонить, ни кино посмотреть, ни книжку послушать.

– Может, пора уже тебе перестать платочек в руках теребить? – окликнула любующегося природой Руслана Виктория. – Мы тут всех белок распугали по твоей вине!

– Не. Я, пока мы ехали, речку заметил. Не хочешь искупнуться? – подмигнул парень.

Ничего не ответив, Вика крепче ухватилась за пластиковый бокс. Был ли Руслан хорошим парнем, стоило ли принимать его в ряды ORF – пусть и лишь формально – и вообще

сколько-нибудь доверять? Она не знала ответы на эти вопросы, да и не в её компетенции было принимать окончательное решение о его зачислении в штаб шестого отдела, она могла лишь рекомендовать.

И дело не только в проклятом глазе. Наверное, она уже просто привыкла не доверять новым людям, даже в форме. Особенно в форме.

– Не то чтобы я жалуясь или отлыниваю, но у меня – одна рука, если забыла! – засеменял Руслан следом за Викторией. – А мне, между прочим, обещали новую!

– Это Лизина инициатива, её и доставай. Дополнительного бюджета нам не выделили, а большая часть остатков ушла на починку ноги Эдриана.

– Но ты ведь тут за старшего, вроде как. Решай вопрос!

– За старшего здесь я! – внезапно появилась рядом подполковник Кадавр. – Новобранец. Вам заняться нечем?

– Никак нет, сэр, – отдал честь Руслан. – То есть, мэм. То есть, есть чем. Я это... Дозор несу.

– Вот и несите его отсюда. У нас мало времени до наступления сумерек, так что... – Катерина повысила голос так, чтобы все вокруг услышали. – Шестой отдел! Ускорить рекогносцировку! Машинам уже пора возвращаться!

Остановившись передохнуть, Виктория глянула на своих товарищей: два десятка молодых людей, совсем недавно окончивших учебу, таскали ящики с припасами, оборудованием и личными вещами. Вон хмурый Эдриан прошёл мимо, неся по увесистому боксу в каждой стальной руке; вон Лиза роется в большом мешке, причитая о поломке какого-то своего инструмента; а вон Мария и Васька спускаются с фуры, вдвоём неся один, выглядящий довольно лёгким, ящик. Как всегда, когда Маша рядом, Василий улыбался глупой кроткой улыбкой, лепетал что-то негромко, кажется, сам не слыша своих слов. Даже его аугментированные глаза, казалось, светились от счастья, когда девушка была рядом. Детишки.

Глупо было бы ожидать, что ребята воспримут побег – а назвать это как-то иначе язык не поворачивался – с большим энтузиазмом. Приказ есть приказ, и открыто выступить против него никто не решился, но Вика прекрасно понимала, что люди ощутимо пали духом. Ещё бы! У многих порушились планы, у кого-то намечался отпуск, кто-то просто не котирует живую природу, а кто-то действительно боялся за свою жизнь. Да и прибавление в отряде – в виде безродного, хамоватого Руслана Резнова – оптимизма не прибавило. Люди его откровенно побаивались и сторонились, словно от него буквально несло душком смерти.

– Штейн, – вновь тут-как-тут подошла Катерина, словно выпрыгнув из засады. – Устали?

– Никак нет, товарищ подполковник. Просто остановилась немного передохнуть.

– Это и называется "устать". Нет времени расслабляться! – Катерина перешла на шёпот, больше похожий на шипение. – Я не намного-то тебя старше, а уже дослужилась до подполковника. Знаешь, почему тебе такого никогда не достичь?

У Вики была пара вариантов не для протокола.

– Никак нет.

– Потому, что я всегда точно знала, чего хочу в этой жизни. И ничто не способно было мою волю поколебать. Всё выше и выше, к звёздам, в прямом и переносном смысле. Хуже всего – когда ты колеблешься, не решаясь принять какое-либо важное решение. Когда от тебя зависит что-либо, кто-либо, а ты боишься и не решаешься принять ответственность. Ну, тебе ли не знать... Я слышала, за что тебя бросили приглядывать за этой шпаной. Нарушение прямого приказа... Почему тебя вообще не вышвырнули из ORF?

– Трибунал частично оправдал мои действия.

– Очень зря, – фыркнула Катерина, и вновь повысила тон. – К нам скоро придёт подкрепление! Люди, которые действительно обучены воевать! Так что у нас не так много времени подготовиться к их встрече! Шевелитесь!

– Эй, – Руслан остановился близ сидящей на корточках Лизы, роющей в каком-то неопределённом хламе, высыпанном прямо на траву. – Ну? Что там?

– Русь, сейчас-то занятая я, – высунулась из мешка женщина.

– Да я понимаю, понимаю. Конечно. Я, как видишь, тоже тут работаю. Дозор, вот, довели.

– Здорово. Ну, в общем, как разберусь с оборудованием – заглядывай. Тут есть помещение, которое я уже застолбила себе под мастерскую. Гляди, – Лиза откинула крышку стоящего рядом контейнера, и вынула оттуда увесистый хромированный футляр. – Малышка для тебя!

Женщина открыла футляр: внутри, надёжно закреплённый, лежал пластиковый киберпротез руки. Модель была не новейшая, но казалась вполне годной и крепкой, кажется, даже ни разу не использованной. Несколько микросхем и пучок разноцветных нанопроводов, что соединяли технологию с нервной системой живого организма, находились тут же.

– Воу, – выдохнул Руслан, – выглядит ничего так. А лазер в ней есть? Мини-бензопила?

– Это не боевой образец, – улыбнулась Лиза. – Кто бы нам выделил бюджет? Признаться, я и этот-то стырила со склада... Одолжила, то есть.

– Моя школа, уважаю! Спасибо, что ли.

– Да не за что. Всегда рада помочь товарищу, – Лиза убрала футляр обратно в контейнер. – Правда. Некоторые ребята тебя сторонятся, но мне кажется, ты – клёвый чувак.

– А нам, клёвым, надо держаться вместе! – Руслан поднял кулак, направив его на Лизу.

– Ага, – ответила ударом кулака об кулак женщина. – Ты Викусе очень помог, а у неё уже давно идёт такая чёрная полоса, что чернее только чёрная дыра. Я ценю это.

– Вы с ней давно тусите?

– Ещё до перевода в Питер. Переехала вместе с ней, точно жена декабриста. До этого работали в Московском штабе. Перспективное местечко было, скажу я тебе... А какая там была лаборатория, эх...

– Что случилось-то?

– Вика приказ нарушила, если вкратце. Предпочла послушать тётушку совесть да получить по шапке, чем ублажить начальство. Мы, в тот раз, почти поймали пару наёмников "Агхарты", когда они собирались убрать одного предателя, который много лет работал на обе стороны. Ублюдок имел некую важную информацию, но эта сука Кими успела порешить его прежде, чем он что-либо рассказал.

– "Эфемероптера"? – поднял бровь Руслан.

– Они самые, чтоб их. Лукреция – беспринципный и безжалостный убийца, заслуженно получившая прозвище Потрошитель. А уж когда она идёт на дело со своей командой, особенно с этой хакершей Каролиной Нимда, вечно сующей палки в шестерёнки наших спутников слежения... Скажу лишь, что не зря эту шестёрку сторонятся даже самые отмороженные стаи других наёмников.

– Мне кажется, вы преувеличиваете, – ухмыльнулся Руслан. – Сговорились и теперь пугаете меня и других рассказами об этих, как вы их зовёте, эфемерах. Разве могут всего шесть человек причинить столько бед? Да, наш парнишка не справился с одним из них, но теперь-то мы готовы. Теперь-то пусть только сунутся!

– Укуси меня двуглавый пёс, если я преувеличиваю! Скорее, преуменьшаю, – Лиза удивлённо взглянула на вытасченный из мешка хромированный сервоключ. – Это мой? Не помню такого...

– Ладно, пошёл я. Привет железякам со дна!

– Эй! – окликнула женщина Руслана. – Ты как вообще, кстати?

– Всё ещё без руки. А о чём вопрос?

– Ну... Ты сказал, что не помнишь откуда родом, хотя мы и встретились в Питере. У тебя, что – амнезия?

– Наверное. Не помню. Ощущение, что у меня были лишь последние шесть лет жизни. Я скитался по грязным и сырым подворотням, воровал еду из магазинов. В итоге, всё же нашёл работу на заводе, снял квартирку, поборился.

– Молодец! А девушка?

– Что "девушка"?

– Вроде, ты хотел, перед отъездом, увидиться с какой-то девушкой... Вика сказала, что ты именно из-за неё влез в то дерьмо с наёмниками "Агхарты".

– Ага, – отвернулся от собеседницы Руслан. – Так всегда и бывает из-за вас, девушек – влезешь в какое-нибудь дерьмо, вовек не отмыться.

Вечером того же дня

Спрятанный в лесу бункер обрадовался гостям, встретив их зажёгшимися во всех коридорах устаревшими лампочками накаливания. Правда, система фильтрации воздуха и автоматической очистки помещений работала так, словно не работала вовсе: повсюду была пыль, паутина, часть электронных приборов вышла из строя, в том числе – некоторые камеры слежения. Тем не менее, всего за пару часов, аккурат к ужину, люди более-менее очистили основные помещения. Несколько жилых комнат, пункт наблюдения, туалеты и, конечно же, столовая – всё стало выглядеть вполне презентабельно. Главное – не приносиваться.

Обычно в подобных штабных столовых царил весёлый гул: молодые люди подкалывали друг друга, парни подмигивали девушкам, предлагая понести их подносы с едой, и даже начальники не обращали внимания на развязное поведение подчинённых. Если война где-то далеко, то её и нет вовсе, ведь так? Но сейчас её тень нависла над каждым из собравшихся отужинать: люди сидели угрюмые, почти не переговаривались, да и рацион не располагал к веселью – сухая гречка с такой же сухой котлетой, да непонятная запеканка из непонятно чего. Ну, хоть с куском хлеба. Позавчерашнего.

Алюминиевая тарелка бряцнула о железный стол. Руслан, сидевший в самом углу столовой, лелея надежду отужинать в одиночестве, поднял глаза на посмевающую нарушить его идиллию вторженку.

– Девушка, у нас обеденный перерыв. Зайдите позже.

– Не возражаешь, я присяду? – Мария опустила на стул, не дождавшись ответа.

– А твой паренёк против не будет? Или другой твой паренёк? Ладно Эдриан: он просто выбьет мне пару зубов, да и всё, а вот что от стеклоглазого ожидать...

– Думаю, тебе стоит прекращать питаться в одиночестве и присоединиться к коллективу. Да и вообще – начать уже общаться с товарищами. Раз уж тебя доверили нам, изволь принимать участие в жизни отряда.

Руслан нехотя оторвался от ужина, оглядев столовую: люди сидели за разбросанными по помещению столами, тихо и хмуро обсуждая насущные дела. Виктория, Василий и Эдриан, сидевшие за одним столом рядом с пустым местом, явно застолблённым для Марии, поглядывали на Руслана и девушку и заговорщически молчали. Одна лишь подполковник Кадавр, карикатурно выпрямив спину, ела посреди помещения в гордом одиночестве. Никто не решился составить женщине компанию, обсудить изысканный ужин и любимые телепередачи.

– А ты не слишком мала, чтобы рядом со взрослым дяденькой кушать? – Руслану, не привыкшему есть в чьей-то компании, еда отказывалась лезть в горло. – Кажется, во-он те люди уже что-то подозревают. Составила бы компанию Катюше. Похоже, ей одиноко.

– Если гора не идёт к Магомеду... – Мария улыбнулась с набитым ртом. – Вот ты упрекаешь подполковника в недружелюбности, хотя тебе самому стоило бы задуматься о своём поведении в коллективе, а то вас обоих все так и будут сторониться.

– Звучит заманчиво. Ты-то чего решила стать исключением?

– Всё же, я надеялась, мы подружмся, после случившегося в Питере. Ты ведь хороший человек, как внезапно выяснилось. А Кадавр... Не знаю. Кое-кто из ребят навёл о ней справки, через бывших коллег и сослуживцев, – говорят, она та ещё сука. А ты как думаешь?

– Мне, для подобных инсинуаций, бывшие коллеги не нужны. С другой стороны, женщина делает свою работу, на нас ей плевать... Знаешь, в целом, я её понимаю. Мы с ней, как это называется... Интервенты!

– Интроверты, умник.

Оба одновременно взглянули на новую начальницу: она ела. Просто ела. Ни одной эмоции, по крайней мере из тех, что видны глазу.

– Всё выпендриваешься, да? – Мария ковыряла ложкой остатки гречки, словно пытаюсь что-то нарисовать ею что-то в тарелке. – Но каким бы чёрствым ты не старался казаться мне, другим, себе... Ты – хороший человек. Вовсе не такой монстр, как говорят о Глазах Агнца. Да и, возможно, ты вообще не один из них.

– Один из них или нет – какое это имеет значение? И в каком месте я хороший человек? Скольких я уже убил? Ты, случайно, не вела счёт?

– Кто бы что ни говорил, это война, и тут приходится убивать. Ты защищался и защищал слабых, невинных. Я понимаю – тебе тяжело и страшно...

– Чего!? Страшно!?

– ... ты долго жил один, без друзей, без семьи, без любимого человека. Некому было выслушать тебя, подбодрить, дать совет. Но теперь у тебя есть реальный шанс всё изменить. У тебя появились мы. И я хочу помочь тебе, вот и всё. – Мария подала парню свою тоненькую, но уверенную руку. – Я предлагаю тебе свою дружбу.

– Если скажу "да" и пообещаю сходить с тобой на маникюр, ты дашь мне поесть, наконец?

– Честное-пионерское, – подмигнула Мария, улыбаясь во все зубы.

Только теперь Руслан обратил внимание, что все в столовой смотрели на них. Кроме одного человека: Катерина упорно, почти давясь, поела остатки ужина. Руслан осторожно, будто опасаясь сделать девушке больно, взял её руку своей, последней.

– Ну, малышка, кажется, ты на меня благотворно влияешь. Аура там, чакра, флюиды какие – уж не знаю.

– Самое важное: теперь – ты настоящая ячейка нашего сплочённого коллектива, – в миг посерьёзна Мария. – Конечно, официально ты ещё не орфовец, но, уверена, дело за малым. Отныне ты – член нашей семьи, и я попрошу тебя отнестись к этому с полной серьёзностью. Ты будешь принимать участие в нашей жизни?

– Честное. Пионерское.

Виктория довольно улыбнулась – увиденное хоть немного скрасило эффект премерзкого ужина.

Часом позже

Вскоре после еды подготовка убежища к отбою была окончена: пара охранников выставлена у ворот, а персонал, приободрённый каким-никаким ужином, потихоньку готовился ко сну. К слову, помещения, хоть и успели покрыться пылью и превратиться в империю пауков, были вполне в пригодном для жизни состоянии. Всё было по-военному просто: деревянные или железные столы, стулья, такие же кровати, шкафы, с убранными в них столовыми приборами и бумажными книгами. Никаких украшений или особых удобств. Жить можно? Можно. Кровать есть? Есть. Даже суп есть где сварить. Так что тебе ещё надо, солдат?

Виктория и Илья Гридин – специалист по связи, которого она знала ещё со времён совместной работы в Москве, – включили камеры наружного наблюдения и сели проверять их дееспособность.

– Вик, камера номер четыре не фурычит, – сообщил техник, щёлкая мерцающими тумблерами. – Мне сходить, осмотреть?

– Не надо, – сержант отхлебнула горячий кофе, – утром разберёмся. Это место заброшено больше двадцати лет – даже странно, что крякнула лишь одна из камер.

– Всё же, объект военный, а на армейских нуждах в России никогда не экономили. Как я понял, это был запасной командный пункт, но он почти не использовался, – оператор крутанулся на стуле, глянув на начальницу. – Так, а ты знаешь, кто и когда приехать-то должен?

– Нет. Краснов сказал, что отряд небольшой, но бойцы там опытные, в реальном бою бывали, и не единожды. Буквально только что вернулись с секретной боевой операции, ещё не успели получить другого назначения, поэтому, пока что, помянутся с нами.

– Другого назначения? Хочешь сказать, всегда есть куда послать боевой отряд?

– Не хочу, но, судя по тем отчётам, к которым у меня есть доступ, "Агхарта" действительно стала действовать более нагло в последнее время. Несколько покушений на членов совета, несколько террористических актов. Главное, чёрт побери, никакой связи между этими событиями не прослеживается.

– Странно...

– Вика, Илья? – заглянула в операторную Мария. – У вас тут всё хорошо? Помощь не нужна?

– Нет, Маш, – кивнула Вика помощнице. – Иди спать. Козявр уже дала отбой.

– Я могу подменить тебя за мониторами. Я знаю, подполковник приказала тебе, но...

– Мария! Спать!

Наконец закончив настраивать калибр резьбы сервоключа, Лиза с любопытством разглядывала Руслана, лежащего на холодной железной кушетке, накрытой белой простыней. На парне не было одежды выше пояса, и механик не могла оторвать взгляд от паутинки шрамов по всему его телу. Особенно на их фоне выделялась культия вместо левой руки, рядом с которой лежал подготовленный киберпротез.

– Красавчик, знаю. Спасибо, – подмигнул Руслан.

– Ой, прости, – смутилась женщина, хватаясь за инструмент. – Готов?

– Сто грамм для храбрости?

– Не взяли. Да и нельзя пить алкоголь перед процессом киберпротезирования – кровь разжижается.

– Я думал, это называется аугментирование. Так как правильно-то?

– Киберпротез – вещь, как правило, более дешёвая и не столь устойчивая к механическим повреждениям и температурному воздействию, нежели полноценный аугмент. В основном, киберпротезы используются гражданскими, при потере родных конечностей, а их детали печатаются на 3D-принтерах, что делает их относительно простыми и дешёвыми в изготовлении. Аугментирование же, зачастую, – намеренный процесс лишения себя той или иной конечности, с целью замены их на более совершенные. Иногда, боевые.

– Значит, у нашего сердитого паренька – аугменты?

– О да, и, чёрт бы меня побрал, они у него просто восхитительные! Как-то раз, он позволил мне чуток поковыряться в своём плече – я чуть кипятком не это самое! Да уж, не жалеют у них там, в Академии Первой Стали, денег на своих ребят.

– Это что-то типа школы для трудных подростков?

– Что-то типа. Обучают молодых ребят идти холодным оружием против огнестрела. Их выпускников называют художниками клинка. Какая-то своя древняя философия, типа бусидо, традиции воинской чести, бла-бла-бла, – Лиза почесала затылок, не снимая латексных перчаток. – Так, короче. Русь. Оттягиваем момент. Надо приступать. Будет больно.

– Да не бойся, я не сильно кусаюсь.

- Не укусишь, с тряпкой во рту, – Елизавета протянула парню скомканный кусок ткани.
- А это ещё зачем?
- Чтоб не прикусил язык. И чтоб не повредил зубы.
- Тебе или себе?
- Руслан! Блин, просто сунь это себе в рот!
- Вот уж не думал, что когда-нибудь послушаюсь таких слов, – проворчал Руслан, принимая тряпку.

– Процесс интеграции нановолокон в человеческую нервную систему крайне болезненный. Конечно, я ввела тебе анестетики, но сильно на них не рассчитывай. Сейчас я сделаю тебе несколько надрезов, туда вставлю вот эти проводочки. И вот тогда начнётся настоящий ад: ближайшие минут сорок, твой организм будет адаптироваться к изменениям, но мозг просто не захочет воспринимать появление чего-то инородного и неестественного, однако наноботы не дадут организму отторгнуть протез. Если всё пройдёт хорошо, уже через несколько часов сможешь потихоньку начать шевелить новой конечностью, но понадобится куда больше времени, чтобы она стала как родная. У кого как: от пары дней, до пары месяцев. Кстати, попьёшь нейростимуляторы, двухнедельный курс – они помогут образованию устойчивых синапсов. По крайней мере, так написано в учебнике, хотя с твоим организмом я ни в чём не уверена...

- Будем считать, что я что-то понял. Ещё что-нибудь?
- Нет. Вроде. Скажу, если вспомню. Готов?
- Нет. Начинай уже.

Лиза выдавила на ладонь голубоватый гель из давно початого тюбика. Аккуратно, но сильно, размазала его по начавшему заживать шраму на предплечье Руслана.

- Ну, – выдохнула Лиза, натягивая медицинскую маску, – поехали!

Ловкими отработанными движениями, женщина сделала пять разрезов скальпелем поверх шрама – Руслан лишь немного поморщился. Без малейшей дрожи, механик прижала киберпротез прямо к открытым ранам – концы жёстких нанопроводов вошли аккуратно в кровотокающие отверстия. Открутив сервоключом небольшую панель на стальной руке, Лиза начала елозить пальцем по скрытому за ней маленькому экрану – панели управления наноботами, которые придавали движение волокнам. Руслан сжал тряпку в зубах, зашипев – микроскопические машины начали процесс ассимиляции нервных окончаний, образуя симбиоз стали с организмом человека.

– С системами современных аугов процесс менее болезненный, а интеграция куда более стабильна и быстра, – не отводя глаз от экрана, вещала Лиза. – Но, что имеем – с тем и работаем. Терпи, казачок – атаманом станешь!

Девушка приставила сервоключ к болту на локтевом сочленении протеза: до этого слегка раскрытые, пластиковые панели медленно сжались, словно бутон цветка на закате, захватывая края человеческой плоти.

И вот тогда боль пришла: безграничная, испепеляющая, как если бы на руку Руслана пролили свеженькой лавы, только что из вулканической кастрюли. Парень яростно зарычал, сжимая край кушетки здоровой рукой, но терпел.

Электрические импульсы устремились по ветвистому дереву человеческого организма, от самого шрама – прямо в мозг, и даже кончики пальцев ног прочувствовали на себе их разряд. Мозг сопротивлялся, не мог поверить и принять, что рука, с которой он окончательного попрощался, про которую забыл и даже не думал ей позвонить, вернулась. Однако электроимпульсы, что посылала Лиза в организм через микроскопических роботов, пытались убедить мозг принять изменение. Принять и подружиться.

- Хорошо держишься, друг! – подбадривала женщина. – Ещё минут пятнадцать!

Уж больно долгими они ему казались. Вся кожа Руслана покрылась мурашками – тело бунтовало против столь наглого вторжения. Однако, через сколько-то минут экзекуции, агония

начала сдавать позиции, а кровь прекратила бурлить так яростно. Парень разжал побелевшие пальцы, расслабляясь и нормализуя дыхание.

– А теперь представь, какова аугментация внутренних органов, – Лиза принялась закручивать панель консоли управления наноботами, пряча нежные микросхемы под слоем стали. – Или глаз. Ушей. Интимных мест, с сохранением тактильных ощущений.

– А... А это-то... зачем? – выплюнул тряпку Руслан.

– Да мало ли извращенцев. Я тебе как-нибудь расскажу про такое подробнее. Очень интересно, – Лиза подмигнула. – Сейчас дам нейростимуляторы.

Руслан сел, запил водой принесённые женщиной белые капсулы с веществом, помогающим работе мозга.

– Всё прошло довольно быстро, – ухмыльнулся он, глянув на новую руку, пока ещё недвижимую. – Я думал, будет дольше. И больнее.

– Да ты вообще молоток! – Лиза хлопнула своего пациента по здоровому плечу. – Вот и всё! И больше не теряй ничего столь сложного в замене!

– Постараюсь. Не из приятных это процессов. И как люди сами соглашаются на такое?

– Есть теория, что аугментация продлевает жизнь, – Елизавета присела на табурет, рассматривая окровавленный скальпель. – Но всё это – дело слишком молодое, чтобы утверждать наверняка. Я слыхала про людей, которые заменяли себе все конечности и кучу внутренних органов, практически превращая себя в роботов, не утруждаясь экзистенциальными размышлениями, например, о парадоксе Тесея. Ну, посмотрим, что будет через десяток-другой годков.

– Плевать, – Руслан провёл настоящей рукой по всей длине протеза. – А что с ранами? Уже почти не болят.

– Нановолокна, как и внутренняя обшивка протеза, пропитаны специальным составом, обеззараживающим и способствующим заживлению, а наноботы запрограммированы зашить раны, после чего перейти в спящий режим. Боль полностью пройдёт в течении недели или около того. Хотя... Признаюсь, ты действительно перенёс операцию чрезвычайно легко и быстро. Возможно, боль исчезнет даже раньше.

– А рисовать этой рукой я когда смогу?

– Зависит, по факту, лишь от твоей силы воли, – Лиза развела руками. – Как я уже говорила, ответ на этот вопрос – "скоро". Старайся сосредоточиться на желании шевелить ей – это единственный способ стимуляции процесса, помимо таблеток. Кстати, хоть протез довольно прочный, почти как полноценный ауг, всё же будь с ним осторожнее.

– Понял, принял, – Руслан встал. Пластиковая рука плёткой повисла вдоль тела. – В принципе, вопросов больше не имею. Спасибо.

– Не за что, – Лиза протянула парню банку с таблетками. – Если что, обращайся. Всё равно, хрен знает, как надолго мы тут застряли.

– Надеюсь, нас скоро амнистируют, ибо больше всего в этом мире я ненавижу какие-бы то ни было ограничения.

Мария убрала папку обратно в шкаф – не интересно. Вся полка была забита никому не нужными бумагами, так или иначе касающимися Третьей Войны. Девушка с раннего детства интересовалась этой трагедией: рождённая уже после её завершения, сама она не знала тягот военного времени, но её отец и мать были военными инженерами, и встретились они прямо посреди поля боя, кстати, сражаясь под разными флагами. Девочка с пелёнок слушала байки о том ужасном времени, и готова была на всё, лишь бы оно не вернулось.

Мария смахнула пыль со старой, давно неактивной консоли. Та была крайне примитивной: куча кнопок, толстый экран, толщиной в человеческий палец, никакого голосового управления. Когда-то, наверное, это считалось очень высокотехнологично.

– Удивительно, правда? – Мария вздрогнула от голоса подошедшего со спины Васи. – Все эти кнопки, дутые мониторы... Прости, не хотел напугать.

– Ничего, всё в порядке, – девушка отпустила ошейник. – Я тут искала что-нибудь интересное почитать на ночь.

– Нашла?

– Нет. Кажется, бункер был запасным командным центром, но так и не использовался по назначению, так что тут вообще мало что достойно внимания.

– Зато тут остался большой запас консерв, – улыбнувшись, Вася подошёл ближе. – Ты ведь всё можешь найти в интернете, так зачем дышать плесенью? А лучше, спроси меня, если хочешь узнать что-либо.

– Пока мы здесь, тебе запрещён доступ в интернет.

– Я могу воспользоваться защищённым каналом, никто ничего не отследит. Ты ведь знаешь: благодаря нейрочипу, у меня мгновенный доступ практически к любой сети в мире. Что угодно спроси – через мгновение, мне на визоры придёт ответ.

– Визоры... Ты даже не называешь их глазами.

– Я пожертвовал глазами, чтобы стать полезным ORF. Чтобы защищать мир. Чтобы защищать тебя.

– Мне не нужна защита.

Молодые люди посмотрели друг на друга, но уже через пару секунд Мария заморгала и отвела взгляд – её настоящие глаза устали от чтения при тусклом свете. Ещё один недостаток, в сравнении с пластиком.

– Ты боишься меня? – дрогнувшим голосом спросил Василий. – Неужели это действительно так? Это мои глаза тебя пугают?

– Вовсе нет.

– Тогда почему ты не подпускаешь меня?

– Вася! В каком смысле "не подпускаю"? Мы с тобой нормально общаемся.

– Я не хочу нормально, – техник взял девушку за руку. – Я хочу лучше.

Не дождавшись ответа, он продолжил:

– Ты мне очень нравишься, Маш. Нет... Я люблю тебя.

– У нас есть задание, – отдернула руку Мария. – Сейчас мы должны думать только о выполнении приказа.

– А я не могу думать только о приказах, когда ты рядом! Так близко... и так далеко. На работе и дома, днями и ночами, я думаю только о тебе.

– И ночами тоже? – в дверном проёме внезапно возник Эдриан. На его бесстыже обнажённом торсе ещё не высохли капли воды после душа, стекающие по кубикам пресса.

– Эд! – вскрикнула Мария.

– Мы разговариваем! – храбро выпалил Василий куда более высокому и широкому потенциальному сопернику.

– А я, что – вам помешал? – Эдриан подошёл ближе. – Болтайте, пожалуйста. Правда, подполковник Кадавр уже дала команду отбой.

– Ну и что ж ты ещё не в кровати?

– Решил прежде удостовериться, что все остальные тоже улеглись по своим постелям. Одни. Начну с тебя.

– Ребята... – попыталась вклиниться Мария.

– О, проводить меня хочешь? Это так мило.

– Ага. Не думаю, что ты станешь возражать. С такими-то мускулами. Точнее, вообще без них.

– Ребята!

– Зато у меня... В голове! Стоит чип! С последней прошивкой, а не допотопный боевой имплант! Да и без него, я умнее тебя настолько же, насколько среднестатистический человек умнее краюшки хлеба!

– Вот как корку хлеба, я тебя и могу смять...

– Так, хватит! – выпалила Мария, наконец сумев привлечь внимание ухажёров. – Вы! Оба! Вы... Вот друг с другом и целуйтесь! Отлично друг другу подходите, между прочим, два идиота! А я – спать!

Нарочито громко стуча каблуками, Мария вышла из комнаты, оставив переглянувшихся парней в недоумении.

– Вика! – чуть не подпрыгнул на стуле Илья. – Вика, у нас активность в третьем секторе! Дорога с южной стороны, шестая и седьмая камеры.

– Что там? – сержант подошла к оператору со спины, заглянув в указанные камеры: по дороге к бункеру ехал фургон с выключенными фарами.

– Наши? – спросил Илья.

– Не знаю. Пойду сообщу Кадавр. Передай наружной охране, чтобы были начеку.

– На связь никто не выходит. Может, заблудился кто? Правда, раз едут без фар, значит, на автопилоте. Так как можно заблудиться-то?

– Свет фар не нужен, если за рулём – не человек, – едва договорив, Вика пулей вылетела из комнаты.

Стемнело. Птицы перестали петь – либо уснули, либо улетели в страхе от непривычного шума и вытянутых лысых существ, коих раньше не встречали.

Длинная красная фура, в темноте похожая на ту, что привезла сюда шестой отдел, остановилась всего в паре десятков метров от входа в бункер, на небольшой протоптанной поляне.

– Наши? – резонно спросил один из караульных, прижимая к себе винтовку.

– Никаких приказов не поступало, – второй оперативник приложил палец к уху, проверяя связь. – Пост первый, пост первый, как слышите? Приём! – тишина. – Что же они молчат..? Бдим и ждём.

– Подполковник! – Вика распахнула дверь в комнату, выбранную Катериной в качестве кабинета. – Приехал неопознанный грузовик. Фары выключены, никаких сигналов по сети не передавали.

Одетая в гражданское, Катерина оторвалась от лежащих на столе документов:

– Это не наши. Боевая тревога!

– Кажется, я вполне очевидно намекнул, что тебе лучше отстать от неё, – с явной угрозой, процедил Эдриан.

– А я вполне прямо сказал, что она сама сделает выбор, с кем ей быть. Но я напора ослаблять не собираюсь, разумеется.

– Рядом с такой девушкой, тем более, в столь опасное время, должен быть сильный мужчина. Настоящий воин. Может, в целом, ты и хороший парень, но не для девушек. У меня бы и не было к тебе претензий, если...

– Тихо! – Василий поднял руку, останавливая диалог. Его глаза блеснули и приняли синеватый оттенок.

– Что!? Ты... Ты заткнул меня!?

– У нас гости.

– Может, всё же, подойти? – ёрзая на месте, спросил один из караульных. – Чего они там встали-то?

– Ждём приказа! Инициатива еб*т инициатора. Чего нам вдвоём лезть? А если это...

Дверь в кабину грузовика внезапно распахнулась, но тусклый свет старых периметральных ламп не позволил разглядеть того, кто из неё вышел. Фигура, резкими, словно нечеловеческими движениями достала что-то из кабины, и взяла это в обе руки.

– Оружие к бою! – только и успел выкрикнуть более осторожный мужчина, прежде чем упал, сражённый автоматной очередью в грудь.

– Нападение! – заорал второй караульный в переговорное устройство. – "Агхарта"!

Стрелок вышел на освещённое место: высокая фигура принадлежала "химере", боевому андроиду с ограниченным искусственным интеллектом, какие стояли на вооружении "Агхарты". Синтетическое лицо, покрытое серым полимером, отдалённо напоминало человеческое, но было напрочь лишено любых проявлений эмоций. Стальные сервоприводы двигались слишком резко, по сравнению с плавными движениями гражданских андроидов или, тем более, настоящих людей.

Задняя дверь кузова грузовика распахнулась. Несколько человек в серой форме выпрыгнули из машины, вслед за ними спустились ещё две "химеры". Последним вышел человек в тёмно-красном балахоне, с хмурым сосредоточенным взглядом и короткими, иссиня-чёрными волосами. Внимательно оглядев окрестности и личный состав, резким движением руки, он отдал приказ штурмовать бункер.

Орфовец, спрятавшийся за выставленным энергетическим нуль-щитом, не целясь открыл ответный огонь по ближайшему андроиду:

– База! Виктория! Кто-нибудь!!!

– Всему персоналу! На нас напали! – усиленный динамиками, голос Ильи звучал по всему бункеру. – Скорее всего, это "Агхарта"! У них боевые андроиды! Всему персоналу!

– Какого хрена!? – вскочил Руслан с железной койки. – Так, Лизка! Где тут у нас такие штуки, из которых ещё стреляют?

– Мы всё на склад закинули, – ответила оживившаяся женщина. – Но ты не можешь сражаться одной рукой!

– Я ох что могу одной рукой, ты б видела! Где этот склад?

– По коридору – до конца, потом налево! Думаю, там уже все наши будут.

– Идешь?

– Да, конечно! Стрелять я умею!

Кажется, пинком, Кадавр распахнула дверь в операторную:

– Доклад!!!

– Подполковник! – вскочил Илья, отдав честь не той рукой. – "Агхарта"! С полтора десятка боевиков, три "химеры"! Внешняя охрана перебита, ломают дверь!

– Бл*дь, – выругалась вошедшая Виктория. – Ребята... Твою мать!

– Выставить укрепления в холле! – командным тоном начала вещать Катерина, схватив микрофон. – Всему боевому персоналу прибыть в коридор А-2! Установить турели!

– Нападение? Правда? – спросила Мария у пробежавшего мимо Васи.

– Да! – задыхаясь, ответил он. – Спрячемся в столовой!

– Нифига! Я тоже буду отбиваться! – девушка рванулась вслед за остальными, но тут же была остановлена схватившей её за плечо крепкой рукой.

– Малышка, – улыбнулся Руслан, – ты время видела? Деткам спать пора, да и зрелище сейчас будет ну явно не детское.

– Я совершеннолетняя! – Мария скинула с себя его руку. – И сама решу, что мне делать! Я буду со своими товарищами!

– Подруга, уж прости, но ты – не боец, – Лиза подключилась к разговору, подбежав со спины Руслана. – Оставь войну тем, кто воевать умеет.

– А здесь таких нет! Забыла!? У нас же не было ни одной боевой операции!

– Лишнее подтверждение того, что тебе надо хорошенько спрятаться, – заметил Руслан. – Хочешь, до ста посчитаю?

– Сколько зубов я тебя сейчас выбью посчитаю!

Оперативники спешно установили две переносные автоматические турели, направив их дулами в сторону выхода из бункера. Двенадцать человек собралось в холле, заняв боевые позиции за импровизированными баррикадами, которыми послужили перевёрнутые столы и шкафы, наскоро вспоминая хоть что-то, что они успели почерпнуть из учебных симуляций боевых действий, проводимых в виртуальной реальности.

Эдриан подбежал к остальным, заранее выхватив меч:

– Как они так быстро нашли нас?

– Не знаю, – ответила подошедшая Виктория, доставая пистолет. – Либо у нас завелась крыса, либо за нами следили ещё от капитула Совета.

– Сукины дети, я знал, что этим самовлюблённым ублюдкам нельзя доверять!

– Отставить! Отряд! – сержант повысила голос. – У "химер" прочная лобовая обшивка! Цельтесь в визоры и сочленения на руках и ногах! Если представится возможность – стреляйте в обратную сторону шеи, там у них тоже есть открытое место!

– Они убили Филю и Витальку, – горько произнёс кто-то из солдат.

– Они об этом пожалеют! – подхватил другой.

– Ничего не пропустил? – сиганул под баррикаду Руслан.

– А ты какого... – Вика запнулась, увидев киберпротез. – Иди в тыл, защищай Машку и техников. Машка!? А ты что здесь забыла? А ну прочь! Найди Лизу и... Лиза!? Так! Все, кто только лишь думает, что умеет стрелять – немедленно отступите в столовую!

– Не могу послать сигнал базе! Проклятие! – Илья швырнул наушники на пол. – У них глушилки!

– Докладывать мне обо всём, – Катерина вставила в ухо микропередатчик и выбежала из операторной, решив присоединиться к вверенному ей отряду в бою.

– Лиза! Ну ты-то с мозгами! Уйди нахрен, и этих заведи с собой!

– Я могу стрелять!

– Шум слышите? Они сейчас взломают дверь!

– Отличное, сука, проектирование бункера – всего один вход!

– А он не один.

– Чего!?

– Там второй есть, в северном крыле. Я видел на схеме.

Взрыв прогремел в глубине бункера – затем последовали звуки стрельбы.

– Ропоника! За мной! – едва подошедшая Катерина ткнула пальцем ещё в двоих парней. – Вы, двое! Тоже! Штейн, держать оборону! Не вступать в переговоры без моего ведома!

– Чёрт, Маша, свали отсюда, пожалуйста! – почти рычала Вика. – Ты нам не поможешь!

– Но... Я...

Парадная дверь в бункер ввалилась вовнутрь, сверкая оплавленными краями. Две "химеры", держа оружие наготове, вошли в тёмный коридор. Остальной отряд бойцов "Агхарты" держался позади, под эгидой железных спин.

– Есть идея. Маш, уходим, – Лиза схватила подругу за руку и, несмотря на протесты, уволокла вглубь базы.

– Турели в боевом положении, активирую систему распознавания, – сообщил Илья. – Сержант? Открыть огонь?

– Подожди, – шикнула Виктория. – Что там сзади творится?

– Тоже проникновение. Взорван люк в аварийном тоннеле.

– Проклятье!

Боевые машины остановились в десятке метров от турелей. Их серые не двигающиеся лица были отмечены множественными царапинами, следами от пуль и осколков гранат. Роботы явно прошли уже не одну битву, хотя, по окончании Третьей Войны, и вышло постановление о запрете серийного производства боевых андроидов. Причин на то было много, но самая главная была в проблеме системы распознавания "свой-чужой". Бездушные машины, наделённые довольно примитивным ИИ, было не легко, но всё же можно взломать, и тогда они могли перейти на сторону противника или вовсе начать убивать без разбору, без сожаления, иногда, ввиду неких программных ошибок, – людей обеих сторон. Женщины, дети, безоружные – никакой разницы. Тем не менее, в тайных цехах "Агхарты" по-прежнему собирались и модифицировались новые экземпляры "химер" с установленными ограничителями развития ИИ.

Боевики в серой форме, как и их андроиды, оцетинились оружием. В формированиях "Агхарты" не было единого стандарта вооружения, потому и оружие их было самым разным: устаревшие карабины, трофейные прототипы лазерных винтовок (не получивших широкого распространения в официальных боевых формированиях), винтажные револьверы и полицейские помповые ружья. Но оружие – есть оружие, и оперативники ORF, укрывшись за ограждениями, были готовы принять настоящий – для большинства из них, первый – бой.

– Что вам нужно? – громко спросила Виктория. – Я – старший сержант Виктория Штейн! Кто будет вести со мной переговоры?

Стоящие впереди "химеры" сделали по шагу в стороны. Навстречу орфовцам вышел смуглый мужчина в длинном тёмно-красной балахоне. Воротник был поднят так высоко, что скрывал рот, а его холодные глаза демонстрировали уверенность и спокойствие.

– Ола, Виктория, – спокойно произнёс наёмник.

– Марко? – немного опешила женщина. – Ну конечно. Всё ещё живой.

– Ты ведь знаешь, – говоря на почти идеальном русском, слывающий полиглотом мужчина развёл руками: под красной накидкой показался серый комбинезон – лёгкий боевой экзоскелет, столь популярный у обладающих финансами наёмников, – я не могу умереть. Рад видеть тебя вновь. Как только узнал, что ты здесь – вызвался встретиться.

– И я давно жду этой встречи, козлина. Так что вам надо? И почему Лукреция не пришла лично, а послала своего самого верного пёсика?

– У моего вождя есть более важная миссия, но она просила извиниться перед тобой, что не смогла прибыть лично.

– Повторяю: что вам, у*банам, надо?

– Он, – Марко указал пальцем на стоящего рядом с Викой Руслана. – Глаз Мора.

– Че-его? – настала очередь Руслана удивляться. – Я с тобой никуда не пойду! Ты на маньяка похож!

– Прошу простить меня, – поклонился мужчина. – С сеньоритой Штейн мы уже имели радость познакомиться, но я должен представиться и перед остальными. Меня зовут Марко де Луго, я – член стаи "Эфемероптера", известный под прозвищем Проклятый Жизнью. Мы здесь для того, чтобы либо доставить Глаз Мора к "Агхарте", либо убить его.

– Вы убили моих парней у входа, – сухо констатировала Вика. – А значит, и сами отсюда живыми не уйдёте.

– Мне очень жаль. Прости, Виктория, но я – солдат, и лишь исполняю приказ. Они тоже были солдатами, и знали, чем это может закончиться.

– Для тебя всё закончится здесь и сейчас, как закончились и наши переговоры! Открыть огонь!

Эдриан буквально влетел в столовую: две "химеры", в сопровождении нескольких боевиков "Агхарты", уже вломились к забаррикадировавшимся в столовой техникам, и теперь добивали их одного за другим. Андроид, весь перепачканный свежей кровью, перевёл взгляд на нового врага. Его клешня, лишь похожая человеческую руку, разжалась, роняя на пол тело худощавого оперативника, оставшегося защищать товарищей.

– Что встали!?! Огонь! – Катерина первой вскинула свой покрытый серебристой гравировкой пистолет, сразу уложив одного из зазевавшихся агхартовцев. Оба её подчинённых рванулись вперёд, прикрыв командира нуль-щитами.

Держа меч перед собой, Эдриан метнулся навстречу ближайшему андроиду. Боевые протоколы "химеры" сработали замечательно: клинок рассёк воздух в паре сантиметров от железной головы, а сам робот тут же выхватил винтовку, дав лазерный залп в грудь мечника. Ловко уйдя в сторону, киборг глянул на второго андроида: как и боевики "Агхарты", тот переключился с пары беспомощных техников (среди которых мечник разглядел и Васю) на нового врага, поспешив на помощь своему стальному брату. Выстрел из винтовки оставил чёрную борозду на стене – главное, что не на лице Эда, как того планировал андроид.

– Ропоника, чёрт бы тебя побрал, не оплошай снова! – словно из другого мира, послышался крик Катерины. Вместе с двумя оперативниками, она отступила назад в коридор, скрываясь от огня нападающих агхартовцев.

"Химеры" не переставали палить по с трудом уворачивающемуся Эдриану. Их боевые сенсоры работали на полную мощность и, в отличие от мышц человека, не знали усталости.

Очередной лазерный луч оставил дымящуюся отметку на плече Эдриана.

– Чёрт! Ну всё, хватит!

Сделав кульбит в сторону, мечник запустил клинок в одного из андроидов – срезанная стальная рука упала на пол, вместе с винтовкой. Перекатившись по полу ко второму роботу, освободившимся кулаком Эдриан врезал ему в челюсть снизу-вверх. "Химера" пошатнулась, почти упала на спину, но тут же восстановила равновесие – на сером лице появилась заметная вмятина. Ещё один удар, по шее... Но ладонь робота перехватила кулак художника клинка, полностью поглотив импульс от удара.

– Какого..?

– Ропоника, что так долго!?! – снова слышится крик командира, перебиваемый шумом стрельбы.

Не сумев высвободить руку, Эдриан прыгнул на месте, ногой выбил оружие из второй руки "химеры". Ничуть не смутившись потери оружия, андроид дёрнул киборга на себя, зажав в поистине стальные объятия, словно в машинный пресс.

– Сволочь! Отпусти! – чувствуя сдавливающие его всё сильнее стальные мускулы, художник клинка принялся брыкаться, изо всех сил стараясь вырваться.

Потерявший руку андроид не стал перестраивать боевой сигнатуры: подобрав выпавшее оружие, он прицелился в голову обидчика.

– А вот хрен вам! – парень разжал ладонь, и в её центре появилось голубоватое свечение: боевой клинок Академии Первой Стали рванулся на помощь хозяину, по пути отрезав ногу и без того искалеченного андроида.

Брызг чёрной крови железного человека, чёрная полоса на потолке – андроид валится на спину, а клинок снова в руке владельца. Другая "химера" всё усиливает объятия, и хотя оружие

вернулось к Эду, он не мог вывернуть руку так, чтобы нанести хоть какой-то удар. Кончик острия меча скрежетал по ноге андроида, оставляя едва заметные царапины.

– Сво-олочь!!! – заорал художник клинка, чувствуя приближение поражения и смерть.

Марко мгновенно укрылся от пуль за "химерой". Один из его временных товарищей не был столь расторопным, и уже оседал на пол, пытаясь рукой заткнуть дыру от пули в горле. Получалось, мягко говоря, не очень.

– Уничтожьте их! – Вика перезарядила магазин одним ловким движением. – Отомстим за товарищей!

Отряд орфовцев, прикрываемый огнём автоматических турелей, без труда поливал огнём узкий коридор – позиция боевиков "Агхарты" была не выгодной, но броня "химер", пока что, выдерживала свинцовый град. Машины отрыли ответный огонь из крупнокалиберных винтовок – Руслан и двое стоящих рядом парней едва успели присесть за баррикаду.

– Гранату бы туда, – буркнул "новобранец", толкая плечом оперативника рядом. – Эй! Не перезарядишь мне пистолет?

– Самое время показать тебе твою суперсилу!

– Да вы достали! Уж извините, это не сраное кольцо звёздного корпуса, которое достаточно просто надеть, чтобы пользоваться, как вздумается!

– Отставить разговоры!

– Мы их сейчас перебьём!

– Да! Хрен они выйдут!

Марко опустил взгляд – умирающий боевик елозил пальцами по его ботинку. В его глазах была мольба, немая просьба о спасении. Если бы не огромная, растекающаяся под ним лужа крови, может, это и было бы возможно...

– Прости, – сказал Марко, скорее, самому себе, дёрнув ботинком, сбросив с него руку агхартовца. – С посвящением вас, всех.

Дрожа под непрекращающимся огнём, "химеры" зашагали вперёд.

– Не сбавлять темп! – скомандовала Виктория.

Ещё один боец "Агхарты" с криком отлетел к стене, поставив на неё кровавую печать.

– Хой но, падре, – Марко достал свой автоматический карабин, привычным движением взвёл затвор. – Тенго асунтос пендиентес.

– Да выбейте им глаза!

Орфовцы сбавили интенсивность пальбы, но огонь стал более прицельным. Пули защебетали по слабозащищённым визорам "химер", но было поздно. Рискую лишиться защиты укрывшихся за ними людей, андроиды прыгнули на турели, повалив их на пол, сокрушая куда более хлипкие механизмы своим весом.

– Огонь, – Марко открыл ответную стрельбу по растерявшемуся противнику. – Глаз Мора взять живым.

Виктория снова нырнула за установленный кем-то сбоку нуль-щит – град пуль, посланных эфемером, ударил прямым в обнуляющий кинетическую энергию барьер. Рядом матерился Руслан, упиравшись на стальную руку, ещё не обретшую подвижность.

– Я приказала тебе свалить отсюда!

– Не могу, командир. Кажется, этот лос бандитос пришёл сюда именно за мной, и мне уж очень интересно узнать, какого ляда ему от меня надо.

– Твою мать! Илья!

– Я стараюсь сделать хоть что-то! – послышался визг оператора в наушнике. – Но не могу отправить сигнал о помощи, они его блокируют! Должно быть, в их машине установлена глушилка! Сможете вырубить её?

– Нет! Я не могу рисковать людьми, посылая их на самоубийство!

Только теперь третья "химера" вышла вперёд, распахав агхартовцев. Её конструкция заметно отличалась от потрёпанных полуослепших братьев: корпус был усилен серебристым нановолокном и прочной пластинчатой сталью, правая рука заменена гранатомётом.

"Любая самовольная модификация андроидов, приведшая к изменению их боевых характеристик, является уголовным нарушением, статья..."

– Что там у Эдриана и остальных? – спросила Вика связиста.

– Сражаются. Там ещё две "химеры", несколько боевиков...

Последние слова оператора потонули в грохоте взрыва: модифицированная "химера" отправила тяжёлый снаряд точно в центр укреплений ORF, раскидав баррикаду и ближайших оперативников по сторонам. Викторину бросило в стену, особенно сильно она приложилась головой, а сверху её придавило телом одного из подчинённых.

– Парар! – рявкнул Марко, после чего стрельба затихла. – Глаз Мора! Брось оружие и выходи к нам. Мы не станем добивать твоих товарищей.

Руслан вскочил на ноги, тут же пальнув в эфемера. Обе обычные "химеры" рывком встали между наёмником и пулями, не пропустив ни одной из них.

– Нет, так нет, – сухо изрёк Марко. – Убить всех.

Волшебство ли, божественное вмешательство, но "химера" безвольно разжала хватку, упав сначала на колени, а после – грудой металла повалилась на пол, освободив удивлённого таким поворотом событий Эдриана.

– Получилось, однако, – ухмыльнулась Лиза, щёлкнув рычажком на странном аппарате, отдалённо похожем на водный пистолет, направленном на упавшего андроида. – Опробовать, если честно, времени не было.

– Спасибо, – бросил Эд, и кинулся на теснящих Катерину и товарищей бойцов "Агхарты". Видимо, рассчитывая, что "химеры" справятся с художником, те не ожидали удара в спину: ловкими движениями, не тратя на каждого противника больше одного удара, мечник снёс голову одному, затем рассёк грудь другому боевику.

Лиза и Мария осторожно подошли к ползущей до винтовки искалеченной «химере».

– Что это за штука? – спросила Мария подругу.

– КЭТ – компактный электромагнитный генератор, – женщина направила оружие на робота, щёлкнула кнопкой. Дёрнувшись, словно от выстрела, "химера" отключилась. – Выживает им их робомозги. Классная штука!

– Тогда нам срочно надо вернуться в холл, помочь с "химерами" там!

– Верно. Бежим!

Катерина не обратила внимания на подошедшего Эдриана – на её коленях без движения лежала голова одного из оперативников. Парень залитыми кровью остекленевшими глазами смотрел в потолок сквозь своего командира.

– Я... Я даже не знала его имени...

– Вадим, – сказал оставшийся оперативник, кивнув подошедшему мечнику. – Вадим Булыгин.

– Вы все ненавидите меня, да?

– Никак нет, товарищ подполковник.

– Отдай приказ! – рявкнул Эдриан. – Нужно вернуться к товарищам!

– На кой хер тебе мои приказы? Вдруг вспомнил, что ты солдат, и должен выполнять приказы командира?

– Что!? К чему... Да пошла ты! Оно и верно: не нужны мне ничьи приказы, твои – тем более!

– Эд, успокойся! – встрял оперативник.

– Что Эд!? Ну что Эд!? Как же меня всё это за*бало! Не можете в руки себя взять, так мне вместе с вами присесть, разрыдаться может!?

В коридоре позади раздался женский визг – кажется, кричала Мария. Троица, забыв о минутной слабости, мигом рванулись на помощь.

Но помогать было поздно.

Мария сидела, забившись в угол, крепко ухватившись одной рукой за ошейник на другой, а на её щеке наливался кровью здоровый синяк. Девушка дрожала, с ужасом взирая на огромного, под два метра ростом, темноволосого мужчину в кожаной байкерской куртке с заклёпками, здоровенной ладонью обхватившего за шею Елизавету. Женщина сопротивлялась, силясь вырваться, но здоровяку, казалось, даже не надо было применять особых усилий, чтобы сдерживать эти порывы.

– Тони Глатъери! – брезгливо процедила Катерина, поднимая дуло пистолета.

Здоровяк поднял голову, поглядев на новых врагов. Несмотря на гору мышц и высокий рост, он всё же был обычным человеком, если бы не одно "но": вместо обычной нижней челюсти, у него был стальной киберпротез, с грубо выпирающим остриём на подбородке. Отлитый из сплава титана, он был похож на ковш экскаватора, готовый вгрызться в человеческую плоть.

– Вижу, слава моя меня опережает, – глухим басом, сказал гигант. – Не стану лукавить – это приятно. Даёт клиенту заранее понять, что мои услуги обойдутся дорого.

Катерина и её подчинённый – тот, кто не с мечом – прицелились наёмнику в лицо.

– Отпусти её, немедленно! – приказала подполковник.

– Так-так, что это у нас получается? Ещё одна баба с командирскими погонами? И откуда вас столько развелось? Неужели все нормальные мужики дома сидят, пиво пьют? Даже технарь у вас – и тот с сиськами.

– Отпусти! Её!

– М-м, нет. Осмелюсь заметить, вы не в том положении, чтобы ставить мне условия.

– Я снесу то, что осталось от твоей головы! – прорычал Эдриан, искоса глядя на дрожащую Марию.

– Смело, – здоровяк слегка дёрнул рукой, отчего шея Лизы опасно хрустнула, а сама женщина вскрикнула, – но пусто. Бросьте свои игрушки, господа и дамы, мы ведь цивилизованные люди.

В холле раздался взрыв.

– Мне повторить?

– Отпусти её, Глатъери, – не унималась Катерина. – Сдайся, и я обещаю тебе честный суд.

– Это больше не моя фамилия, сука! – в противовес грозному тону, Тони рассмеялся. – Суд! Честный! Ба! Мой отец был боссом Коза Ностра, и я прекрасно знаю, что такое четный суд и сколько он стоит. Знаете, что? А давайте, я вам помогу. Раз...

Молодой оперативник сразу же бросил свою винтовку, несмотря на озлобленный взгляд подполковника.

– Два...

– Ты пожалеешь об этом, – фыркнув, Катерина тоже выпустила из рук оружие.

– А тебя, мой полужелезный побратим, надо просить по-особому?

– Твой протез – сущее уродство, – сплюнул Эдриан, бросив клинок себе под ноги.

– Любой протез – уродство, но что поделать? – здоровяк присел рядом с Лизой, прижавшись стальным подбородком к её щеке. – Без него я бы не смог целоваться, а я так люблю это дело...

– Эд... – по щеке Лизы катились слёзы. – Ребятам... нужна помощь...

– Прости. Я не могу... Я не знаю, что делать!

– Ждать! – рявкнул Тони, хищно взирая на Эдриана, будто отметив его, как самого опасного врага в помещении. – Как вас там учат, в Академии? Сядь в позу лотоса и жди, пока стрельба не прекратится! Это будет означать, что все твои друзья передохли!

– Трус! – выкрикнул оперативник, бросивший винтовку. – Ублюдок! Она же не солдат! Отпусти её!

– Полегче со словами, хам, – мужчина снял висевший у него в наплечной кобуре обрез одной рукой. – Сейчас вы в моей власти. Прикажу – и вы будете танцевать, прыгая на одной ноге, одновременно напевая "Barbie Girl".

Лиза покосилась ни тихо плачущую Машу. Её губы тронула лёгкая улыбка, в то время как рука полезла в карман.

– "Эфемероптера" такие дешёвые, что "Агхарта" вновь и вновь пользуется вашими услугами? – не теряя самоуверенного тона, спросила Катерина, тоже заметив манипуляции женщины-техника.

– Вам бы только оскорбить честного наёмника. А что если мы здесь по собственной воле? Пришли, чтобы прикончить Глаз Мора?

– Что? О ком ты?

– Тот парень, который убил Халика, Азада и всех их людишек. Нет, только не подумайте, что мне их жалко! Я даже восхищаюсь им, и уж точно не стану оплакивать эту шваль. Однако мамочка хочет увидеться с убийцей своих сыночков-ангелочков.

– Тогда пусть встретит их в Геенне огненной! – процедила Катерина намеренно злобно, надеясь завлечь внимание наёмника. – Там этому выводку самое место!

– Да мне пофиг. Я только...

Лиза оборвала наёмника, воткнув ему короткий армейский кортик в ключицу. По её руке тонкая побежала струйка крови.

– Зря, – рыкнул Тони. Сжав могучий кулак, он со всей силы обрушил его на голову женщины.

Мгновение – и Эдриан подхватывает меч и под оглушающий крик Марии, бросается на врага. Удар приходится наёмнику в предплечье; куртка рвётся, обнажая ламеллярный экзоскелет из нановолокон, передовое достижение военной инженерии, заменившее стандартные бронжилеты. Меч запел, сиюсь разорвать броню и отрезать руку здоровяка.

– Слизняки! – Тони вскинул лупару, но выстрелил не в напавшего на него мечника, а в поднявшего винтовку оперативника. Изуродованный крупной дробью, труп отлетел на несколько метров.

Катерина честно пыталась прицелиться в голову эфемера, но борющиеся мужчины двигались слишком урывисто, и выстрел вполне мог прийтись в спину Эдриана. Наёмник прильнул к полу, подхватил тяжёлого киборга, намереваясь швырнуть его в сторону. Несколько pistolетных пуль пришили ему в грудь, но кроме небольших синяков они ничего не оставят на память.

Звериный оскал был ещё более зловещим, благодаря острой стальной челюсти. Выкрикнув ругательство на итальянском, он, точно тряпичную куклу, запустил Эдриана в его командира, отчего оба распластались на полу.

– Ба! Сражался я с вашей орфовской элитой, – сплюнул Тони, выдёргивая кортик из раны и перезаряжая обрез. – Вам и до них-то далеко.

– Аргос! – Мария, внезапным криком, напомнила о своём присутствии.

– Чего? Ты там сбрендил от страха?

– Фас!

– Сумасшедшая-а-а!!! – не задумываясь о сверхпрочности экзоскелета, яростный белый пёс, появившись из ниоткуда, вцепился Тони в предплечье. Злобно рыча, собака рванула руку наёмника на себя, заставив того выронить оружие.

– Откуда!? Сука! – завопил эфемер. – Получи, щенок!

Чудовищной силы пинок отбросил пса в стену, словно тот совсем ничего не весил. Он влетел в косяк, хребтом выбил штукатурку, но тут же подскочил на лапы, будто и не почувствовал боль.

– Не люблю убивать животных, кроме людей, – наёмник разрядил подхваченную с пола лупару в морду пса, – но придётся!

Штукатурка за спиной пса взорвалась мельчайшими осколками. Куски старого цемента посыпались на пол, проходя сквозь мерцающий бирюзовым светом образ четвероного защитника.

2042 г.

Она всё плакала, и даже не переставший дождь был не в силах перебить поток её слёз.

Сколько дней прошло? Лето сменилось осенью, сумерки осветил первый лёгкий снег. Другие дети бегали где-то вдалеке, даже здесь был слышен их беззаботный смех. Они задирали головы к тёмному небу, ловя снежинки языком. Они веселились. Они не знали. А если и знали – это ничего не меняло.

Она чувствовала лишь привкус железа, слегка приправленный солью.

– Машенька, пора домой.

Она помнила день, когда он впервые появился в их доме. Заполз к ней в кровать на своих коротеньких лапках. Такой маленький. Такой неуклюжий. Совсем недавно впервые открывший глазки. Такой забавный.

– Маша, доченька...

Единственный, кто стал ей другом. Настоящим другом. Кто понимал её. Да, ответить он не мог, но его глаза... Она знала, чувствовала, что он её понимает. В его глазах, она читала ответы на все свои вопросы.

Один год. Три месяца. Шесть дней.

– Дорогой, прощу, возьми её. Становится холодно.

Она явственно помнила, как их глаза встретились впервые. Она склонила голову набок. Он тоже. Передразнивал?

– Доченька. Солнце моё, мне так жаль... Правда. Но такова жизнь...

Он сейчас в лучшем мире. Все псы попадают в рай. Присматривает за тобой. Всегда говорят что-то в этом роде. Банально, но лучше и не скажешь – для таких случаев нет правильных слов.

Она смахнула слёзы и сопли рукавом курточки.

Вы когда-нибудь спрашивали себя, почему жизнь забирает лучших? Чтож, ответьте сами: какую розу Вы сорвете в первую очередь, когда войдёте в сад?

Все вокруг твердили, что она не виновата. Да и как можно сказать что-то иное семилетней девочке? Как сказать, что её пёс – нет, её единственный друг – погиб из-за неё? Возможно, они и правда так не считали, но это не имеет для неё никакого значения.

Не лихач-водитель был за рулём того кара, по крайней мере, в её редких снах.

Она сама.

Маленькая девочка. Держит руль своими маленькими ручками. Не может дотянуться до педали тормоза своей маленькой ножкой. А вот – держит на руках окровавленной тельце единственного друга.

Но последнее – уже не сон.

Она осталась в этом мире одна. Сны хотя бы кончаются, а реальность бьёт тебе по морде со всей силы. Не щадит даже детей.

– Боже, дочка! У тебя кровь!

Она опускает глаза на рукав курточки – не сопли, кровь, действительно.

Мужчина и женщина, её родители, они хватают её за руки, тащат прочь от свежей могилки, от крестика из двух тонких досточек, которые уже завтра поломают гадкие соседские мальчишки.

Она плачет. Слишком рано узнала, что такое смерть.

– Гав!

– А-а?

– Дочка, милая, тебе больно?

– Голова болит? Солнце, ответь мамочке!

– Р-ргав!

– Мама, ты слышала? Папа?

– Слышали... что?

Она вырывается из родительских силков. Такая маленькая, но сил хватает. Никто её не остановит, никто.

Она бежит к одному месту кладбищу.

– Аргос! Аргос!

– Маша, стой!

– Маша! Его больше нет! Он умер!

– Гав! Р-р! Раф!

– Вы слышите!? Вы не слышите!?

Она падает на колени перед могилкой, словно собралась вновь молить прощения. Слёзы и кровь единым потоком струятся по её щекам.

– Доченька!

– Аргос! Да почему вы не слышите!?! Аргос!

– Боже, малышка моя! Нет, нет, ничего мы не слышим! Встань, прошу тебя!

– Гав!

Санкт-Петербург, Россия

Лес, вблизи посёлка Сиверский

29.08.2054., 20:41

– Вот оно что, – Тони перевёл взгляд на дрожащую Марию. – Ты – медиум, а эта блохастая тварь – твой фамилляр. Вас так редко встретишь, что, я думал, всех по психушкам распихали. А ORF, оказывается, не чурается использовать вас. Тьфу!

Опомнившись, Эдриан вновь подскочил на ноги, тут же бросившись на врага.

– Не смей говорить с ней! – нанося размашистые быстрые удары, завопил парень.

– А что такое? – отбиваясь выжженным из голенища сапога боевым ножом с завихрённым лезвием, усмехнулся бугай. – Твоя сучка, что ли? Смотри – уведу! Я очень любвеобилен, и мне нравятся девки с изюминкой.

Пошатываясь, Катерина попыталась встать. Удар головой о стальной пол лишил её ориентации в пространстве.

– Аргос! – подползая к неподвижно лежащей Лизе, скомандовала Мария. – Ку-си!

На мгновение растворившись в воздухе, призрачный пёс материализовался вновь, впившись зубами в голень эфемера.

– А-а, падла-а!!!

Воспользовавшись моментом, Эдриан вонзил меч Тони в бок – струя кровь брызнула на его стальные руки, просочившись сквозь пробитый доспех. Меч вошёл не глубоко, но продолжал упорно прогрызать себе путь через прочное нановолокно, под напором художника клинка.

– Думаешь, сможешь одолеть меня? – под стать челюсти, стальной взгляд израненного наёмника не дрогнул.

Аргос сильно дёрнул ногу Тони на себя – на этот раз, кровь заструилась и по его пасти.

– Мальчишка, дерзкий взгляд, быстрые, но опрометчивые удары, – Тони улыбнулся верхней половиной лица. – Дерзкий и самоуверенный. Значит, это о тебе говорил Пятый.

– Что!? Эта мразь... Ты знаешь Пятого!? Где он!?

– Охо-хо, конечно знаю. Он рассказал, как отделал тебя. Как ты скакал, туда-сюда, точно мяч-попрыгун, а толку – ноль, и удары твои были как раз под стать ударам мячика. Он сказал, что ты парень быстрый, но этой скорости оказалось недостаточно, чтобы впечатлить его.

– На этот раз всё иначе! Я – воин, и поражение делает меня только сильнее и опытнее! Я не такой, как вы, не такой, как все!

– Что ж, давай посмотрим, так ли сильно ты от нас отличаешься, – перестав ухмыляться, Тони сунул свободную руку в карман.

Едва заметное движение, благо, Эдриан его вовремя распознал: наёмник метнул несколько вытащенных из кармана крохотных шариков, похожих на крупный перец-горошек, в сторону Катерины. Женщина смотрела на это глазами, угрожающими вывалиться из орбит, не в силах увернуться от несущихся к ней мини-гранат.

Эдриан сделал выбор, реакция сработала безупречно: отпрыгнув назад, кувыркнувшись на полу, киборг схватил Катерину в объятия, прикрыв её своим телом от небольших взрывов. Ударная волна отбросила обоих в стену, снеся их обмякшими тушками шкаф с какими-то приборами неизвестного назначения.

Наёмник резко дёрнул ногой – призрачный пёс, по кличке Аргос, подлетел в воздух, разжав клыки, и яростно залаял.

– И что же связывает эту шавку с миром живых? – Тони прошёлся взглядом по Марии, прижимающей к себе едва дышащую подругу. – Эта штука у тебя на руке... Довольно экзотичное украшение для девушки.

Наёмник сделал шаг к своей жертве.

– Я затяну его у тебя на шее! А-ар, дерьмо!

Второй шаг отозвался резкой пронзающей болью, и мужчина припал на колено. Рана от клыков призрачного пса была вполне настоящей, в отличие от природы того, кто её нанёс, и даже пластины экзоскелета не были способны защитить от призрачных клыков.

– Де Луго! – наёмник прижал палец к уху. – Что там у тебя? Мне нужна помощь! – пауза. – Ну так какого хрена!?

Оскалившись, наёмник драпнул вглубь коридора, ведущего в холл – забыв о боли в ноге и боку, оставляя за собой сразу несколько кровавых шлейфов. Аргос с лаем рванулся следом, но остановился – фамильяры не могут далеко отходить от своего хозяина, точнее, от вещи, что удерживает их дух в этом мире.

– Эд! Эд! – Мария плакала, смотря в залитые кровью глаза подруги. – Вася! Кто-нибудь! Помогите!

Но ответа и помощи не было.

– Машка, – улыбнулась Лиза, – ты чего раскричалась?

Слёзы и кровь носу струились по её щекам...

...как в тот самый день...

– Не бросай меня! Говори, говори со мной!
Она вновь держала на своих руках близкого друга, чувствуя, как жизнь покидает тело.
– Машка. Маш... Пообещай мне...
– Что? Нет! Ничего я тебе обещать не буду!
– Пообещай...
– Нет! Сама всё сделаешь!
– Присмотри за Викусей. Она вся такая... Ну, ты знаешь. Чёрствая. Старается казаться крутой. Но ей никак без поддержки... И найди ей, наконец, мужика.
– Прошу, Лиза, не умирай... Не оставляй и ты меня!
Жалобно скуля, словно вспомнив собственный последний вздох, Аргос подошёл к женщинам, опустив морду.
– Да и себе найди парня тоже... Только хорошего... Чтоб защищал...
Жилистые женские руки безвольно упали на пол. Из бокового кармана выпал хромированный сервоключ, оглушающе громко звякнув при падении.

Одна из "химер" подошла к оглушённому Руслану и бесцеремонно подняла его за ворот только вчера выданной формы.

– Суки! А без железных дровосеков – слабо? – выругался парень, осматривая поле боя: боевики "Агхарты" скрутили двух оставшихся в сознании оперативников, усадив их среди тел павших и оглушённых товарищей. Грозная "химера" с ракетницей нависла над бедолагами, бдя стеклянными глазами за каждым их шорохом.

Марко скинул тело погибшего при взрыве молодого оперативника с Вики. Очухавшись, женщина первым делом увидела лёд в глазах старого врага.

– Я – солдат, не палач, – мужчина протянул ей руку. – Вставай.
– Ты... Тварь, никакой не солдат...
– Все мы теперь солдаты. Однако ты обезоружена, как и твои люди. Прошу: не дай мне повод убить тебя.

Приподнимаясь, Вика осмотрела холл: большинство её товарищей, с которыми она ужинала за одним столом последний год, были убиты. Совсем молодые пацаны, грезящие о великих свершениях или, по меньшей мере, достойной пенсии...

Всё повторяется, снова, и снова, и снова...

– Ло сиенто, Виктория. Я дал вам выбор.

Женщина сжала кулаки, едва сдерживая слёзы.

– Нам нужен лишь...

Вика вскочила, бросившись на Марко, целясь ногтями в сонную артерию. Тщетно. Ещё прежде, чем "химеры" бросились на помощь наёмнику, эфемер вновь сбил её с ног ударом кулака под дых.

– Прекрати, – с упрёком сказал Проклятый Жизнью задыхающейся Виктории. – Не надо. Мы получили, что хотели, и теперь уйдём.

– Де Луго! – в холл вбежал окровавленный Тони. – Ба! Смотрю, вы тут тоже славно провели времечко.

– Глат, – кивком поприветствовал Марко товарища. – Ранен?

– Нет, бл*дь, меня помидорами закидали! Там психи какие-то! Чувак с летающим мечом, сучка с собакой!

– Собакой?

– Ага. А ещё, у них баба за главного. Вот же... Хотя, погоди-ка... А, забей! Есть аптечка?

– Пара бинтов и спирт.

– От спирта не откажусь, – наёмник плюнул на тело мёртвого орфовского оперативника. – А лучше – просто сваливаем отсюда!

– Что вам от меня надо, уроды!? – заорал Руслан, ужом извиваясь в клешнях "химеры".
– С тобой хочет поговорить Тенабрак, – повернулся к парню Марко. – Твоя сила будет полезна "Агхарте".

– Кстати, что-то он её не применял в бою, – виноватым тоном вставил один из боевиков.

– Ты – Руслан Резнов? – уточнил Марко.

– Нет, я – твой отец!

– Ты – Глаз Мора?

– Пошёл в жопу!

– Эй! – свистнул Тони. – Вы тут, в боевом кумаре, ничего не напутали? А то выяснится ещё, что прихлопнули того, кого надо было взять живым!

– Я спрашиваю ещё раз: ты – Глаз Мора?

– Поцелуй меня знаешь куда? Ты знаешь!

Звуки стрельбы раздались в коридоре ведущем на выход, отвлекая наёмника от допроса. Стоявшие ближе к проходу агхартовцы начали с криками падать один за другим.

"Химеры" сомкнули ряды перед Марко, схватившись за оружие.

– Какого хера!? – Глат нырнул обратно в коридор из которого вышел, достав обрез. – Я думал, вы всех порешили!

В проходе показались люди в тёмно-синей форме бойцов ORF. Точными короткими очередями, как настоящие профессионалы, они поражали одного агхартовца за другим, не давая тем и шанса хотя бы прицелиться в ответ.

– Маталос! – Марко хлопнул по плечу модифицированную "химеру". Присев на одно колено, андроид нацелил дуло ракетницы в сторону врага.

В темноте коридора блеснуло лезвие – изогнутый короткий клинок со свистом пронёсся вперёд, разрезав модифицированную руку "химеры" надвое. Похожее на серп оружие с чёрной рукоятью пронеслось дальше, и вонзилось в стену, едва не задев Марко по плечу.

"Химера" застыла на пару секунд, перенастраивая боевые протоколы. Этого хватило, чтобы фигура в длинном чёрном плаще, полностью скрывающем тело, одним ударом снесла стальную голову с плеч.

Глаза человека в плаще и Марко встретились.

– Убийца, – послышался женский голос.

– Глаз Смерти, – вторил Марко.

Подкрепление орфовцев ворвалось в холл, не неся потерь, добивая мечущихся в панике агхартовцев. Залп из КЭТ, который держал один из бойцов, сразил обоих оставшихся андроидов – пошатнувшись, они попадали на пол, словно деревянные марионетки, которым подрезали верёвки. Руслан тут же вскочил на ноги, ища оружие.

Женщина в чёрном плаще взмахнула изогнутым клинком, близнецом вонзившегося в стену. Даже Марко, опытный боец, с трудом сумел увернуться от столь быстрого выпада. Вскинув винтовку, он почти успел спустить курок, но оружие развалилось прямо у него в руках – лезвие серповидной камы оказалось куда прочнее.

Наёмник отпрыгнул в сторону, уворачиваясь от пуль, к своему товарищу, даже не пытающемуся отстреливаться от подкреплений ORF.

– Плохи дела! Вот эти ребята уже обучены стрелять! – прокричал здоровяк. – Нам тут ловить нечего!

– Мы не можем уйти без Глаза Мора.

– Мне его печенькой поманить, или что!?

Женщина вырвала из стены свой клинок, повернулась лицом к наёмникам: на ней были высокие чёрные сапоги, идеально обхватившие крепкие длинные ноги, а её длинные прямые волосы, тоже матово-чёрного цвета, выбились из-под капюшона во время манёвров. Поигрывая парными камами, она бесстрашно двинулась к наёмникам.

– Убийцы.

– Ты нас знаешь? – удивился Тони.

– Конечно, знаю. Все Глаза Агнца знают вас. Вы убили нашего брата. Знаменитые Тони Глат Глатьери и Марко Проклятый Жизнью де Луго. Единственные, кому удалось убить Глаз Агнца.

– Мелани! – к девушке подбежал орфовец в погонах старшего сержанта. Мужчина был высоким, широкоплечим, с характерными славянскими чертами лица, светлыми волосами и волевым подбородком. – Наёмники! Бросайте оружие! Немедленно!

– Кажется, нам всё же придётся довольствоваться малым. Например, своими спасёнными жизнями, – заметил Тони.

– Мелани, – Марко сразу отметил глаза девушки: один из них был обычным, карим, другой же, левый, – абсолютно чёрным. – Значит, таково твоё имя, Глаз Смерти. А ещё, выходит, это правда, что все Глаза Агнца связаны между собой ментальной связью. Чувствуют боль друг друга, радость.

– К сожалению, жизнь моих братьев и сестёр лишена радости. Может, мы почувствуем её, когда я убью вас.

– Ах ты, сука, получай! – Тони направил дуло лупары в лицо Мелани, но выстрелить не сумел: чёрный глаз девушки, казалось, завибрировал, источая из сетчатки такого же цвета туман. Наёмник выронил оружие. Упав на колени, схватился за голову.

– А-а! Проклятие! Почему всегда я!?

Как замороженный, Марко без резких движений опустил взгляд на агонизирующего товарища.

– Де Луго, – обратился к наёмнику сержант, – брось оружие. Ты же не такой монстр, как этот ублюдок. Я знаю, через что тебе пришлось пройти. Я был в Гаване, сам всё видел. Сдавайся, и я гарантирую тебе милость Совета.

– Де Луго!!! – завопил Тони. – Пристрели эту тварь! Она высасывает... из меня... жизнь!

Проклятый Жизнью сунул руку в карман.

– Марко, не делай этого! – сержант, как и его подошедшие со спины подчинённые, прицелился в наёмников. – Последнее предупреждение: ты умрёшь!

– А вот тут ты ошибаешься, орфовец. – Марко выудил из кармана серый шарик. – Я не могу умереть.

Бросив дымовую гранату перед собой, под ливнем пуль, Марко схватил почти вдвое более крупного товарища под плечо, и побежал, скрываясь с ним в глубине базы.

– Там... запасной... выход... – жалобно просипел Тони.

– Лукреция будет очень недовольна, – заметил Марко.

– Пусть... засунет себе...

Глава 4

Лондон, Великобритания

Резиденция Странноприимного Ордена Святого Иоанна

29.08.2054.

Генерал Михаил Краснов ощущал себя крайне неудобно под тяжестью бесстрастного взора закованных в латы храмовников. В памяти невольно возникали висящие над камином памяти картины из военной школы, сдача квалификационных экзаменов у строгих, уставших от нерадивых учеников наставников. Генерал поставил белую чашку на белое блюдо, стоящее на белой скатерти. На удивление, утварь госпитальеров была самой простой, словно позаимствованной из недорогого ресторана, зато чай, придётся это признать, – чай был восхитителен, равно как и уютный цветочный сад.

– Поразительно, – улыбнулся мужчина сидящей напротив женщине, – что вам удалось создать и сохранить такую красоту, буйство весенних красок и цветов, при всех-то современных экологических проблемах. Мы, в России, последние годы бьёмся за каждую пядь леса, и эта борьба становится всё тяжелее день ото дня.

Маленькая жёлтая птичка (Михаил был не сведущ в орнитологии, и не мог даже предположить её названия) села на ветку, совсем рядом с простеньким деревянным столиком. Невысокие, но пышно цветущие деревья окружили зону отдыха, где леди Анна Тэйм проводила часы и дни, придаваясь важным для сохранения силы и влияния её Ордена думам. Кусты с белыми розами были подстрижены даже слишком идеально, точно рота гвардейцев; декоративный ручеёк своим журчанием создавал ощущение единения с природой, а птицы, совсем не опасаясь за свою жизнь, садились прямо на острые шлемы рыцарей-стражей, иногда оставляя на них чёрно-белые пятнышки. Триша шикнула на напарника, как раз отмахивающегося от одной такой назойливой птахи. Не далее как вчера, парень уже оттирал свои облегчённые доспехи от грязи, оставшейся от, как он их называл, "пернатых вредителей". Кевин виновато потупил взгляд, не желая ещё больше гневить напарницу.

– Я так понимаю, – продолжил орфовский генерал, закинув ногу на ногу, – госпитальеры тратят уйму денег не только на благотворительность и поддержку разных прогрессивных общественных движений, но и на систему искусственного климата для своих резиденций. Но даже так, пусть и с помощью технологий, удивительно, что вы сумели вырастить настоящий райский уголок в центре индустриального ада.

– Ошибаетесь, – элегантно, как подобает истинной леди, Анна поставила свою чашку в тарелку, удерживая её лишь двумя пальцами. – На зиму сад накрывается специальным куполом, однако, помимо этого, никаких технологий мы не используем. Всё, что Вы сейчас имеете честь созерцать – есть плоды кропотливой работы и усердного труда моих садовников. Как и всякий в Ордене, они – мастера своего дела.

– Не смею сомневаться. К слову, тот, кто делал этой чай – тоже мастер!

– Я заварила его сама. Считаю это правилом хорошего гостеприимства.

– Да, леди Анна... Зачем вы меня пригласили? Не сочтите за грубость, но я в Лондоне по делам ORF, и мне совсем скоро отбывать. Приказ...

Плетёные кресла были крайне подходящими, чтобы вальяжно откинуться на спинку, позволив почувствовать себя в настоящей природной нирване, однако Анна держала идеально ровную осанку, как по линейке.

– Вам не нравится Лондон, генерал? У вас печальный тон.

– Тяжело сказать однозначно, – ответил Михаил, ненадолго призадумавшись. – С этим городом у меня связаны лишь печальные воспоминания. Каждое его мною посещение связано с новыми проблемами, требующими внимания ORF. К тому же, с каждым разом, я вижу, как всё больше разрастаются пластиковые джунгли, а в моём возрасте хочется чего-то более чистого, знаете ли, душевного. Единения с природой.

– В копоти и дыме задыхается весь наш мир, не только Лондон.

– Не соглашусь с Вами! Знаете что? Приглашаю Вас к нам, в Матушку Россию. Вот наши города не особо-то изменились со времён Третьей Войны! Те улочки, по которым я бегал ещё мальчишкой, играя в разбойников с теми, кого позже вёл в бой, выглядят почти так же, до сих пор. Всеобщая индустриализация и технологический прогресс их, на первый взгляд, почти не тронули.

– Видимо, поэтому многие относятся к русским с опаской, как к варварам.

– А что насчёт Вас?

– Мне всё равно, кто какой национальности, – магистр подалась вперёд. – Я ко всем людям отношусь одинаково – с недоверием. Я встречала самоотверженных и доблестных русских, видела алчных и трусливых. Однако то же самое я могу сказать про представителей любой другой нации. Человечность – она не зависит от породившей человека страны, его гендерного самоопределения, выбранной конфессии или сексуальной ориентации. С каких пор какой-либо из этих факторов стал основополагающим при оценке личности?

– Я тоже так никогда не считал, но издревле многие напрямую связывали эти аспекты с началом каких-либо распрей между людьми. Соответственно, их приходится учитывать.

– Стереотипы. Все люди, в корнях своих, одинаковы. Вот, что я усвоила совершенно однозначно. Неужели предатели, которых ORF отлавливает, выделяются чем-то особым, среди прочих людей? Среди них больше принадлежащих к какой-либо группе? Больше геев? Женщин? Арабов? Вряд ли.

Повисло молчание. Смелая жёлтая птичка вспорхнула на стол, мелкими прыжками, всё же слегка побаиваясь, начала подбираться к корзинке с нетронутым печеньем.

– Леди Анна, – Краснов неубедительно улыбнулся уже в который раз, – при всём уважении, Ваша паранойя не имеет оснований. Сколько, за последние годы, было поймано настоящих шпионов и перебежчиков "Агхарты"? По пальцам пересчитать. А сколько были обвинены ложно, когда кто-то просто захотел выслужиться перед начальством? Тут понадобится куда больше рук. Влияние Города Мудрецов очень ослабло, и совсем скоро «Агхарта» исчезнет окончательно. Я Вам это гарантирую.

– Гарантируете мне? Я могу интерпретировать это, как совет Мальтийскому Ордену отойти от войны?

– Боже, Леди Анна! Нет никакой войны!

– Не смейте повышать на меня голос, генерал, – со сталью в голосе проговорила Анна. – Я прекрасно понимаю, что члены Совета, и представители ORF в частности, на собраниях слышат отнюдь не мой голос, но голос моего покойного мужа. Однако я тоже достаточно сильный и опасный человек. Мне есть, за что бороться и что защищать. Я – гордая львица, пусть и оставшаяся безо льва, но по-прежнему – хозяйка своего прайда. Я взираю на саванну свысока, если понадобится – обернусь стаей гиен, разорву плоть моих врагов на куски, оставив тем, кто убежал, гноящиеся раны на память.

– Леди... Анна, – Краснов начал терять самообладание. К тому же, негатива добавляло чувство странного недомогания в желудке. – Вы хотите сказать мне что-то конкретное? Может, обвинить меня в чём-то? Если нет – позвольте откланяться, ибо у меня есть куда более важные дела, чем охота на фантомов.

– Не сомневаюсь, относительно более важных дел, – Анна подняла чашку, придерживая блюдце другой рукой. – Например, искать пропавшие ракеты, которые, если верить докумен-

там, были ликвидированы ещё двадцать лет назад. Или искать генерала Самойлова, который, если верить другим документам, числится убитым "Агхартой".

– Ч-что!? Откуда..!?

– А Вы заверяете меня, что никаких шпионов нет, – Анна снисходительно улыбнулась, намеренно демонстрируя свой триумф. – Как минимум, есть мои. И мне известно о происшествии, о котором Вы умалчиваете. Конечно, не во всех деталях, пока что. Значит, президент Российской Федерации поручил расследование ORF? Опрометчиво, на мой взгляд.

– Это... Кофне... Конде... Кон-фи-ден-циально!

– Хорошо. Придётся сказать шпионам, что они остаются работать сверхурочно.

– Я требую назвать их имена! И вообще отозвать их!

– Я же не требую досье вашего хвалёного Плискина, понимая, что это подставит его под удар. Не хотелось бы лишить ORF их лучшего шпиона.

– Это скандал! – Краснов вскочил, уронив свою чашку и испугав жёлтую птичку. – Вы заслали агентов к своим союзникам! Я доложу обо всём Совету!

Два крепких рыцаря, обнажив полуторные мечи, в одно мгновение оказались по бокам от орфовского генерала. Триша и Кевин также спешно подскочили к своей леди.

– Не смейте так разговаривать с леди Анной, – сквозь зубы, но сдержавшись от оскорблений, процедила телохранительница.

– Д-да, – неуверенно добавил несостоявшийся художник клинка. – Не надо. Так нельзя.

Сжав кулаки, мужчина сел на место.

– Знаете, генерал, почему я покинула Рим, выбрав местом своей новой резиденции Лондон? – ничуть не изменившимся тоном, беззаботно продолжила разговор Анна.

Михаил ответил обиженным взглядом исподлобья.

– Как у вас с Лондоном, так и меня с ним связывались лишь негативные воспоминания. Тот город – я оставила его позади, как оставила и многие устаревшие догматы Ордена. После того, как нас предала та, кому я всецело доверяла, уведя за собой группу моих сестёр, превратив их, по сути, в наёмниц-ассасинов, а Совет признал их суверенность, я поняла, что пора что-то менять. Пурпурная Вуаль принесла вам пару голов лидеров "Агхарты", вы похлопали им в ладоши, а на моё мнение плюнули с высокой колокольни. Ну, пусть так. Я с этим справлюсь. Однако теперь я буду действовать по-своему, не неся ответ перед Советом и не делаясь информацией с ORF.

Анна встала, не сводя взгляда с Краснова.

– Я влюбилась в Лондон при первом же его посещении. Давно это было... Вы правы: он сильно изменился с тех пор. Не стану утомлять вас своими эстетическими предпочтениями, любовью к викторианскому готическому стилю архитектуры, скажу лишь одно: здесь я – заноза на указательном пальце моих врагов. Они могут нажимать на кнопки управления, хвататься за перья, надеясь издать какой-либо указ, а я буду заставлять их страдать, каждый раз, из раза в раз. Здесь я чувствую себя как никогда на своём месте, здесь я начинаю свою войну. Я – горн и топор.

– Вы – параноик, у которого большие проблемы с психикой, – огрызнулся Михаил. – Грегори был таким же в последние годы жизни.

Анна словно не заметила оскорбления:

– Итак, генерал. Поделитесь со мной своей проблемой. Мы, в Ордене, всегда даруем помощь тем, кто её просит.

Рыцари, недовольно шурясь на орфовца, вернулись на свои позиции.

– Я по-прежнему считаю, что Вы зря лезете во внутренние дела ORF. Вам это ещё аукнется, – Краснов ощутил внезапное лёгкое головокружение, но списал его на стресс и возраст. – Лишь из уважения к наследию Вашего мужа, расскажу всё, как есть. Две недели назад, на одной из военных баз на Дальнем Востоке, произошёл... инцидент. Изначально мы решили,

что это внезапное нападение "Агхарты" или завербованных ей наёмников, но всё оказалось гораздо хуже. Генерал Максим Самойлов, ветеран Третьей Войны, не раз отмеченный различными наградами... предал нас. Вместе с пошедшими за ним солдатами, а так же боевиками "Агхарты", коих он впустил на базу, они похитили две ракеты класса "Кашей".

– Вам известно об указе о ядерном разоружении 29-ого года? – словно обсуждая наиболее подходящий для пирожных ванильный крем, уточнила Анна.

– Они не ядерные! Но их мощь... достаточно велика.

– Насколько?

– Настолько, чтобы стереть четверть Лондона.

Голос Анны наконец вернул присущую серьёзность:

– Считаете, именно Туманный Альбион станет целью?

– Это логично. Капитул Совета...

– Абсурд, совершенно ничего логичного я в этом не вижу. Здание практически пусто, когда в нём не идёт заседание.

– Да не знаю я, что они задумали! – Краснов подскочил, снова тревожа рыцарей. – Чёрт побери, я и так – зачем-то – рассказал вам чересчур много!

– Успокойтесь, Михаил. Выводы я буду делать сама, мне нужны лишь данные. Что Россия уже предприняла?

– По обрывочным сведениям, которые смог достать Плискин через свои каналы, Самойлов собирается укрыться в Афганистане. Именно поэтому ORF приказало расквартированным там рейнджерам полковника Рэя Оруэлла вести усиленное наблюдение за противником, – генерал скрестил пальцы, опустив голову. Сейчас он сильно походил на разбившего в школьном коридоре окно школьника, которого за ухо схватила директриса. – Однако, неделю назад, связь с разведчиками оборвалась.

– Теперь, генерал, Вы понимаете мои чувства. Всё так просто, когда ты точно знаешь, кто твой враг, но неведение – оно хуже всего. Афганистан... На Совете поднималось обсуждение ситуации в этой стране. Вроде, там видели другого отступника – генерала-ренегата Джека Харроу, да ещё и в компании кого-то из Глаз Агнца.

– Харроу и Самойлов сталкивались на поле боя, уже после того, как Джек вступил в "Агхарту". Возможно, в один из таких эпизодов, он как-то повлиял на Самойлова.

– Это не имеет значение. Ренегат – он и есть ренегат, причины не важны. Это же актуально и для Харроу, – Анна на минуту залюбовалась вернувшейся на стол птицей. Не опасаясь матроны госпитальеров, пташка весело прыгала, клюя крошки. – До сих пор не понимаю, что именно так на него повлияло. Это был сильный, отважный человек. Да, я познакомилась с ним, когда он уже был надломлен случившимся Событием в Южной Америке, породившем Глаза Агнца, но предать свою страну... Впрочем, как я всегда говорила, предательство всегда неожиданно.

– Я Вам всё сказал, – Михаил отвернулся от собеседницы. – Спасибо за чай.

– Рада, что он Вам понравился, – кивнула Анна поднявшемуся орфовцу. – Генерал! С этой проблемой лучше разобраться как можно быстрее. Коли вы так боитесь огласки.

– А Вам бы наверняка хочется рассказать всему миру о нависшей опасности! Запугать людей, только недавно оправившихся от ужасов войны!

– Ложь никого не спасёт. Смело взглянуть своему противнику в глаза – значит одержать половину победы. – Анна пригубила остывший чай, наблюдая за удаляющимся под конвоем нескольких рыцарей генералом.

– Моя леди, – поклонившись, подошла Триша, – будут приказания?

– Можете отдохнуть. Вечером нам предстоит ещё одна встреча, так что будьте готовы.

– Как пожелаете, леди Анна.

Анна предалась размышлениям. Ракеты – для чего они "Агхарте"? До сих Мудрецы не использовали такое оружие. Нет, совершенно очевидно, что они нужны даже не для нападения, как ошибочно полагает этот глупец Краснов, а для запугивания, но куда они будут направлены? Лондон? Вряд ли. Снобы из Совета редко собираются в одном месте, если это не игорный или публичный дом. Резиденция Мальтийского ордена? Неужели им так опостылела устроенная Анной охота на ведьм? Ведь она так и не принесла выдающихся результатов.

Глупые русские. Глупые военные. Глупые ORF!

Как же ей не хватает Грегори... Опытный наставник, настоящий лидер, что железной рукой вёл мальтийский Орден в бой, круша ряды и надежды противника. Его боялись и уважали даже спустя многие годы после скоростной кончины.

– Любовь моя, мне нужен твой совет, – Анна вздрогнула, услышав свой голос.

Привратники распахнули массивные деревянные ворота перед лицом Краснов. У основания лестницы из настоящего камня (вероятно, этому строению была не одна сотня лет), нервно переминаясь с ноги на ногу, стоял молодой адъютант генерала. Увидев командира, он вытянулся по стойке смирно, но Михаил сразу приметил его взволнованное выражение лица.

– В чём дело? – спросил он, ещё не спустившись. – Я велел не ждать меня.

– Товарищ генерал, срочное донесение! – взмахнул промычал молодой парнишка.

– Коли срочное, почему не вошёл?

– Товарищ генерал, рыцари не пустили!

– Разумеется... Так что случилось?

Санкт-Петербург, Россия

Лес, вблизи посёлка Сиверский

Эдриан уложил на пол столовой ещё одно тело, принадлежавшее совсем молодому парню, всего пару месяцев назад получившему назначение в шестой отдел. Мечник помнил, как тот был рад, что остаётся в родном Петербурге, что сможет видиться с матерью и друзьями. Как и прочие, он надеялся, что ему выпадет шанс сотворить парочку хороших дел, прослыть героем, гордостью семьи. Эдриан провёл взглядом по окровавленной ладони парня – обручального кольца нет. Слабое утешение, очень слабое.

Вася сидел крепко обняв содрогающуюся от почти беззвучных рыданий Марию. Верный призрачный пёс положил ей на колени свою морду – даже будучи давно мёртвым, Аргос чувствовал боль своей хозяйки.

Чёрт, и не на ком выместить накопившийся гнев! Он сплоховал, сплоховал вновь, подвёл весь отряд, Викторию, Машку, всех... Уже второй эфемер уделал его. Оканчивая Академию, художники клинка верят, что они практически непобедимы, что они быстрее пули, сильнее шторма, но на самом деле... Эти убеждения, вдалбливаемые менторами, стоили жизни многим молодым и ретивым мечникам. Рад ли был Эдриан, что до сих пор жив? Сложный вопрос. У него самого точно нет ответа.

Из двадцати трёх членов шестого отдела, выжило девять, из них только шестеро настоящих бойцов, включая самого Эда, остальные – тех-персонал: Маша, Вася да Илья. Мечник накрыл тело павшего товарища чёрным брезентом, так и не решив, что сказать на прощание.

– Ты, я заметила, ранен, – оторвала его от печальных дум молодая девушка, одна из подоспевшего подкрепления, с красным крестом парамедика на фуражке, строгими чертами лица и ясными голубыми глазами. – Я не смыслю в аугментах, но могу осмотреть твои настоящие части тела.

– Не надо, – фыркнул Эд. – Я в порядке. Ей помоги, – он указал пальцем на Марию.

– Боюсь, тут я бессильна. Только время исцелит такие раны.

– Нихрена ваше время не исцеляет, – сидя в углу, подальше от остальных, раздражённо пробормотал Руслан. – От душевной боли есть только одно действительно работающее средство – месть.

– Ты как? – не унималась медик, переключаясь на нового пациента. – Помощь нужна?

– Нужна. Мне, пожалуйста, двойной чизбургер и диетическую колу.

– Ещё одна шуточка – и я вобью тебе зубы так глубоко, что их будет проще достать через задницу! – свирепея на глазах, подорвался Эдриан.

– Воу, парень! – несколько оперативников из подкрепления, до этого переговаривающихся между собой, встали между Эдрианом и Русланом. Один из них, офицер, к которому товарищи обращались по имени Эрнест, поднял руки в примирительном жесте. – Не стоит вам сейчас ссориться. Вы на нервах, я понимаю, и всё же...

– А кто ссорится? – Руслан хрустнул затёкшей шеей. – Просто кто-то не знает, куда надо направлять свою энергию.

– Где была твоя сраная суперсила!? Та, из-за которой мы здесь! Та, из-за которой подставились ребята! Сволочь, ты понимаешь, что их кровь на тебе!? Может, сам напишешь письма их семьям!?

– Я не просил никого защищать меня, так что иди нахер со своими обвинениями! Давай, подай мне руку! Я встану и уйду отсюда, и больше ты НИКОГДА меня не увидишь, клянусь!

– Ну уж нет. Теперь ты повязан с нами, и будешь вместе с нами воевать, и сдохнешь тоже вместе с нами, понятно!?

– Заткнитесь! – сквозь слёзы, завопила Мария. – Заткнитесь! Заткнитесь!

– Мужчины, мы с вами не знакомы, но я тоже попрошу вас не конфликтовать, – медик подошла к даже не попробовавшему отмыться от своей и чужой крови Руслану. – Я понимаю: вы сейчас очень подавлены и хотите найти виноватых, но здесь их нет.

– А ты у нас ещё и психолог? – проворчал Руслан.

– Я лишь прошу вас проявить уважение к погибшим товарищам. И дать мне осмотреть ваши раны.

– Не люблю, когда меня лапают незнакомки. Потерпи хотя бы до второго свидания.

– Меня зовут Ольга, я – медик двенадцатого оперативного отряда российского корпуса ORF, и медик, не люблю хвастаться, но очень хороший.

– Мне нравятся девушки поскромнее. Ладно. Глянь. Что найдёшь – всё твоё.

Девушка опустила на колени рядом с Русланом. Достав из набедренного кушака баллончик с обеззараживающим спреем, она начала обрызгивать почти все открытые места на его теле.

– Ай, – деланно скривился парень. – Блин, ребятки... Ну вот не могли вы появиться на пять минуток раньше? Как в кино, етить, запоздалые боги из машины...

– Простите, – сочувственно вздохнула девушка. – Мы получили лишь примерные координаты, и нам, по причине запрета на выход в сеть, не удалось отправить запрос загодя. Мы плутали по лесу минут сорок, да и вышли-то, в итоге, только на звуки выстрелов.

– У меня накопилось много вопросов к руководству, за последнее время, – горько проговорил Василий.

Краснов достал очередную сигарету, хотя пепел предыдущей ещё не успел погаснуть окончательно. Вика последовала его примеру. Она бы попросила у генерала его, куда более крепкое курево, не будь он отсюда за пару тысяч километров. Старый дутый монитор искривил и без того хмурое лицо Михаила ещё сильнее.

– Похоже, Тэйм была права, – протянул Михаил, пуская дым носом. – Врагов у нас больше, чем я предполагал.

– Генерал, – одновременно злобно и плаксиво прозвучал голос перебинтованной Катерины Кадавр. Она сидела на кушетке, в маленькой, не пострадавшей от бойни операторной, ныне служащей временным штабом командования, хоть Ольга и советовала ей лежать не двигаясь. Правая рука была сломана, как и половина рёбер, над бровью появился длинный, горящий внутренним огнём, порез. Самостоятельно встать она уже не могла – вывихнутая при взрыве, левая нога нестерпимо болела. Порванная и перепачканная кровью гражданская одежда, с накинутым поверх неё форменным пиджаком, смотрелась на ней, как на жалкой бездомной. – Всё из-за Резнова! "Агхарта" и эфемеры пришли сюда только и только за ним!

– Говори конкретнее.

– Нужно упрятать его не под защиту кучки новобранцев, а в действительно хорошо укреплённом месте! Желательно – в тюрьме ORF. Чтобы он был круглые сутки окружён сотнями, до зубов вооружённых, настоящих солдат! Засуньте ему чип слежения под черепушку! Рыпнется – взорвётся!

– И каждый из этих солдат может оказаться предателем, – парировал командир двенадцатого отряда, стоя посреди комнаты, скрестив на груди руки. – Их стало слишком много в последнее время. Кто-то явно старался помешать моему отряду обнаружить это место.

– Вячеслав, – обратился к рослому мужчине Краснов, – у Вас есть другое предложение?

– Генерал. "Агхарта" своего добила, пусть Резнов и остался у нас. На их стороне и так сражаются другие Глаза Агнца, они обойдутся без ещё одного, зато им удалось посеять в наших рядах семена опасения и недоверия друг к другу.

– Позволю себе напомнить, что не все мои братья и сёстры примкнули к "Агхарте", – спокойно, но настойчиво перебила командира Мелани, сидящая рядом с Викторией. Девушка выглядела абсолютно умиротворённой; на её красивом, но словно лишённом огонька жизни лице было абсолютно бесполезно пытаться прочесть хоть какие-то эмоции.

– Это сейчас не важно, – продолжил офицер. – Боюсь, скрывать Резнова и дальше, будет стоять нам больших усилий. Мы должны сами атаковать "Агхарту", нанести превентивный удар.

– Вы знаете куда бить?

– Де Луго обмолвился, что они хотели доставить Руслана в Афганистан, – Вика стряхнула сигаретный пепел прямо на пол. – Уверена, "Агхарта" задумала что-то в этой стране, как и обсуждалось на Совете.

– "Эфемероптера" не принадлежит к "Агхарте", они лишь жалкие наёмники! – вспыхнула Катерина. – Я бы не стала строить предположения, основываясь на словах одного из них.

– Однако, несколько дней назад, там был потерян контакт с нашими разведчиками из американского корпуса, – заметил Вячеслав. – На мой взгляд, под руководством полковника Оруэлла слишком малые силы, чтобы, в случае чего, противостоять объединённым силам "Агхарты" и "Эфемероптера".

– Ты, что, глупец, хочешь предложить нам самовольно прыгнуть в пасть зверя!?! – несмотря на боль, Катерина приподнялась на локтях. – Напасть на базу "Агхарты"? Столкнуться с Тенабраком, вечно снующим подле ублюдка Харроу?

– Я не говорю о прямом нападении. Как известно, лучшее место, чтобы спрятаться – под носом у врага. Темней всего под фонарём.

– Там нас искать не станут. Да и в спину ударить будет некому, – пожала плечами Мелани. – Если, конечно, предателя нет среди оставшихся в живых бойцов из шестого.

– Нет и не было! – настал черёд Виктории возмущаться. – Я доверяю каждому из своих людей!

– Зато я не доверяю никому из людей вообще. По крайней мере, живым.

– Отставить трёп! – Краснов помассировал виски. – У меня и так голова раскалывается, ещё вы разгалделись... Афганистан, значит? База Джека Харроу... Твою мать! Я рассказал о недавнем инциденте этой суке, Анне Тэйм!

– Что? Каком инциденте? – синхронно изумились Катерина и Вика.

Вячеслав сокрушённо вздохнул:

– Генерал, но зачем? Леди Анна, безусловно, заслуживает доверие, но...

– Бл*дь, да не знаю я! Само вышло! Я... – глаза генерала округлись, точно блюдца. – Сука! Она подмешала мне какую-то хрень в чай, из-за чего я стал таким разговорчивым!

– Хотите сказать, мальтийцы копают под нас? Это может стать международным скандалом.

– Ничего я не хочу сказать! Просто это усугубляет нашу проблему.

– Да в чём дело!? – не унималась Катерина.

– С позволения генерала, я введу вас в курс после совещания, – ответил Вячеслав. – Но, если кратко, то всё очень плохо.

– Плохо!? Всё крайне дерьмово! – Михаил покраснел от злости. – Но ничего... С госпитальерами я сам всё улажу. Коганович!

– Генерал! – вытянулся Вячеслав.

– Берёте на себя командование шестым отделом.

– Но ген... – дёрнулась Катерина.

– Молчать! Найдите более подходящее место, чтобы спрятаться. В России, в космосе, хоть на даче у вашей бабушки – мне сейчас не до этого! Слишком много внимания мы уделили очередному уроду, который даже не подтвердил наличие у себя какой-то там сверхъестественной силы.

– Позвольте, – вмешалась Мелани. – Этот парень действительно мой брат, я ощущаю это.

В минуту воцарившегося молчания, все уставились на высокомерно вздёрнувшую бледный подбородок Глаз Смерти. Несмотря на такое внимание, девушка не выглядела сколько-бы то ни было смущённой.

– И где ты раньше была? – наконец, вздохнула Вика.

– Чтож, – опомнился и Краснов. – Коганович... Слава. Сделай всё, чтобы Резнов не попал в лапы "Агхарты", по крайней мере до тех пор, пока мы не решим более важную проблему. Не знаю, зачем он им, и, надеюсь, не узнаю. В следующий раз, когда встретите кого-либо из "Эфемероптера", мать вашу, не трепитесь с ними, а стреляйте на поражение!

– Так точно, генерал.

– Оперативники в Афганистане справятся сами, у Оруэлла всё под контролем, он вчера докладывал. Никаких подозрительных активностей там нет, не считая потери связи с одной из групп рейнджеров, но, скорее всего, они сами нарвались. В любом случае, подождём. Поступайте, как сочтёте необходимым. Освобождаю вас от докладов. Краснов – конец связи.

Экран старенького монитора потемнел. Скорее всего, уже навсегда.

– Слав, – первой подала голос Мелани. – Что ты решил?

– Ничего. Пока что. Мне нужно переговорить с отрядом. С обоими отрядами.

– Хорош командир, – злорадно усмехнулась Катерина. – Хочешь снять с себя всю ответственность?

– Мне важно знать мнение подчинённых. И кстати, младший сержант Кадавр – Вы теперь одна из них, хоть я и очень сомневаюсь, что от Вас будет польза в таком состоянии.

Бывший подполковник неразборчиво проворчала что-то себе под нос.

– Мелани, мне нужна твоя помощь. Думаю, ты понимаешь, о чём я... Необходимо удостовериться, что мы будем рисковать не просто так.

– Ты ведь знаешь, это сильно меня ослабит, на какое-то время. А если на нас нападут снова?

– Тогда я защищу тебя.

В коридоре послышались громкие шаги, и уже через полминуты в дверном проёме показалась фигура "химеры", сразу за которой шли несколько оперативников в синих формах. В отличие от обнажённых, наскоро перемазанных красной краской андроидов "Агхарты", на этой машине была точно такая же одежда, как на бойцах ORF, и даже его визоры светились не мертвецко-белым, а приятным голубоватым оттенком. На плече робота сидел небольшой разведывательный бот, похожий на механического мотылька: такие использовались в различных боевых операциях, для слежки за позициями оппонента. Похожий издали на птицу, он даже имитировал взмахи крыльями.

– Какого хрена!? – в руках Эдриана тут же оказался клинок. – Андроид!? Он ваш!?

– Можно сказать и так, – улыбнулась Ольга, взглянув на железного товарища. – Айдахо не наш, а один из нас.

– А я слышал, что использование андроидов запрещено каким-то там постановлением, – вставил Руслан, с интересом разглядывая "химеру".

– Вы, вероятно, имеете в виду двадцать четвёртый пункт восьмой статьи пакта о прекращении военных действий 2030-ого года, – механическим, но довольно приятным и дружелюбным голосом предположил андроид. – Резолюция, принятая Мировым Советом во втором чтении. Моё существование вовсе не идёт в разрез с данным пакетом соглашений. Я был создан за тринадцать месяцев до начала войны, но не принимал участия в боевых действиях, что означает, что мой демонтаж не являлся обязательным.

– Тебя всё равно должны были разобрать! – продолжал злиться Эдриан.

– Руководство ORF сочло моё существование полезным для их деятельности. Я не стану утомлять вас подробностями, но я прошёл довольно долгий путь, прежде чем заслужить себе место в отряде, под руководством старшего сержанта Вячеслава Когановича.

– Говоришь, был создан ещё до войны? – встал со стула Илья. – Ты – одна из вариаций "Марк-2"?

– Так точно. Два-точка-девять-точка-девять.

– Но... Все модели, вплоть до три-семь, были ликвидированы, а их детали использованы для поколения три-восемь и выше. Такие сейчас у "Агхарты", и изредка выпускаются для нужд ORF или в частное пользование.

– Модели с предустановленными блокаторами развития ИИ. Вы ошибаетесь: не все андроиды до три-семь были ликвидированы. Я функционирую в первозданном виде, если не считать значительных правок в систему искусственного интеллекта, совершенствующих спектр моего функционала.

– А знаешь, почему вас всех разбирали по винтикам? – не унимался Эд. – Вы были опасны для всех одинаково, не важно, на чьей стороне вы были! Сколько жестянок перебило своих же людей, стреляя им в спины? А сколько вы убили тех, кто уже бросил оружие!? А детей!? Детей, которые держали в руках камень или палку!?

– Выражаясь человеческим языком, – Айдахо оценивающе посмотрел на Эда, – меня не преследуют призраки прошлого, если Вас беспокоит моё психосоматическое состояние. Я осмелюсь сказать: очень странно слышать подобные обвинения от человека Вашего типа.

– Моего типа? – мечник поиграл так и не убраным клинком в руке, готовясь применить его в любой момент. – Это какого же?

– Так, прошу вас, прекратите! – Ольга встала между киборгом и андроидом. – Уверю вас всех, вам не о чём беспокоиться – Ай-ди хороший!

– А кто ты такая, чтоб я верил тебе?

– Эдриан, – сорванным от рыданий голосом, просипела Мария. – Прошу... Хватит...

Выругавшись, мечник отошёл в дальний угол столовой и сел там, опершись о стену.

– Не догнали? – обернулась Ольга к андроиду.

– Нет, Олечка. Даже Мотыль не успел их отметить.

– Они же ранены, – удивился один из оперативников двенадцатого. – Как вы их не догнали-то?

– Я счёл, что будет неразумно далеко отходить от бункера, ради абстрактного шанса поймать "Эфемероптера". Я не рискнул подвергать оставшихся здесь людей такой опасности, поэтому принял решение вернуться.

– Мотыль – это вон та хрень у тебя на плече? – тыкнул Руслан пальцем в бота, неподвижно сидящего на своём пьедестале.

– Да. Я сам дал ему это прозвище, ввиду сходства с реально существующим прототипом из животного мира – *Loxostege sticticalis*.

– А?

– Луговой мотылёк.

– А-а. Оригинально. Можно погладить?

Дверь в столовую распахнулась вновь. В просторное помещение вошёл сержант Вячеслав Коганович, в сопровождении бесстрашной Мелани. За ними, едва поспевая, ковыляли израненные бывшие командиры шестого отдела: Вика помогала Катерине идти, поддерживая её за локоть, хотя по её лицу и казалось, что она не против сама поставить ей подножку.

– Айдахо, доклад, – остановив движение взгляда на Руслане, произнёс Вячеслав.

– Товарищ сержант. Мы не смогли нагнать их. Я счёл, что будет не разумно далеко отходить от бункера, ради абстрак...

– Соболезную вашей утрате, дамы господа, – перебил андроида офицер. – Я знаю, как это тяжело – терять товарищей, терять друзей. Но это война, а на ней, как известно, без жертв не обойтись.

Скрестив руки за спиной, Вячеслав принялся прохаживаться вдоль лежащих на полу, укрытых от белого света чёрным брезентом тел

– Буду с вами честен: командование на нас наплевало. Недавно случилось одно ужасное событие, и теперь у них полно других забот, возможно, действительно более важных, нежели поиск убежища для одного парня с магическим глазом.

Мелани присела около одного из тел, небрежно откинула брезент – окровавленная серая форма выдала в нём агхартовца.

– Отныне мы сами по себе, но это не значит, что мы позволим нас сожрать. Уж не знаю, временно это или навсегда, но я – ваш новый командир. Распоряжение генерала Краснова, если кто против – все жалобы знаете куда. По имеющимся у нас данным, де Луго и Глазтеры отступили в Афганистан, под крыло генерала Харроу, а скорее всего, и своего командира – Потрошителя Кими. По другим данным, Харроу и сам планирует... – Вячеслав немного замялся, подбирая подходящие слова, – что-то. Как и прежде, планы "Агхарты" сокрыты от нас. Несмотря на это, я предлагаю нам самим отправиться в Афганистан и оказать поддержку американским товарищам, дислоцированным в этой стране в качестве пассивных наблюдателей.

По толпе пробежал возбуждённый гул. Даже Мария перестала плакать, изумлённо уставившись на очередного командира. Похоже, бойцы двенадцатого тоже не были готовы к такому решению своего босса.

– Позвольте узнать, – поправив очки, заговорил Илья. Уже ни раз он отказывался от глазной аугментации – другого бы и спрашивать не стали, а просто поставили бы перед фактом: операция или увольнение. Но Илья, каким-то странным образом, всё время избегал этого разговора с начальством. – Что такого ужасного случилось, что у командования нет времени помочь подвергшемуся нападению отряду, к тому же, в котором есть очень важная персона, которую желает захватить враг?

– Официальная версия: на базу российских вооружённых сил на Дальнем Востоке было совершено нападение сил "Агхарты". Потери незначительны, враг разбит, – Вячеслав глубоко вздохнул, глянув на заметно осунувшуюся Ольгу. – Версия настоящая: генерал Максим Самойлов предал Россию, перешёл к "Агхарте", впустил её боевиков на базу, откуда они похитили две ракеты класса "Кашей". Ударной мощи этого оружия хватит, чтобы стереть небольшой городок. Инцидент держится в секрете. Если всплывёт, что Россия не ликвидировала эти ракеты, после принятого Советом пакта, это может привести к ужасным последствиям, вплоть до новой войны.

Вячеслав вновь обвёл взглядом собравшихся – люди были изумлены и подавлены. А ведь мало кто действительно успел осознать весь масштаб катастрофы.

– Уж простите меня за мою прямоту, – заговорил Руслан, – но как вы умудрились просрать две – я уверен – не маленькие ракеты? Самойлов их, что, в сумку положил? И давно это случилось?

– Две недели назад. Во-первых, у Самойлова обширные связи, видимо, даже более крепкие, чем мы предполагали. После того, как ракеты были вывезены с базы, никто их не видел. Вероятно, помог некто очень влиятельный. Во-вторых, их содержание с вероятной эксплуатацией не находилось под юрисдикцией ORF – за их сохранность отвечала армия России.

– Мда. И куда я работать пришёл...

– Ты – Глаз Мора?

– Когда ж вы отстанете-то... Ну я, наверное.

Сержант покосился на Мелани, всё рассматривающую лицо мёртвого боевика.

– Он, – кратко ответила та.

– Сразу бы спросили у моей секретарши! – хлопнул себя по коленке Руслан. – А то достали, ей-богу! Ты, кстати, кто такая?

Мелани подняла на него взгляд своих разноцветных глаз:

– Значит, не помнишь меня, брат?

– Брат? Кажись, глазки нам достались от разных отцов.

– Странно. Но, в целом, не имеет значения. Я даже не могу понять, зачем Тенабрак так сильно хочет встречи с тобой, ведь ты ничем не интересней остальных.

– Об этом пофилософствуем позже, – вмешался Вячеслав. – Сейчас у нас очень мало времени. Возможно, "Агхарта" скоро пришлёт сюда ещё большие силы, а возможно, просто разбомбит это место. В любом случае, Айдахо – заводи машины! Сваливаем отсюда. Мелани. Приступай.

Без лишних слов, в наступившей звенящей тишине, девушка в чёрном плаще приподняла веки мертвеца. Чёрный глаз зашёлся густым дымом без запаха; негромкий, но отчётливо различимый гул заполнил помещение, заставив людей поёжиться. Чёрный вихрь, всасывающий в себя дрожащий воздух, появился на том месте, где мглой зиял проклятый глаз Мелани. Люди из шестого отдела отступили, опасливо зашептавшись, и даже видевшим сей обряд ранее бойцам двенадцатого отряда сделалось в крайней степени не по себе.

– Какого чёрта!? – в отличии от всех остальных, Эдриан медленно, осторожно сделал пару шажочков в сторону проведения пугающего ритуала.

Виктория с трудом оторвала взгляд от ужасного, но завораживающего зрелища, чтобы проверить товарищей: Мария и Василий прижались друг к другу ещё сильнее, ёжась от страха; красные глаза Катерины, казалось, сейчас выпрыгнут из орбит, и лишь Руслан не проявлял совершенно никаких эмоций.

– Я прошу вас: сохраняйте спокойствие, – Айдахо успокаивающе поднял руки. – Для вас нет совершенно никакой опасности. Если, по окончании ритуала, вы почувствуете эмоциональную опустошённость – я открыт для разговора.

Глаза мертвеца моргнули. Ещё один раз, ещё, и снова. Вика моргнула и сама, протёрла глаза ладонью. Мертвец вновь сомкнул и разомкнул веки. Нет – ей не показалось.

Мёртвый агхартовец открыл рот. Как рыба, выброшенная на берег, он пытался ловить ртом воздух, но безуспешно – лёгкие больше не работали.

– Тебе больше нет места в мире живых, – от голоса Мелани веяло холодом и смертью. Так говорили человекоподобные чудища в старых фильмах, снятых ещё на паршивого качества плёнку. – Ты чувствуешь меня, ушедший? Внемли моему голосу.

– Я-а-а... – губы агхартовца остались в замороженном открытом положении. Потусторонний голос, похожий на гуляющий в узком каньоне ветер, проник в уши людей, но определить его источник было невозможно. Хотя, не стоит себя обманывать – говорил агхартовец, прямиком из... ада? Лимба?

– Кому служил ты, мир живых покинувший? – продолжала Глаз Смерти.

– Джек... Харроу...

– Что он задумал? В чём план Харроу?

– Я... не знаю...

– Каков план твоих владык? "Агхарта". Что было вам приказано!?

– База... Афганистан... Ожидание...

– Зачем? Чего ждали вы?

– Встреча...

– Встреча кого?

– Я... не знаю...

– Зачем нужен вам Резнов Руслан?

– Я... не знаю...

– Глаз Света! В чём план моего брата!?! – нотка гнева предательски пролезла в закладывающий уши голос Мелани. – Тенабрак? Ты его видел!?

– Афганистан... Встреча...

Голос Мелани завибрировал ещё сильнее, отчётливая рябь прошла по всему её телу:

– Вы похитили опасное оружие. Что тебе о нём известно?

– Я... не знаю...

– Мелани, я отмечаю угрозу внутреннего повреждения твоего организма, – осторожно вставил Айдахо. – Я рекомендую прекратить сие действие.

Вячеслав бесстрашно подошёл к девушке сзади, приобняв за плечи:

– Он просто пешка, и больше ничего не знает. Отпусти его.

– Освободи-и... – прохрипел потусторонний голос.

– Мелани, хватит! Это приказ!

Тёмный свет – возможно ли такое понятие? – прекратил струиться из глаза девушки, заполняя всё вокруг нотками ужаса. Сотрясение воздуха ушло, а ослабевшая Мелани опустилась в объятия Вячеслав. Дважды умерший мужчина затих, не закрыв рот и глаза.

– Надеюсь, все, кто так мечтал посмотреть на мою силу в действии, только что передумали, – попытожил Руслан.

– Агхартовец сказал о встрече, к которой готовятся Харроу и Тенабрак, – Вячеслав усадил ослабевшую девушку на скамью. – Уверен, они ждут именно Самойлова. Уж не знаю, как именно они распорядятся "Кащеями", но, в любом случае, мы обязаны им помешать.

– А нельзя было провести этот... обряд до того, как мы связались с Красновым? – спросила Катерина. – У нас были бы хоть какие-то аргументы.

– Крайне неубедительные, особенно для генерала – он не доверяет Глазам Агнца, даже тем, кто служит в ORF. В любом случае, мы этого не сделали, и незачем полемизировать. Двенадцатый и шестой отряд, слушай мою команду: мы отправляемся в Афганистан, провинция Кунар. Наша задача: помочь американскому отряду разведки проследить за действиями

"Агхарты" в регионе. В случае обнаружения Самойлова, необходимо взять его под арест и вызвать о "Кашеях".

– Может, можно выудить информацию из памяти "химер"? – спросил кто-то в толпе.

– Не получится, – Илья деловито протёр запотевшие очки подолом мятой рубашки. – Неприятное побочное свойство КЭТ – он полностью стирает весь кэш андроидов. А тот, что с ракетницей – в его систему был интегрирован "спящий" вирус, активировавшийся прямо перед отключением, полностью сжёгший память.

– Меры предосторожности. Жестоко, – изобразил грустные нотки Айдахо.

– Мы не можем просто уехать отсюда! – Мария, наконец, нашла в себе силы встать, оттолкнув от себя Васю. – Не можем оставить тела наших друзей здесь, посреди леса!

– Рядовой, – Вячеслав бросил на девушку взгляд неопределённого характера, – я сожалею вашей утрате, повторюсь, но у нас нет времени на похороны. Мы оставим тела здесь...

– Нет! Нет! Я не согласна! Я никуда не поеду, пока мы не захороним их со всеми почестями!

– ...и сообщим в штаб. Они заберут тела для подобающего погребения.

– Нет!

– Машенька, позвольте мне...

– Отвали, жестянка! Вика, скажи им!

А что она должна сказать? Виктория полезла в карман брюк... Вот дерьмо, сигареты кончились! Давно она не смолила так яростно, как в последний час, словно стараясь ещё больше выжечь себя изнутри. Лиза всё уговаривала её бросить, походить с ней в спортзал, вернуть былую подтянутую форму. Теперь она очень жалела, что отказывала каждый раз, выбирая стакан и курево. Теперь альтернативы, кажется, не осталось.

– Мария. Сержант прав. У нас нет времени.

– Но... Вика!

– Лиза была и моим другом. Тварь, что убила её, твари, что убили наших пацанов... Мы догоним их. И отомстим.

На глазах девушки вновь засверкали солёные капельки.

– Мне также тяжело, как и тебе, как и всем нам, всей нашей маленькой семье, лишившейся своих членов. Но мы живы. И будем жить и бороться ради тех, кого с нами больше нет. Ради тех, кому только предстоит родиться, неся в себе гены убитых отцов.

– Когда всё закончится... мы почтим их... память...

– Конечно, Маш. Конечно. Обещаю.

– Айдахо, – ничуть не смутившись женских сентиментов, Вячеслав вернул приказной тон, – запрограммируй автопилот грузовика "Агхарты" добраться до питерского штаба. Погрузим в него мёртвых и серьёзно раненных.

Катерина, до этого сидевшая тихо и не слышно, встрепенулась:

– Но у нас нет серьёзно раненных!

– Есть, сержант. Кадавр. Вы.

– Нет! Я... Я готова нести службу! Я не брошу своих людей!

– Напомню, что они больше не под Вашим руководством.

– Да какая разница! Они теперь мои товарищи! Я взяла ответственность за их жизни!

– И полностью провалили поставленную руководством задачу, подведя их. Нет смысла пререкаться – это приказ. Вы возвращаетесь в штаб.

– Нет! Виктория, прошу Вас, скажите, что я могу быть полезной!

– Да какого хрена, чуть что, вы все сразу на меня всё валите?! – вспылила Виктория. – А чего это ты уезжать не хочешь? Сама же говорила, что назначение тебе не в радость! И наша неприязнь, поверь, взаимна! Да и перед начальством тебе уже не выслужиться, меняя нам подгузники. В бою от тебя проку не будет, так зачем ты нам нужна?

Катерина умоляюще искала помощи в глазах остальных оперативников. Никто не отвёл взгляд, но и сострадания или поддержки она не нашла.

– Но не надейся, что на этом для тебя всё кончится. Я не отпущу тебя, пока не получу ответы.

– Я просто хотела как лучше... И сейчас хочу остаться с вами. Я – солдат, верный своему делу. Как и все вы!

– Где полковник Фёдор Онегин? Почему тебя назначили верховодить вместо него?

Катерина тихонько застонала. Казалось, её израненное тело сейчас развалится на части, разошедшись по швам – так жалко она выглядела.

– Фёдор Андреевич Онегин? – Айдахо явно принялся шерудить базу данных. – Я удивлён. Я не могу найти записей о его отставке.

– И не найдёшь, – горько издала какой-то хрипящий звук Катерина. – Делу не придали огласки. Онегин обвинён в связи с "Агхартой", передаче им стратегически важной информации.

– Невозможно, – среди изумлённого шёпота лишь голос сержант Когановича выделился уверенными нотками. – Я знал Фёдора. Он бы никогда... Крайне маловероятно. Всё из-за того, что он когда-то служил у Самойлова?

– Мне почём знать? Сделали меня козлом отпущения... Я только недавно вернулась в Россию, была интендантом в военной тюрьме Влёра, сразу получила назначение в Питер. Обрадовалась ещё, дура...

– Военная тюрьма? – хохотнул Илья. – Военная? Вы с серьёзными минами так её называете? До сих пор? Тюрьму, куда, за неимением достаточного количества настоящих военных преступников, сажают интернет-троллей, пририсовывающих Краснову и другим нашим генералам усики и писклики, подписывая это виршами с кривыми рифмами?

– Это стратегически важный... Да пошли вы. Я, правда, хотела как лучше, но вы сразу были негативно ко мне настроены, удивляюсь, что не плевали в спину! Я не знаю Онегина, не знаю, связан он с "Агхартой" или нет, и на его место я не рвалась! Больно надо! А вы... Звери вы, а не люди...

– Лишнее доказательство, что всем класть на нас хотелось. Огро-омную такую кучищу, – Руслан поднялся, отряхнул штаны. – Нам дали самого жалкого командира, какого только можно вообразить.

– Как по мне, – Катерина с вызовом посмотрела на парня, – надо было тебе пулю в лоб пустить – и дело с концом. Да-а, это бы избавило нас всех от проблем с "Агхартой", от бойни, где призом служила твоя тушка!

– Не ты первая, кто желает мне смерти. Уверен, не ты последняя.

– Хватит! – рассердился Вячеслав. – Я им говорю, что надо спешить, а они устраивают выяснения отношений!

– Товарищ сержант.

– Что Вам, Штейн?

– Позвольте сержанту Кадавр отправиться с нами.

Толпа выжидающе воззрилась на Вику. Кажется, её просьба поразила людей даже больше, чем противоестественный ритуал Глаза Смерти.

– Зачем?

– Каждый заслуживает второй шанс, не так ли? В конце концов, можно будет бросить её на амбразуру, коли она так хочет послужить миру.

– Надоела бессмысленная полемика... Айдахо, иди уже, программируй автопилот. Остальные – отнесите тела в машину и готовьтесь к отбытию. Дабл тайм, шестой и двенадцатый, дабл тайм!

*Провинция Кунар; Афганистан.
Военная база "Агхарты"*

Обычно ветер здесь не так силён, но людей это только радует – вот уже без малого тридцать лет, как каждый его, даже самый лёгкий порыв приносит лишь смрад смерти, крови и отчаяния. Кому-то они, впрочем, могут показаться одурманивающими благовониями.

Сейчас же, лопасти старенького военного вертолётa, окрашенного в тёмно-зелёно-бурые цвета российской армии, поднял столп застоялого песка, обдав им выстроившихся в шеренгу агхартовцев. Джек прикрыл лицо руками, чтобы песчинки не забились в глаза. Стоявшие неподалёку боевики в серых формах, включая пару Глаз Агнца, сделали тот же жест, и лишь худощавая фигура в выцветшем саване не шелохнулась, словно наслаждаясь танцем песка.

Лопаста замедлили движение, люк приоткрылся.

– Джек, мой старый враг. Наконец мы встретились с тобой лицом к лицу. Ещё совсем недавно, я и представить не мог, что увижу тебя так близко... Живым, по крайней мере.

– Генерал Самойлов, – Джек ответил на рукопожатие бывшего русского главнокомандующего, отметив про себя его силу. – Я, признаться, тоже всегда представлял себе эту встречу абсолютно иначе.

Двое пожилых мужчин, ветераны Третьей Войны, много лет воевавшие друг с другом, вместе пошли по бетонным плитам, занесённым песком, вдоль отдающих честь агхартовцев. Ну их мундирах не было регалий, на лицах – ни тени улыбки. В нескольких сотнях метров позади, над безжизненной равниной возвышалась двухметровая железная стена, с другой, куда и направлялись мужчины, – база Города Мудрецов, обитель генерала Джека Харроу.

– Плотно закрепились, как я вижу, – начал разговор Максим Самойлов, высокий, крепко сложенный мужчина, с типично русскими чертами лица, разглядывая своих новых соратников, пока его собственные люди, предавшие родину по слову командира, которому они всецело доверяли, выгружались из вертолётa.

– У нас было предостаточно времени. Это – основная база, здесь уже готов плацдарм для ракеты, – разъяснил Джек. – Вторая база расположена в нескольких километрах к югу, в низине долины. Уже к завтрашнему вечеру она также будет готова принять "Кашея".

– Я хотел бы отправить туда своих людей, им нужно отдохнуть. А "Кашеи" скоро придут. Ты бы знал, Джек, как тяжело и затратно было переправить их через границу: пришлось воспользоваться многими старыми связями, благо, у меня хватает нужных знакомств. Подводными путями, потом – на арендованных грузовиках... Наёмники, что помогали в сопровождении, сорвали хороший куш. Надеюсь, оно того стоит, и твои покровители уверены в рациональности своего плана.

– Уверяю, так оно и есть. Признаться, планы лидеров "Агхарты" настолько глубокие и дальновидные, генерал, что даже мне не ясны в полном объёме.

– Больше не генерал. Устал я раздавать приказы, бесцельно посылать молодых пацанов на убой, как скот. Я отдал служению своей родине... слишком много. Хватит. Это будет моя последняя битва, последнее командование. Ты понимаешь меня, Джек?

– Конечно. Именно поэтому я тоже здесь. "Агхарта" – пристанище отчаявшихся душ, оплот несбывшихся ожиданий

– Скажи, Джек, за более чем двадцать лет службы неосязаемым идеалам "Агхарты", ты ни разу не пожалел, что оставил свой прежний мир?

– На самом деле, поменялось не так много, как может показаться на первый взгляд. Я всё так же воюю, не зная за что. Всё так же мои парни гибнут, надеюсь, что не зря. Изначально, у меня были личные мотивы пойти под серым стягом, но вот что мне не понятно: как на это решился ты? Истинный русский патриот, ты столько лет разил боевиков "Агхарты", террори-

стов, стаи наёмников, а в итоге... Одно дело – решиться на предательство своей страны, другое – своей дочери.

– Отчасти, ради неё я это и делаю. Подрастёт – поймёт, если не погибнет на службе. Или не поймёт... Это уже не важно, что сделано – то сделано, – Самойлов обернулся к шедшим чуть позади мужчинам совсем не в военной форме. – Вы – те, кто я думаю? Вот уж точно не подозревал, что мне посчастливится увидеть вас так близко и остаться в живых. Глаза Агнца, те, кем женщины пугают детишек перед сном... Кто из вас Тенабрак?

– Брата здесь нет, – вздёрнул нос мужчина с ярко-жёлтым правым глазом. – Если ты хочешь обратиться к кому-либо из моей семьи, можешь говорить непосредственно мне. Я – Деймос, Глаз Страха.

– Сокрушающий до битвы? Это ты был причиной массового суицида оперативников ORF в Эдинбурге, пару лет назад?

– Что-то такое припоминаю... Оставшиеся были так напуганы и смешны, когда осознали, что среди горы трупов нет ни одного врага...

– Держитесь от меня подальше, уроды, вот и всё, что я хотел сказать.

– Следи за своим языком, человек, – невысокий худощавый парень, с белыми, словно химически обесцвеченными волосами, ухмыльнулся Максиму в лицо. Его одежда походила на рясу монахов, но была светло-голубого цвета, как и левый глаз, сверкнувший, как сапфир на солнце. – Сейчас ты под эгидой "Агхарты", но если намерен кидаться словами столь необдуманно, дальнейшие планы им придётся строить без тебя.

– Где Тенабрак? – капелька пота, как бы Максим не пытался остановить её силой воли, пробежала по его лбу. – Я хочу переговорить с ним!

– У брата очень важные дела, – ответил Деймос. – Но он вернётся до того, как план будет приведёт в исполнение.

– Дела более важные, чем поставить на колени ORF? Весь грёбаный мир?

– Этим Глаз Света и занимается, но по-своему. Тебя это не касается.

– Максим, мы должны учесть, что у нас возникли небольшие трудности, – сложив перед собой руки, Джек поспешил перевести разговор в иное русло.

– ORF? Не сомневался, что они обнаружат вашу активность.

– Мы поймали несколько их скаутов. Они видели строительство пусковых установок, и могли догадаться обо всём. Оставшиеся разведчики ещё здесь, в Кунаре, но они лишены возможности связаться с внешним миром. Мы установили сеть электромагнитных глушилок, блокирующих любой сигнал дальнего действия.

– Тогда это не важно. "Кашеи" развёртываются быстро, а трусы из ORF боятся сделать лишнее движение, чтобы не спровоцировать конфликт. Сколько у вас человек?

– Полторы сотни боевиков, не считая технический персонал, пара десятков "химер", двое Глаз Агнца и, конечно, Калиптра – уверен, про неё ты наслышан.

– Вечная Охотница. Цена за её голову растёт не по дням, а по часам, уверен, как и количество насечек на её винтовке. Со мной ещё полтора десятка парней, но я бы не хотел, чтобы они принимали участие в боевых действиях. Не хочу заставлять их стрелять в бывших соотечественников, а среди орфовцев такие могут оказаться. Давайте проедем до второй базы, хочу взглянуть на неё своими глазами. Что такое..?

Процессия остановилась. Пожилая женщина, уверенно растолкавшая на своём пути нескольких боевиков, бесстрашно преградила генералам дорогу. Одета она была в традиционное афганское платье, волосы скрыты под красным однотонным платком.

– Старуха совсем выжила из ума! – Деймос раскатисто захохотал. Его брат позволил себе лишь акулью улыбку.

– Халима! – Харроу поспешил к женщине.

– Уйди, Джек, – с лёгким акцентом в севшем голосе, женщина заговорила на английском, отстраняясь от Джека. – Ты – тот русский генерал, что прилетел уладить дела агхартовцев?

– Видимо, да, – недоверчиво улыбнулся Максим. – С кем имею честь?

– С матерью, чьи дети пали жертвами лживых обещаний жадных до крови и власти ублюдков. Уверена, ты знал много таких парней. Русский... Я помню, как вы вошли сюда в тридцать седьмом. На пару с американцами, вы решили за нас, что нам будет лучше жить на выжженных огнём вашей войны пустошах. Наши дети умирали от глупой пули, не нашедшей другой жертвы, а вы называли это... сопутствующими потерями.

– Меня здесь тогда не было, женщина. Я воевал на другом фронте, и, в любом случае, слишком устал, чтобы слушать твоё нытьё. Думаешь, ты первая чья-то мать, преградившая мне дорогу?

Деймос угрожающее шагнул вперёд, но женщина даже не вздрогнула.

– Нет! – Джек преградил Глазу Страху дорогу, обернулся к женщине. – Халима, зачем ты здесь? Я же сказал тебе сидеть у себя!

– Эй, русский, – не унималась афганка. – Ты ведь тоже потерял кого-то, кого любил.

Самойлов оторопел. Как... Как она узнала?

– Конечно, потерял. Поэтому ты здесь, как и все мы. Бежишь с одного тонущего корабля на другой, но он точно такой же: и крыс полно, и пробоины не меньше, просто тебе это ещё не очевидно. Как я и сказала, мои мальчики погибли от рук ORF, и я очень надеюсь, что хотя бы ты, наконец, сделаешь что-то, что бы успокоить боль в моей душе, жаждущей отмщения.

– Я здесь именно за этим.

– Надеюсь, русский. Надеюсь.

Глава 5

Санкт-Петербург, Россия

Штаб Петербургского отдела Российского корпуса ОРФ

30.08.2054., 02:37

- Товарищ майор?
- В чём дело, диспетчер?
- Тут такое дело... Вам стоит взглянуть.

Дежурный старший по смене вздохнул, протёр глаза, отгоняя сон. В былые годы, только перейдя в ОРФ из службы судебных приставов, он без проблем мог просидеть всю ночь за мониторами, или же ходить в обходы каждый час, но теперь, когда возраст перевалил за пятый десяток, раздражать его начало буквально всё. Особенно необходимость часто отлучаться в туалет по-маленькому.

- Объясни нормально, хватит мямлить!

– К главным воротам подъехал грузовик без опознавательных знаков. Сканирование показывает груз из живых людей и...

- Ну?

- ...мёртвых.

– Что!? – мужчина отключился от нерадивого молодого оператора, выругавшись – понаберут по объявлению, всё приходится делать самому! Возможно, и правда, лучше было бы полностью перейти на поддержку ИИ.

Старший по смене нажал на кнопку связи с внешней охраной:

- Элемент три – элементу один. Что там у вас, что видите?

– Первый – третьему, – не совсем по уставу, ответили в переговорном устройстве. – Тут фура подъехала, остановилась у ворот. Водителя не видать. Вся в дырках от пуль.

- Проверить. Будьте осторожны.

Лампочка вызова диспетчера вновь настойчиво заморгала оранжевым цветом.

- Первый! Что опять!?

- Товарищ майор, запрос пришёл! Что делать?

- Какой, мать твою, запрос!?

- Запрашивают использование десантного самолёта с северной авиабазы.

- Отказ! Кто запрашивает?

- Позывной "Айдахо".

– Двенадцатый? Они ж только вернулись... Куда их черти понесли? Мне никто не сообщал! Отказ!

Спустя считанные секунды диспетчер вновь потребовал внимания.

– Да что вас всех прорвало!? – мужчина хлопнул ладонью по столу, нажимая на кнопку ответа. – Чего!?

- Командир, я передал отказ. Они повторяют. Запрос.

- Так повтори отказ! На кой им самолёт? Не было распоряжений, я сказал! Отказ!

- Тов...

- Отказ! Не было уведомлений о запланированных полётах!

- Сержант Коганович передаёт, что запрос самолёта – под его ответственность.

Начальник караула закурил – сидевший рядом молодой помощник, только-только вышедший из стажёров, не осмелился возразить.

- Где генерал Краснов? Ещё не вернулся?

– Нет, товарищ майор.
– Хрен с ними, короче. Передай на аэродром, что взлёт санкционирован. "Двенадцатые" – ребята свои, не подставят, – мужчина отключил передатчик, делая затяжку. – Что задумал этот чертяка Коганович..?

*Где-то на воздушной границе Афганистана
30.08.2054., 05:16*

Самолёт рассекал облака вот уже второй час, и до разорённого огнём и речами политиков Афганистана оставалось ещё примерно столько же. У осквернённой последней войной страны всегда была куча самых разных проблем, конфликтов, как внутренних, так и с внешним миром, но последняя война не проявила жалости: американская армия расквартировала здесь значительные силы, даже успев построив для своих людей небольшой военный городок, Грэйсэндс. Русские, в свою очередь, не стали терпеть такой вопиющей наглости, и атаковали первыми, прямо как сейчас, силы двух отрядов ORF собрались воткнуть заточку в спину "Агхарты".

Дверь в каюту распахнулась: двухэтажный орфовский "Боинг", фактически, всецело принадлежащий двенадцатому отряду (летать на нём на курорты, разумеется, запрещалось) был оборудован отдельными помещениями, где могли уединиться командиры – обсудить стратегию, глотнуть спиртное, отдохнуть от подчинённых. Ольга вздрогнула, перестав разглядывать облака в иллюминатор. В дверном проёме стоял Айдахо, держа поднос с двумя кусочками поджаренного хлеба и плошку белого риса.

– Оленька, – андроид был, как обычно, мил и учтив, – почему ты сидишь тут совсем одна? Неужели не хочешь лучше познакомиться с нашими новыми товарищами?

– Я... Хочу, пожалуй. Но в данный момент, захотелось побыть одной.

– Я понимаю. Я тебе принёс перекусить. Скучно, но я заметил, что ты давно не ела, а это негативно сказывается как на физическом, так и на эмоциональном состоянии человеческого организма.

– Спасибо, Ай-ди, – девушка искренне улыбнулась стальному приятелю. – Я даже не заметила, как проголодалась. Последний раз ела... Ох, вспомнить бы, когда. Входи.

Робот поставил поднос на пластиковую тумбочку.

– Я позволю себе заметить, что ты слишком рьяно отдаёшься службе. Пока молодая, нужно находить время и на себя. Олечка, я могу ещё что-нибудь для тебя сделать?

– Нет, Ай-ди, спасибо. Тебе не кажется, что ты... немного перебарщиваешь с дружелюбностью?

– Я просто следую твоим советам. Я считаю, что, раз уж вы все называете меня полноценным членом коллектива, я должен соответствовать оказанному мне доверию. Кстати, я прочитал весь последний список литературы, что ты мне дала.

– Правда? Ну, и как тебе? Как впечатления?

– Я чувствую себя экзистенциально вознёсшимся. Жаль, что из-за обособленного образа жизни, который ведёт большинство современных людей, мало кто хорошо знаком с природой других индивидов – а это так занимательно. Узнавать новое о себе, о других, о тех, кого уже нет, о том, как они мыслили, как представляли будущее, как творили его, выстраивая лестницу из собственных костей, иногда – в прямом смысле. Я благодарю тебя, Оленька. Может, посоветуешь мне ещё что-нибудь?

– Пожалуй, для тебя лучшим способом понять человеческую натуру будет чтение чего-то более обычного, приземлённого, не только Юнга или Рейля... Хватит с тебя, пока что, философских трактатов, – медик на минуту призадумалась. – Знаешь, прочитай "Карлсон, который живёт на крыше". Простая, в поверхностном понимании, история, но это – если не углубляться.

В ней можно увидеть очень многое, между строк, о настоящих человеческих взаимоотношениях, о дружбе, о любви, о истинных ценностях.

– Хорошо, Оленька, – Айдахо замолчал на пару секунд. – Я прочитал. Удивительная была история. Но, я предположу, что я чего-то в ней не понял. Как детская сказка способна больше рассказать мне о людях, чем философские трактаты?

– Всеу своё время, дружище, – девушка села, взглянув на тарелку с едой. Желудок, обрадовавшись пиршеству, радостно замурлыкал. – Отец читал мне её в детстве... Продолжай в том же духе, у тебя хорошо получается, правда. У нас чай есть?

– Да, сейчас принесу, – не обращая внимания на протесты девушки, андроид спешно вышел из комнаты, слегка задержавшись у двери. – Здравствуй, Славик.

Сержант Коганович хмуро проводил Айдахо взглядом, прежде чем войти к подчинённой.

– Иногда мне кажется, что он вот-вот пригласит меня на свидание, – улыбнулась Оля.

– Да... Мне тоже, – кажется, на сотую долю мгновения, лицо сержанта тоже тронула добродушная улыбка, но скорее всего, то была лишь иллюзия. – Приятного аппетита. Не помешаю?

– Нет, товарищ сержант. Благодарю.

– А если отбросить субординацию, не хочешь поговорить?

– Нет. Вернее... Боюсь, мне попросту нечего сказать. Прости, но я, кажется, сама ещё не до конца осознала, что произошло, и как сильно изменилась вся моя жизнь. Я, не так давно, потеряла мать, и ещё не привыкла к жизни без неё, а теперь... Радует, что хоть из ORF не выгнали.

– Не волнуйся. Я не позволю этому случиться.

– Спасибо, Слава, правда. Мне тяжело, но рядом с вами, моим отрядом, мне становится легче. Я не чувствую себя одинокой. А какие-либо слова вряд ли помогут – они попросту излишни.

– Возможно, так оно и есть, – Вячеслав вздохнул, присев напротив девушки. – Всё равно я учился воевать, а не сидеть с блокнотиком и ручкой, сочувственно кивая и делая вид, что понимаю чью-то боль, что мне не всё равно. Но мне НЕ всё равно.

– Иногда слова могут спасти, – девушка многозначительно уставилась на тарелку, чувствуя всё усиливающееся негодование желудка. Но не станет же она есть при командире, который сам не ест в это же время!

– Что думаешь насчёт этих?

– Прости, не поняла?

– Ну, эти. Шестой отдел. Ребята явно не были готовы к такой заварушке, у них не было и шанса против отморожков "Агхарты", а уж против эфемеров... Совсем молодняк, по большей части, только с учебки, мозги забиты правильными ответами на экзаменационные вопросы, да только что с них толку в реальном бою...

– Это очень печально. Не представляю себя на их месте.

– Этот Резнов... Говорит, у него амнезия. Но что-то есть в нём такое подозрительное, тебе так не кажется?

– Я не успела нормально познакомиться с ним, однако он произвёл вполне приятное впечатление, если не считать хамоватость и самоуверенность, впрочем, типичную для Глаз Агнца. И для мужчин.

Ольга отчётливо различила во взгляде командира укор и неодобрение.

– По крайней мере, у него есть чувство юмора, – девушка и сама нервно улыбнулась. – А это редкое, и крайне полезное свойство, для людей нашего положения.

Вячеслав встал, постоял без движения несколько мгновений, и направился к выходу. Приоткрыв дверь, всё же, добавил:

– Советую не заводить ни с кем из них тесной дружбы. Особенно с Глазом Агнца.

– Слав?

– Да?

– Я не привыкла обсуждать приказы, куда мне, я просто медик... Но ты уверен, что принял правильное решение, вот так сорваться, улететь в другую страну, практически напрямиком в логово врага, тем более, с не сработавшимся коллективом?

– Если отвечать конкретно на вопрос – нет, я не уверен, что это правильное решение. А если хочешь знать, уверен ли я, что так поступить необходимо – да. Уверен.

Ольга вновь осталась одна – одна, как ей казалось, не только в этой комнате. Как там говорил Фрейд, в одной из тех книг, что она советовала прочитать Айдахо? Ах, да... Поёжившись, как она себя уверила, от холода, девушка вспомнила: "Мы входим в этот мир одинокими, и одинокими покинем его".

Пальцы, наконец, сжались в кулак.

Руслан смотрел на стальные сухожилия, как медленно они сгибаются и разгибаются, как трутся друг о друга пластиковые чешуйки, слышал писк сервопривода.

Что-то не так... Всё не так, всё не так!

Пара обделённых вкусом и цветом таблеток бомбочками отправляются в рот. Парень присмотрелся к своему отражению в зеркало – проклятие, всё же, надо было побриться до отправки в сраный бункер! А здесь бритвы нет, хоть бы одноразовой. Что за сервис? Где жалобная книга!?

Сустав скрипнул снова. Едва-едва слышно, плавненько так...

Пальчик туда-сюда, туда-сюда, туда-...

Не вернулся.

Руслан открыл кран. Покрытой кожей, а не конгломератом стали и пластика рукой, он зачерпнул воду, яростно швырнул её себе в лицо. Растёр по носу, лбу, глазам.

...-сюда.

Раны почти зажили, но ещё ощутимо ноют. Новая рука почти обрела подвижность, сродни предшественнице. Нервная система почти прекратила нервничать. Мозг почти поверил в появление нового органа. Почти.

Всё – почти. И ничего не завершено!

Руслан открыл кран уже спокойнее. Подставив ладонь под охлаждающий поток, ещё раз освежил разгорячённое лицо. Взглянул в зеркало – чёрт, надо было побриться...

Мрачная фигура снежнолицей девушки возникла за его обнажённой, открытой для удара спиной. Чёрный глаз, в данный не источавший могильного сияния, будто не отражался в зеркале, словно оно было разбито аккурат напротив него.

– Нет, – не обернувшись, ухмыльнулся Руслан, – не напугала.

– Я – аватар смерти, а отсутствие страха перед смертью – признак глупца.

Руслан обернулся к возможной сестре: Мелани была одета всё в тот же скрывающий фигуру чёрный балахон из непонятного, но выглядящего плотным материала. Красивое, стоит признать, умиротворённое, но такое безжизненное лицо...

– Чего надо? Между прочим, это туалет для мальчиков. А если бы я решил уединиться не просто так?

– Я хочу узнать, действительно ли разорвана твоя связь с остальными Глазами Агнца, или ты лжёшь – ведь я тебя ощущаю.

– Чёрт, сестрёнка, я даже не понимаю, о какой связи ты бормочешь.

– Все Глаза Агнца связаны друг с другом, – Мелани подошла ближе. – Некоторые называют эту связь ментальной, но она, скорее, на духовном уровне. Мы чувствуем боль остальных членов семьи, их страх, счастье, тоску, скорбь. Любовь. Все Глаза Агнца знают, где находятся братья и сёстры, зачастую, даже что они делают в любой момент времени.

– Вон оно как, – Руслан с неподдельным интересом разглядывал стены в туалетной комнате. – Выходит, они знают, что ты скоро нагрянешь в гости, а ты знаешь, где именно их найти? Каждого из них?

– Нет. Я утратила эту связь, очень давно, раньше тебя. Но памяти я не лишилась, отсюда мои подозрения. Люди "Агхарты" собирали наших братьев и сестёр ещё детьми, а с помощью связывающих нас уз – находили остальных. Однако я сопротивлялась, боролась, старалась не дать им поймать себя, и, в итоге, моя связь с семьёй начала слабеть, и сейчас почти сошла на нет. Я ощущаю лишь самые сильные и яркие эмоции, эмоциональные потрясения, например, потерю одного из братьев.

– Потерю? Он, типа, умер?

– Марко де Луго и Тони Глатьеры – они убили одного из наших братьев, полгода назад. Неужели ты и это не почувствовал?

– Нет. Ничегошеньки.

Мелани приблизилась к Руслану совсем вплотную, словно желая увидеть силу в оболочке его правого глаза:

– Ты лжёшь.

– Возможно. Но, что насчёт того, что бы соблюдать дистанцию? Коли ты собираешься швыряться обвинениями и подозрениями, я не хочу общаться, оправдываясь, как нагадивший мимо лотка котёнок.

– Кошки глупые и не способны оправдываться за то, что сделали инстинктивно. В принципе, как и многие люди, – прежним тоном продолжила Глаз Смерти. – Но мы – не люди. Когда проявилась сила Глаза Мора?

– Да вот, меня тут недавно один хмырь грохнуть пытался... О, уверен, ты уже знаешь эту историю!

– Что ты помнишь из того времени, когда был ребёнком?

– Ну, допустим, что я был ребёнком. Ещё вопросы?

– Я не против – ты тоже можешь спрашивать меня о чём-либо.

– Ой, спасибо! – Руслан облокотился на раковину, снова принявшись поигрывать пальцами аугмента. – А расскажи мне об этом Тенабраке. Он у нас за старшенького?

– Все Глаза Агнца равны по силе и статусу в семье, однако Тенабрак с детства выделялся лидерскими навыками. Благодаря его исключительной убедительности, восемь наших братьев и сестёр решили последовать за ним, согласившись сотрудничать с "Агхартой".

– Восемь? И сколько нас таких всего?

– Двенадцать, но про двух других, я тебе, пока что, говорить не намерена – ты ещё не заслужил достаточного доверия. А что насчёт тебя, – лицо Мелани тронула улыбка, – ты с детства был тем ещё забиякой, драчуном и наглецом. Никого не слушал, не желал следовать правилам, потому тебе было тяжело довериться Городу Мудрецов. Я утратила связь в восемь лет, и не знаю, что было между тобой и остальными потом. К тому моменту, тебя ещё не нашли, и связь наша была лишь духовной.

– А что наши родители? Кем они были? Вопрос, который мучает меня больше всего, сколько себя помню.

– Ни тебя одного. У нас много теорий, но все они – лишь теории. Моя очередь. Опиши механизм действия своей силы.

– Чего?

– Я прочла в отчёте сержанта Штейн, что ты убил агхартовского наёмника Халика силой своего Глаза Мора. Я не помню, что бы ты проявлял её будучи ребёнком, поэтому, опиши.

– Может, ещё и показать?

– Бесплезно. Сила одних Глаз Агнца не действует на других.

– А я не знаю, как её описать словами! Стою такой, – и тут бац! – потом пш-ш-ш, – и всё! Трупак скрюченный лежит. Вот доказательство, кстати, что я не засланец "Агхарты" – я их перебил уже целое стадо!

– Как я и сказала, Глаза не служат "Агхарте", а лишь сотрудничают с ней. Тенабрак решил, что это будет нам выгодно.

– А почему...

– Прекрати врать мне, – прервала парня Мелани. – Все Глаза обладают значительно ускоренной регенерацией тканей и органов, потому, даже если твой мозг и был повреждён в результате чего-либо, он уже должен был восстановиться.

– Может, тебе стоит вскрыть мне черепушку, да взглянуть на него самой? – Руслан выпрямился, на полголовы возвысившись над девушкой. – Я заметил, с мёртвыми ты общаешься куда лучше, чем с живыми.

Если эти слова и задела Мелани, эмоций она смогла не выказать. Не отражающий света матовый чёрный глаз прожигал Руслана ещё с десятков секунд, после чего, она молча вышла из мужской комнаты.

Руслан помассировал лоб. Интересно, нейростимуляторы можно мешать с обезболивающим? А с алкоголем?

Вячеслав ткнул пальцем чуть сбоку центра плоской голограммы карты, на которой отображались холмы, холмы и холмы.

– Старая авиабаза американских военных: в период Третьей войны, это был важный объект, им активно пользовались, но сейчас он заброшен. Крупный самолёт, вроде нашего, должен без проблем суметь приземлиться. А здесь, – офицер подвинул палец чуть влево, – здесь потайные катакомбы в скале, внутри – резервный командный центр и радиорубка. Там и должны были укрыться наши товарищи-рейнджеры, в случае, если придётся ждать эвакуации.

– Их, что, действительно вот так бросили? – спросил Илья за всех собравшихся в кают-компании: двенадцатый отряд выстроился в две плотных шеренги, а члены шестого сбились в неровную кучку. – Они ведь наверняка послали запросы на помощь.

– Посылали, неоднократно. Но объективная реальность сейчас такова, что наше командование, запуганное инвесторами и учредителями из Совета, боится сделать лишний шаг, лишь бы не спровоцировать вооружённый конфликт. Все боятся волнений в обществе, паники среди народа, который они контролируют путём уверений в отсутствии конфликтов. Иллюзию гегемонии ORF рушить нельзя а то и так ходит много разговоров, чтобы урезать нам финансирование. Командованию ничего не стоит списать всего несколько появившихся трупов – чем меньше тел, тем меньше бюрократической волокиты и бюджетных трат.

– Краснов будет очень зол, – жалобно заворчала Катерина – единственная, кто, в силу своей недееспособности, сидела на стуле. – Нас не должно быть здесь. По документам, американцы уже похоронили всех своих разведчиков. Их родственники уже получили по веночку!

– Пусть хоронят и нас – всё равно я не намерен сидеть и безропотно ждать час страшного суда, – Вячеслав бросил на ту, чьё место занял презрительный взгляд. – Мне казалось, все поддержали меня в этом решении, или, по меньшей мере, не возражали.

По рядам прокатился вполне однозначный одобрительный ропот.

– Замечательно. Исходя из ситуации по прибытию, у нас будет две возможных задачи: если мы поймём, что разведчики обладают критически важной информацией, требующей немедленного доклада в штаб, то эвакуируем их на нашем самолёте. Топлива на обратный путь хватит. Но, если выяснится, что промедление создаст чрезвычайно опасную ситуацию, то прием силовой метод решения конфликта – вместе с американцами, вступим в партизанскую войну.

– Ты, что, выжил из ума!? – Катерина осеклась, сама удивившись такому наглому нарушению субординации. – Я думала, мы просто спрячемся здесь! Нам нельзя вступать в конфронтацию с «Агхартой», не получив ПРЯМОГО приказа из штаба!

– Мы все прекрасно понимаем, что никто нам такого приказа никогда дать не осмелится, – как-бы невзначай, вставила Мелани. – Генерал Краснов когда-то был хорошим и волевым командиром, умелым и смелым стратегом, но ныне окончательно погряз в бюрократической трясине.

– Товарищ сержант, я позволю себе сказать, – Айдахо изобразил извинение. – Какими бы ни были последствия наших действий, Вас могут отправить под трибунал.

– Мне удивиться или испугаться? – отмахнулся от андроида сержант.

– Нет, Славик. Я просто...

– Можно сколько угодно отсиживаться в траншеях – от этого война быстрее не закончится. Максим Самойлов – лучший пример человека, которому это всё осточертело. Если закрыть на проблему глаза, она не исчезнет на самом деле – это так не работает.

– Радары "Агхарты" наверняка засекут нас, если уже не засекали, – Виктория решила напомнить о себе, приняв участие в дискуссии. – Тяжело будет партизанить, или даже просто спрятаться, раз мы прилетели на такой огромной машине.

– Не волнуйтесь, Викусик, – Айдахо поспешил успокоить людей. – Всё предусмотрено: я пустил сигналы на английском языке, на небольшую площадь. Диспетчеры "Агхарты" будут думать, что американский корпус прилетел лишь затем, чтобы забрать оставшихся разведчиков, и, выполнив миссию, тут же улетит. Как известно, агхартовцы тоже избегают лишней стрельбы.

– Но убегать никто больше не будет, – неожиданно, тихий и мрачный голос Марии заставил остальных замолчать. – Только догонять. Именно за этим мы здесь – догнать, отомстить.

– Лонгсайд, – даже командирский тон Вячеслава померк от мрака в голосе девушки. – Не позволяйте жажде мести затмить Ваш рассудок.

– "Эфемероптера" здесь, – не обращая внимания на сержанта, продолжила Мария. – Эти сволочи уже не раз вмешивались в наш конфликт, поддерживая "Агхарту". Пора положить этому конец.

– Маша, – Василий осторожной дотронулся до плеча девушки.

– Я принесу тебе голову Тони Глата! – резво выпалили Эдриан. – Обещаю!

– Нет. Я хочу встретиться с ним, пока он ещё жив.

Вика отвернулась, не в силах больше смотреть и даже слышать мертвецкий тон Марии. Это была уже не та наивная девчушка, с которой она встретилась в кабинете приёма новых сотрудников менее года назад. Не та милая, слегка рассеянная симпатяжка, в которую тайно или явно была влюблена чуть ли не половина мужского состава петербургского отдела. Смерть Лизы, единственной девушки, с которой Машу связали дружеские узы, сильно сказалась на хрупкой психике девочки, на её голосе, её опущенной голове и острых плечах. А ведь это она, Виктория, работала с Логвиновой ещё в московском офисе, почти десять лет кряду, рука об руку. За одним столом ели, иногда – одной ложкой. Конечно, Вика тоже чувствовала боль и горечь утраты, но... "Видимо, я просто начала привыкать", – пронеслось у неё в голове. Это ведь то, что она хотела, чтобы сердце заасфальтировало само себя, покрылось непробиваемой серой чешуёй? Да, уже не так больно принимать очередную потерю, зато начинает тошнить от самой себя.

Рука невольно потянулась в карман, за сигаретой, когда Вика ощутила на себе чей-то пристальный взгляд.

Руслан?

Парень не сводил с неё глаз, но прочитать в них хоть что-либо было невозможно. Любопытство? Сопереживание? Злорадство?

– Ликвидация "Эфемероптера" в список приоритетных задач не входит, – решительно отрезал Вячеслав. – Есть отделы, которые занимаются поиском и устранением особо опасных стай наёмников, а отряд Кими – одна из их основных целей, ещё с тех времён, когда ими верховодил Тадеуш Зеровски. Наш враг – "Агхарта", миссия – определить их планы и найти Максима Самойлова.

– Командир, – учтиво перебил Айдахо. – Я сообщаю, что расчётное время прибытия – десять минут, сорок секунд, погрешность – пять секунд. Я рекомендую всему персоналу подготовиться к посадке.

– Вы слышали, народ. Дамы и господа, – сержант скрестил руки за спиной, прямо как квадратномордые военные, в старых клишированных фильмах о суровых вояках, – если ни у кого больше нет вопросов – по местам! Пристегнуть ремни! Дислоцируемся быстро, без проволочек! Не дадим ублюдкам лишних подозрений!

Серый стальной коготь скрипнул о камень, оставив отчётливо заметную змеящуюся борозду.

Калиптра опустила винтовку дулом к земле. Четыре с половиной килограмма стали, чуть больше метр-двадцать длиной. Оружие было в разы старше своей хозяйки, но ещё ни разу её не подвело. Всё дело в бережном уходе за всё никак не вырастающим ребёнком. Смазка, чистка, регулярное вскармливание порциями по десять патронов 7,62 на 54 миллиметра. Переважив деликатес, винтовка не против поделиться остатками со своими обречёнными жертвами.

Коготь привычно отдыхает на спусковом крючке. Глаз прижат к стеклу прицела.

Самолёт. Крупный. Военный. ORF.

Снайперша положила своё продолговатое сокровище на покрытые песчаного цвета саваном колени, нежно провела по деревянной части корпуса. По идее, надо сообщить Джеку о вражеском подкреплении, но наверняка они уже его засекли, если глушилки не мешают работе радаров настолько сильно.

Стальной коготь вновь устремился по камню, погнавшись за испуганным оглушающим скрежетом муравьишкой. Казалось, вся скала застонала от боли.

Боль. Боль...

– Мама?

Калиптра подхватила винтовку, мгновенно снимая ей с предохранителя, целясь в источник детского голоса у неё за спиной.

Никого.

Она безвольно опустила оружие, с надеждой прислушиваясь к каждому шороху в радиусе многих километров вокруг.

Очередной взгляд на медленно растущую чёрную точку в алом рассветном небе, расчёт траектории полёта.

Она точно знала, где ждать очередную жертву, возымевшую глупость вторгнуться в её охотничьи угодья.

Лондон, Великобритания

Оперный театр Ковент-Гарден

29.08.2054., 21:17

Группа темнокожих мужчин, в разномастных зелёных одеждах, – кто в цельных комбинезонах, кто в безрукавных рубашках, – заметно оживились при появлении в темноте коридора рыцарей-госпитальеров. Бойцы личной гвардии Нестора Веласкеса, дети послевоенных улиц, знающие лишь один закон – закон выживания. Мужчины весело загомонили на своём языке, не известном Анне.

– Отребье, – Триша не стала скрывать брезгливое отношение. – Неужели и я могла стать такой же?

Анна полуобернулась к своим верным гвардейцам: Триша, как обычно, держалась очень уверенно, с вызовом бросая грозные взгляды в сторону потенциальных соперников; Кевин, как обычно, заметно нервничал, втянув шею под лёгкий белый с алым панцирь. Анна не сомневалась в своих товарищах – да, именно товарищах, хотя приятельские отношения не особо котируются в подобных союзах. Впрочем, у большинства магистров союзных Орденов Папского Престола есть куда более веские причины неприязни к матроне, так что она не волновалась по поводу их мнения.

Сильный низкий контральто оперной дивы вещал о тяготах войны сквозь створки закрытых дверей; тёмный коридор же был полон голодных до крови культистов Нестора Веласкеса. Была ли им принципиальная разница, кого убивать? Кого приносить в жертву Барону Субботе? Анну тошнило, когда она читала об их богомерзкий языческих обрядах, тем не менее, соответствующая литература была ей проштудирована от корки до корки.

Безымянные близнецы – лишь эта, по древнему обычаю, разукрашенная парочка не присоединилась к улюлюканью толпы своих соплеменников. Худощавые парень и девушка с вызовом и неприязнью взирали на подошедших госпитальеров, явно не желая пропускать их внутрь.

Анна нахмурилась. От близнецов-лоа веяло смертью. На дворе давно двадцать первый век, а они выглядели первобытнее своих самых первобытных предков.

– Это ложа принадлежит Пурпурной Вуали, – спокойно начала Анна, обращаясь к стоящими по бокам от дверей близнецам. – Не знаю, что вы здесь делаете, да мне и всё равно, но мы собираемся войти.

Жуткий череп сестры-лоа расплылся в отвратительной улыбке. Переведя взгляд с Анны на её спутников, они подмигнула Кевину, облизнув верхние зубы.

– Л-леди Анна, – Кевин хлопнул носом, поёжившись, – Вы точно уверены, что это... Ну... Может, не..?

– Я очень надеюсь, что вы не собираетесь мешать нам, – не обращая внимания на всхлипы телохранителя, продолжила магистр.

Медленно проговорив что-то на удивление учтивым тоном, на гаитянском креольском языке, брат-лоа встал между мальтийцами и входом в оперный зал. Возможно, он надеялся, что выразился достаточно понятно, что, однако, правдой не являлось.

– Я не понимаю, что ты говоришь, грязное животное, – Анна ответила на общеанглийском, не желая лезть в карман за девайсом-переводчиком, – но я требую, что бы вы убрались с нашего пути.

С десяток культистов, больше похожих на средневековых пиратов, не переставая смеяться, начали сжимать кольцо вокруг троицы рыцарей. Триша ухватилась за рукоятку меча, что висел на поясе. Анна несколько не сомневалась в её решимости применить оружие, но хотелось бы обойтись без кровопролития.

– Леди Анна, – взмолился Кевин, – позвольте...

– Говорю в последний раз, – Анна не выказала «пиратам» нахлынувшего на неё опасения, скорее, за жизнь своих телохранителей. Всё же, тронуть её саму они бы не посмели. – Дайте. Нам. Пройти.

Безымянный мужчина поочерёдно указал пальцем на Тришу и Кевина:

– Они. Здесь.

– Нет, моя леди! Я не отпущу Вас одну! – Триша едва сдерживалась, чтобы не рвануться в драку, и всё сильнее стискивала рукоять своего полуторника.

– Да и Вы, пожалуйста, не оставляйте нас, – добавил Кевин, чувствуя себя крайне неудобно под пожирающим его взглядом сестры-лоа.

– Они войдут со мной, – Анна тараном попёрла на "скелета". – И мне окончательно опротивело ваше общество!

В последний момент, лоа отступил в сторону. В спину рыцарям донеслось ещё несколько непонятых то ли угроз, то ли насмешек.

Женщина в тёмно-зелёной военной форме уже лежала посреди сцены, под холодным светом многочисленных софитов, истекая бутафорской, вычурно яркой кровью. Её псевдомучениями наслаждались сотни пар глаз, голодных до чужих страданий, но боящихся себе в этом признаться. Маленький мальчик, в грязных лохмотьях, чахоточного вида, но с поразительно звонкими фальцетом, склонился над своей на самом деле не мёртвой, на самом деле не мамой. Представление было в самом разгаре, и тишина в зрительном зале была прямо противоположна синтетическим звукам войны, в которую играли люди на сцене.

Удивительные создания – люди! Мало им войн настоящих, так они ещё и сами их выдумывают, обрамляют в красивые романтические рамочки, заворачивают в блестящую фольгу из несуществующих подвигов. Те подвиги, что реальны, – слишком жестоки, а их подноготная, зачастую, слишком грязная, чтобы вот так показывать её на сцене. Находишь на улице самого грязного бездомного, отмываешь его, даёшь новую чистую одежду, и вуаля! – у нас кристально чистое отождествление храбрых членов ORF во время ужасной кровавой войны, что затеяли экстремисты "Агхарты".

Издаലെка, Анне показалось, что мальчик плачет по-настоящему. "Просто хороший молодой актёр", – успокоила она себя.

Ложа Пурпурной Вуали, отколовшегося от мальтийских рыцарей тайного женского общества, более не внемлющего Папскому слову, в этот вечер не пустовала: Моргана нашёптывала что-то на ухо лидеру культистов, сеньору Веласкесу, от чего оба заговорщески смеялись. Стоявшая слева от Морганы девушка первой повернулась к госпитальерам. Анна увидела завязанные в короткий хвостик рыжие волосы и торчащую из-за спины чёрную рукоять длинного меча с серебристой гардой.

– Приветствую тебя, Искандера, – в первую очередь, подняв правую руку, Анна поприветствовала именно молодую послушницу.

– Леди Анна, – девушка ответила угрюмо, учтиво склонив голову.

– Всё ещё носишь Старнессар? Ухаживаешь ли ты за сим проклятым клинком, утоляешь его голод по душам грешников?

– Всё чаще, последнее время. Но он по-прежнему плохо меня слушает.

– Надеюсь искренне, что это скоро изменится, – магистр перевела внимание на встающего, но продолжающего хищно улыбаться Нестора. – Сеньор Веласкес. Рада Вас видеть, и попрошу уйти.

– Видимо, намечается серьёзный разговор, как у матери с дочерью, – Моргана прыснула, в ответ на ехидное замечание мужчины. – Что ж, видимо, мне придётся вернуться на своё место, чтобы насладиться финалом оперетты.

– Разговор действительно серьёзный, уж не сочтите мою бестактность за оскорбление.

– Ни в коем случае, моя леди, что Вы, – Нестор неспешно подошёл к женщине, галантно взял её за руку и, приклонившись, поцеловал запястье. – Я искренне надеюсь, что когда-нибудь и Вы составите мне компанию при просмотре подобного представления. Знаете, я нахожу их очень увлекательными. В моей стране иные представления об искусстве, но я эскалирую ассимиляцию в этой области.

– Возможно. Но сейчас у меня нет праздного времени. И будьте так любезны – прикажите своим людям постирать свои лохмотья.

Не снимая с лица улыбающейся маски, темнокожий мужчина снял со стойки шляпу, похожую на котелок и, надев её, покинул ложу. Анна, наконец, смогла расслабиться: мрачный мужчина и витающие вокруг его культа слухи, приходилось признать, немного пугали её. Не

стоило пускать его в Совет, даже несмотря на вклад в охоту на "Агхарту" и тот факт, что именно на его землях появились Глаза Агнца.

Да, всё так: чтобы не провоцировать конфликт с древним и опасным культом, от которого совершенно не ясно, чего ожидать, и иметь возможность изучать место появления сверхъестественных существ с магическими глазами, Советом было принято решение принять в свои ряды варваров. Компромисс достигнут.

– Не знала, что ты любишь оперу, – Анна подошла к краю бенуара, опершись спиной о спинку освободившегося кресла, обитого фиолетовым бархатом.

– Решила ощутить себя в твоей коже, так сказать. Все эти светские рауты, чайные церемонии и прочее... На сегодня выбрала са-амую нудную программу во всём городе. А ведь я знаю, как минимум, десяток способов провести этот вечер значительно веселее, – Моргана повернулась на кресле, не вставая, закинула ногу на ногу, обнажая голень, оглядела телохранителей бывшей наставницы. – Сестра! Как поживаешь? Не надумала сменить келью на что-нибудь более экстравагантное и удобное?

– Я никогда не предам Орден, Моргана, – плохо сдерживая гнев, ответила Триша. – Все ошибки, которые я совершила – я уже совершила, новых не будет.

– Молодец! Как по учебнику. А что насчёт тебя, Кевин? – корейка улыбнулась единственному мужчине в ложе. – Мы принимаем только девочек, но, разумеется, для тебя можем сделать исключение.

Рыцарь судорожно сглотнул, не найдя, что ответить, или просто не решившись.

– Если закончила с любезностями, – Анна присела на бывшее место Веласкеса, – то, как ты уже наверняка догадалась, я пришла поговорить по делу.

– Если бы ты пришла на шоу, то поторопилась бы к его началу. Внимаю.

– У меня есть основания подозревать спикера Натаниэля Чарджа в пособничестве "Агхарте". Уж не знаю, предал ли он нас полностью, и передаёт врагу стратегически важную информацию, или торгует оружием и иными товарами с их наёмниками, но это необходимо выяснить и покарать его.

– Так-так. Кажется, я видела в буфете кого-то из ORF...

– ORF! – тут же вспыхнула Анна. – Нет им веры моей, да и, в любом случае, у них сейчас полно других важных дел.

– Коими, судя по твоим словам, они занимаются из рук вон плохо, – Моргана взглянула на свою спутницу, но Искандера не выражала заинтересованности в беседе.

– Они не станут слушать меня, – продолжила Анна. – Пойти против избранного спикера Совета, одного из основных инвесторов? Они слишком трусливы и жадны для этого.

– Так что же ты хочешь от меня?

– Один источник сообщил мне...

– Что за источник?

– Я не могу тебе сказать.

– Анна, – Моргана улыбнулась, но при этом тяжело вздохнула. – Давай говорить открыто: мы с тобой в абстрактной ссоре, у нас возникло недопонимание, и ты мне больше не доверяешь. Конечно, у тебя на то есть основания, и не то что бы мне не было всё равно, просто... Почему ты пришла просить помощи именно ко мне?

– Потому что одно я знаю точно – ты не станешь пресмыкаться перед надвигающимся на всех нас игом "Агхарты", – Анна, не очень успешно, постаралась придать голосу уверенный и рассудительный темп. А ведь ещё совсем недавно, она всерьёз обдумывала передать Моргане бразды правления, вверенным ей некогда любимым мужем, Орденом. – Я больше не могу называть тебя сестрой, но точно знаю – ты не плохой человек, хоть у нас и, как ты выразилась, возникло недопонимание.

– Вы растрогали меня, моя леди, – то ли в шутку, то ли абсолютно серьёзно, ответила Моргана. – Ладно. Больше не стану перебивать.

– Мой информатор сообщил мне, что в фамильном особняке Чарджа, здесь, в Лондоне, в скрытой папке на его офисном компьютере хранится важная информация, которая может доказать его прямую связь с Городом Мудрецов. Помимо этой папки, уверена, там можно найти и другой компромат – документация, фото, может, карты памяти...

– И?

– Папка будет называться "Claire". У Мальтийского ордена есть агенты, но их методы здесь не подойдут. Моргана, прошу тебя – направь кого-то из своих сестёр обыскать поместье Чарджа и скачать эту папку с его компьютера. Мы должны узнать правду!

– Почему я должна рисковать кем-то из сестёр из-за твоих предположений и личной неприязни к Чарджу? Мне совсем не хочется испортить отношения с Советом, в который я с таким трудом пробилась, обворовав их спикера. Не лучше ли нанять подходящих для этого наёмников? Тем более, мы даже не знаем, что искать! Скрытая папка... Ты предлагаешь мне стащить у него вообще все бумажки и компьютеры?

– Я не стану даже разговаривать с наёмничьей сворой! Уверена, опытный шпион сразу поймёт, что нашёл то, что нужно. А ты как раз увела с собой несколько таких рыцарей.

– Анна...

– Я прошу тебя о помощи не только во благо мира и справедливости, но и в память о нашей дружбе!

Люди на сцене сменились: те, кто был в серых, мятых одеждах, пародии на униформу "Агхарты", с трудом отбивались от теснящих их людей в униформе света синего. Миловидная высокая девушка пела о жертвах во благо, о павших мужах и ждущих их дома жёнах. Анне вспомнилось, что данная опера подвергалась критике некоторых недовольных людей – ведь дома солдат ждали не только жёны, но и мужья! Двадцать первый век, ей-Богу!

– Ты ужасного обо мне мнения, – спустя пару минут молчания, заговорила Моргана. – А я, признаться, чувствую себя тебе немного обязанной. Ты нашла меня, помогла встать на ноги. Как никто другой, повлияла на то, кем я являюсь сейчас. А кем бы я была, если бы не Орден, если бы не ты? Не хочу даже думать об этом. Я покинула вас по той причине, что тоже хотела как лучше для всех нас, но лучше – в собственном понимании. Я так поступила вовсе не потому, что хотела просто позлить тебя, Анна.

– Уверена, это тоже имело место быть.

Женщина на сцене пала замертво, сражённая шальным патроном, но – о чудо, чудо! – продолжала петь!

– Если только совсем чуть-чуть. Хорошо. Я займусь этим, но ничего обещать не могу. Сейчас же выберу сестру для выполнения миссии.

– Благодарю, Моргана, от лица всего Мальтийского ордена, – Анна выдохнула. Что это? Наконец, успех? – Решать, конечно, тебе, но позволю заметить – Кайто отлично подошла бы для столь деликатной операции. Она всегда была специалистом не только по холодному оружию, но и в скрытных проникновениях.

– Ах, да, ты ведь не знаешь, – горько усмехнулась Моргана. – Кайто мертва.

– Что!? – Анна вскочила как ужаленная, переводя взгляд с Морганы на Искандеру и обратно. – Как? Когда это случилось?

Моргана молча кивнула на молодую послушницу.

– Леди Анна, – заговорила Искандера, обернувшись к остальным, – это правда. Моя наставница была убита на дуэли мужчиной, по имени Руслан Резнов, во время недавней бойни в Санкт-Петербурге.

– Резнов? Щенок, которого подобрала ORF? Вероятный Глаз Агнца? Но как?

– Кайто внедрилась в ряды "Агхарты", по велению госпожи Морганы, чуть больше семи месяцев назад. Спустя некоторое время, мы перестали получать от неё доклады, даже предположили, что она была раскрыта и казнена, или же сама покончила с собой, чтобы не выдать наши секреты, – Искандера держалась молодцом, но было заметно, что ей тяжело говорить о смерти наставницы. – Позже, наши агенты сообщили, что видели Кайто вместе с агхартовцами на тайной встрече в Париже. Если честно, я отказывалась в это верить... Так или иначе, во время нападения Халика на Санкт-Петербург, она подняла свой клинок за него, вступила в бой с ORF и Резновым... и проиграла.

Анна бессильно осела обратно в кресло:

– Где её тело?

– Мы забрали его у ORF и кремировали. Урна с прахом покоится в крипте Вуали.

– Сначала она предала тебя, а потом и меня, – Моргана делала вид, что следит за опереттой, хотя зрочки её не двигались. – Иронично. И, да, как и ты сейчас, я была удивлена не только её изменой, но и тому, что одна из лучших мастеров клинка нашего времени проиграла безродному бродяге. Этот Руслан не так прост, как старался показать себя Совету. Другим он, может, и запудрил мозги, но ведь не нам с тобой?

– Я скорблю сей утрате вместе с вами, – проронила Анна, собравшись с духом. – Возможно, у неё были причины так поступить. Боюсь, теперь мы не узнаем истины, предала она нас, или нет.

– Однако, в анналы Вуали, мы запишем именно предательство.

– Мне нужно время, чтобы обдумать это, – Анна встала, на пошатывающихся ногах направилась к таким же потрясённым рыцарям-стражам. – В любом случае, это ничего не меняет. Исполни мою просьбу.

– До свидания, Анна, – Моргана не посмотрела вслед уходящей собеседнице. – Мне тоже больно, но, прошу, не вини себя в этом. Я же не виню.

Тёмный коридор был пуст и тих – скорее всего, культисты ушли вслед за своим лидером.

– Поверить не могу, – не выдержала Триша. – Кайто! Она ведь была живой легендой, Драконом Белых Лесов! Её катана оборвала столько жизней неверных, что не счесть!

– Всегда помни, – Анна вернула властный тон, – что в предательство Морганы ты тоже поверила далеко не сразу.

– Искандера! – позвала послушницу Моргана.

– Слушаю Вас, госпожа.

– Ты слышала, что сказала Анна. Не знаю, что у неё там объявился за информатор, но я большим наслаждением поглядела бы на жирную морду Чарджа, правда, только через решётку. А ещё лучше – насаженной на кол.

– Каков будет Ваш приказ?

– Не строй из себя дуру, меня это раздражает. Ступай, готовься к выполнению миссии. Этой ночью ты проникнешь в цитадель похоти и алчности Чарджа, и найдёшь то, о чём говорила Анна.

– Будет исполнено, госпожа.

– Искандера! Сначала сообщишь о находках мне, а уже потом отнесёшь найдённое госпитальерам.

– Как пожелаете.

– И, да, вполне вероятно, после миссии тебе придётся остаться с ними.

– Что? Госпожа, я не понимаю... Почему?

– Ты знаешь, почему. Кайто мертва, а никто другой из сестёр не возьмётся закончить твоё обучение, по крайней мере, пока ты носишь Старнессар. Однако такой наставник может найтись среди наивных рыцарей Анны.

- Госпожа, моя жизнь – служение Вам и Пурпурной Вуали.
- Не обманывай хотя бы себя. Мы обе знаем, что ты пошла за Кайто, а не за мной.

Глава 6

Провинция Кунар, Афганистан

30.08.2054., 09:23

Самолёт ускорял своё движение, будто проспал и боялся опоздать на работу, однако вскоре набор скорости должен был прекратиться – экипаж и пилоты уже вовсю готовились к посадке.

– Повторяю! Я – не паникёр! – Руслан крепко вцепился в обитые резиной поручни, приваренные к железной вертикальной стойке в десантном отсеке. – Но вы точно, вот прямо точно уверены, что посадочной полосы хватит? Или, что поле не заминировано? Или, что нас не ждёт делегация, до зубов вооружённая отнюдь не хлебом и солью?

– Русланчик, я Вас уверяю, Вам не о чём беспокоиться, – не смотря на ощутимую тряску, Айдахо уверенным шагом прохаживался среди стоящих в десантном отсеке людей, крепко обхватывающих защитные поручни, проверяя крепления. – Я не обнаружил никаких опасностей для самолёта или пассажиров, в конце или на самой посадочной полосе. Я признаюсь – сканирование затруднено из-за электромагнитного купола, но я провёл тщательный визуальный осмотр. Мои визоры имеют почти двухсоткратное увеличение.

– Визуальный осмотр!? Ты шутишь, да? И не называй меня Русланчик!.

– Какое обращение Вами предпочитается?

– Не знаю... Сэр, господин, милорд! Я книжек не читаю, в высшем обществе не являюсь, откуда мне знать, кто как кого зовёт!

– Хорошо, сэр, господин, милорд.

– Да что ж тут хорошего...

– Получаю ответный сигнал, судя по сигнатуре, от американских разведчиков, – Илья щёлкнул тумблером, готовясь к посадке, сидя в кресле второго пилота. – Но он совсем слабый, не могу ничего разобрать. Может статься, что это ловушка.

– Скорее всего, наши подозрения верны, – вторил оперативник с места основного пилота, инженер двенадцатого отряда. – "Агхарта" установила сеть глушилок по всей близлежащей территории, которые образовали электромагнитный купол. Он-то и мешает работе всех систем, в том числе, дальней связи. Неизвестно, как далеко придётся отойти, прежде чем удастся переслать сигнал о помощи.

– Придётся обойтись без пресловутой дальней связи, и надеяться на собственные силы. Ну и ладно, где наша не пропадала, да? Русские же, прорвёмся!

– Я белорус.

– Да все мы... Славяне! Братя! – предательская рябь резанула по горлу связиста, добавив неуверенности в его голос. – Если сможем развернуть самолёт и взлететь, будет неважно, что со связью.

Шасси многотонного летучего монстра шаркнули по бетону первый раз, поднимая клубы уютно спящего многолетним снов песка. Да уж, авиабаза давненько не приветствовала гостей, да и сейчас не особо была им рада. Резина лизнула бетон второй раз, третий, и окончательно прильнула на четвёртый. Быстро сбавляя инерционный темп, самолёт покатился меж скелетов пустующих ангаров с прохудившимися крышами.

– Думаете, "Агхарта" нас не встретят? – спросил кто-то из собравшихся в десантном отсеке.

– Вряд ли. Да они бы и не успели выслать патруль! Их системы обнаружения ведь тоже барахлят!

– Ага. Не факт, что они нас вообще заметили.

– Да и зачем им атаковать нас? Они будут считать, что это американцы прилетели за своими, а в лишние конфликты они не полезут.

– Благослови Бог негласный пакт о ненападении!

– О лишнем ненападении! – люди дружно, но заметно нервничая рассмеялись, стараясь хоть немного приободриться перед встречей с неизвестностью.

– Очень жаль, если они окажутся такими трусами, – Эдриан сказал это тихо, но так, чтобы стоящая рядом Виктория услышала. – Не терпится окропить клинок их кровью.

– Успокойся. Откуда в тебе такая кровожадность? Мы не воевать прилетели, – Вика всегда переживала за паренька. С момента первой встречи, она поняла – не ходить им на пикники, после выхода на пенсию, да и сама-то она вряд ли до неё доживёт. Дело даже не в том, что пенсии, после Третьей войны, отменили для всех, кроме военно- и госслужащих – просто, где вы видели добровольно ушедшего на пенсию военно- или госслужащего?

– Ты права. Не воевать. Мстить.

– Эд... Марии сейчас, как никогда прежде, нужна поддержка. Опора. Сильная мужская рука, хоть бы и железная. Ты не можешь позволить себе умереть ради мести. Жить надо ради живых.

– Мне бы твою рациональность! Вот и поддержи её! А я всё равно не умею.

– Ну, придётся, значит, научиться чему-то кроме как махать куском железа! Если ты её, конечно, действительно любишь.

– Виктория, – едва заметная рябь, словно электрический разряд, пробежал по лицу молодого человека, – я в отчаянии! В последнее время у меня совсем ничего не выходит. Я чувствую себя совершенно не готовым! Как было раньше? Там – парочка отбившихся от группы агхартовцев, там – парочка наёмников-психопатов... А теперь... Я боюсь, что мы столкнулись с врагом, которого не одолеть нашими силами. Я только и делаю, что проигрываю, все последние схватки!

– Как и все мы, парень. Но знаешь, что? Пора завязывать. Эту миссию мы выполним, а после – пригласишь Машку отужинать вместе. Я подберу для вас хороший ресторанчик, меню которого не ударит по карману оперативника ORF.

Виктория и Эдриан переглянулись, смущённо улыбнувшись друг другу.

– Девушку позвать на ужин – это тебе не на танк с мечом в руках кинуться, да? Этому вас не учили?

– Возможно, я прогулял это занятие.

– Похоже на тебя.

Самолёт остановился неподалёку от края посадочной полосы, распугав семейство мелких степных зверьков, вроде бы, лис. Пещера, которая должна была служить убежищем разведчиков американского корпуса, виднелась в паре сотен метров к западу.

Вячеслав первым отпустил пневмокрепежи, расстегнул ремни безопасности, схватил автоматическую винтовку, запрограммированную на его отпечатки пальцев, из оружейного шкафа и поправил передатчик в ухе:

– Отряд, слушай мою команду: выгружаемся быстро, без лишних слов, три человека в ряд! Шенко, Уиллоуби, Гадаев – остаётесь в самолёте, с пилотами. Сержант Кадавр – за старшего. Даю Вам шанс на реабилитацию.

– Есть, сэр! – хором пробасили ребята, похожие на трёх богатырей из русских сказок.

– Так точно, – мрачно вторила им Катерина, держась рукой за разболевшиеся после приземления переломанные рёбра.

Вика встала третьей к Вячеславу и Ольге, когда остальные уже выбегали из, на удивление, тихо и плавно отворившегося заднего шлюза:

– Неужели "Агхарта" позволит нам просто забрать этих людей?

– Штейн, – Вячеслав сосредоточенно смотрел в спину своим людям. – Когда Вы, в последний раз, реально сражались с агхартовцами? Я имею ввиду, на поле боя, а не на бумаге или в виртуальном моделировании.

– Не считая вчерашнего? Три года назад, ещё до того, как меня сунули вглубь кроличьей норы, ведущей в страну не чудес, но бумажек и телефонных звонков.

– Вопреки распространённому мнению, "Агхарта" не стремится лишней раз обмениваться выстрелами, – пояснила Ольга вопрос командира. – Не смотря на редкие вспышки их активности буквально по всему миру, их основные силы сидят по укреплённым крепостям и носа не высовывают.

– Значит, полковник Оруэлл и подчинённые ему разведчики приставлены сюда, как раз за тем, чтобы следить за местной базой "Агхарты"? Чтобы Харроу не проявлял особой активности?

– Никто не хочет терять людей и патроны. Да, Виктория, Вы правы.

– Вот же... – ухмыльнулась девушка. – Враг у нас под носом, а мы ничего не предпринимаем.

– Допринимались уже, в своё время, – съязвил Вячеслав, что было для него нетипично. Троица выбежала из самолёта последней – створки тут же захлопнулись.

Оперативников, посмевших покинуть более-менее прохладную утробу самолёта, тут же обдало жаром вечно белого солнца Афганистана. Их бронекостюмы, хоть и могли согреть носителя, но вот хоть немного охладить – отнюдь. Пот заструился по лбам, неприятно приклеил одежду под мышками. Особенно сильно огорчились те мужчины, кто обладал от природы повышенным тестостероном, как следствие – волосатостью ног, груди, спины. Но все как один подивились, не увидев собственных теней – казалось, солнце выжгло даже их, что, пусть и отчасти, являлось правдой.

– Лети, дружок, – Айдахо дёрнул плечом, на котором, всё это время, сидел Мотыль. Пролонговатый разведбот взмыл высоко в небо, имитируя взмахи пластиковыми крыльями.

– А оружие у него есть? – спросил один из оставшихся в живых оперативников шестого отдела. Лицо парня до сих пор было окрашено в пурпурно-багровый оттенок, служащий напоминанием о побоях.

– Оно ему без нужды, – Айдахо, казалось, с любовью наблюдал за облетающим окрестности маленьким роботом. – Это разведывательная модель. Оптика его визоров сделана в Германии, и обладает самыми разными спектрами и возможностями для обнаружения противника: движение, колебания, звуковые волны, инфракрасная термография. Я, можно так выразиться, вижу его глазами, а если точнее – изображение с его визоров и показатели его датчиков без задержки передаются мне.

Старая, обветшавшая, почти полностью разворованная ещё во время войны (всё мало-мальски ценное американцы забрали с собой) авиабаза оживилась: наконец-то её альковы посетили не только на что-то надеющиеся мародёры, да дистрофичные голодные зверьки, но и настоящие солдаты! Люди разбрелись по двум ближайшим полуразвалившимся ангарам, осматривая их и оценивая свою позицию, в случае внезапного нападения. Всегда нужно быть готовым отразить атаку противника, даже если обычно вы только скалитесь и рычите друг на друга.

– Я думал, мы в Афганистане, а не в Африке, – заметил Руслан, утирая пот со лба. – Это же пустыня! У кого-нибудь есть панамка?

– Афганистан никогда не славился приветливым климатом, – пояснила Ольга. – А активные боевые действия на его территории только сильнее усугубили проблемы экосистемы.

– Товарищ сержант, Мотыль фиксирует две приближающиеся тепловые сигнатуры, – Айдахо подошёл к проверяющему сигнал передатчика Вячеславу – связь жутко сбоила, даже на малой дистанции. – Двигутся со стороны центра связи. Судя по габаритам, люди.

Вячеслав отдал рукой сигнал – объединённый отряд двинулся на выход меж почти отвалившихся стальных ворот ангара, когда-то служившего фешенебельным отелем для военных самолётов.

– Всего двое, уверен? – шёпотом, будто опасаясь, что противник услышит с такого расстояния, переспросил сержант.

– Так точно, командир. Остальные немногочисленные сигналы в радиусе трёх километров слишком малы – я полагаю, что это мелкие млекопитающие. Животный мир Афга...

– Занять позицию, оружие в боевой режим! – Вячеслав махнул рукой в сторону нагромождения стальных поломанных контейнеров, цинковок и прочего мусора, и сам укрылся за пустым ящиком, судя по выцветшим обозначениям, для перевозки продуктов питания. Прикосновение указательным пальцем к маленькому экранчику чуть выше спускового крючка – винтовка ответила щёлчком, оповещая владельца о готовности к ведению огня.

Скользя по песку и камням с небольшого пригорка, к аэродрому действительно приближались два человека. В их некогда тёмно-синих (теперь уже тёмно-грязных) одеждах узнавалась униформа ORF. Двигались они быстро, слегка пригнувшись, рывками, от одного более-менее крупного камня к другому.

– Наши? – спросил кто-то из оперативников. – Скауты?

– Всего двое?

– Остальные, возможно, в пещере. Сколько их тут всего должно быть?

– Командир, – Ольга подседа к Вячеславу, почти прижавшись к его плечу, – надо скорее выйти им навстречу. Что если у них есть раненные, но нет медика? Знаю я этих разведчиков: они и элементарной гигиеной-то любят пренебречь, не то что медикаментами.

– Хочешь первой высунуться? – Вячеслав грубо осадил подчинённую. – Словить пулю, оставив без медика и нас? А если это приманка?

– Блин... Блин!

– Отставить. Успокойся. Я разберусь.

Калиптра медленно провела коготком по прикладу, оставляя борозду на более старой борозде, оставленной на ещё более старой борозде.

Двое. Бегут. Неосторожные. Пристрелить? Нет. Голова. Среди мусора. Ещё голова. Ещё одна. Пристрелить? Нет. Нужен командир. Потом насладиться отстрелом никчёмной пехоты. Что за существо? В воздухе? Птица? Не похоже на птицу. Бот? Пусть рыскает. Тщётно.

Песчаный саван снайперши буквально слился с такого же цвета песком. Впрочем, она уже давно стала с пустыней одним целым. С высоты скалистого выступа, ей открывался прекрасный вид на охотничьи угодья.

Спустя пару минут, незнакомцы пересекли песчаную границу, ступив на поколотый временем асфальт. Оба тотчас подняли руки, словно сдаваясь, показывая, что не вооружены.

– Я пошёл, прикрывайте, – Вячеслав вышел из укрытия. – Штейн.

– Да? – бойко отозвалась Виктория.

– Отставить. Лихачёв. Ты за главного, если меня убьют.

– Есть, сэр! – на американский манер ответил кто-то позади Вики, один из бойцов двенадцатого отряда. Вика припомнила, что к подавшему голос блондину товарищи обращались по имени Эрнест, и в отряде он был вторым, после Когановича.

Не опуская оружия, Вячеслав выпрямился, и направился навстречу незнакомцам:

– Назовите себя!

– Уот? Рашнс, сириусли? – шедший чуть впереди темнокожий мужчина приложил палец к уху, включая переводчик. – Рад вас видеть, конечно, но почему здесь ВВ!?

– В каком смысле? – переспросил Вячеслав, повторив жест коллеги.

– Почему помощь прислал российский корпус, а не наш? Стоп. Вы вообще забрать нас прилетели, или нет?

– И да, и нет. Никто нас не присылал, мы прибыли по собственной инициативе, так сказать, действия наши останутся вне протокола. Вы должны понимать – нам же запрещено провоцировать "Агхарту" на вооружённый конфликт. Вячеслав Коганович, старший сержант, двенадцатый оперативный отряд российского корпуса ORF.

– Аарон Хендрикс, старший сержант разведотряда "Ферретс", точнее, того, что от него осталось, – американец кивнул на товарища, коренастого светлокожего мужчину лет тридцати пяти. – Нас тут знатно потрепали. Много вас?

– Два десятка стволов. Не знаю, сколько у нас времени, поэтому поторопимся – обсудим ситуацию в нашем самолёте или в вашем убежище?

Вот он. Командир. Да, точно. Выправка выдаёт. Отрывистая речь. Суровый, вечно недовольный взгляд. Не новичок. Ещё одна жертва. Кусок свинца сотрёт грань между солдатом и его командиром.

Калиптра не спеша положила коготок на фиксирующее кольцо, слегка крутанула барабанчик, настраивая оптику.

– Предлагаю переместиться к нам, в центр связи, – ответил Хендрикс. – Всё равно мы не можем покинуть страну сейчас.

– Принял. Отряд! – Вячеслав резко обернулся к начавшим покидать импровизированные баррикады оперативникам, и только это неожиданное движение и спасло ему жизнь: безумно ревушая от ненависти ко всему мягкому и живому, двадцатиграммовая пуля резанула его шею, устремившись дальше, надеясь найти ещё одну добычу, взамен упущенной. Кровь брызнула на лицо и форму, перекрашивая её из синего в красный, окропляя так долго страдавший от жажды асфальт.

– Охотница! – темнокожий американец повалил раненного коллегу, стоявшего в ступоре, ибо мозг ещё не успел осознать, что пора почувствовать боль, на землю. – Назад, русские, назад!!!

Объединённые шестой и двенадцатый отряды слегли за хрупкие ненадёжные укрепления. Хендрикс с товарищем рывком поволокли зажавшего свою рану Вячеслава к остальным.

Этот темнокожий. Помню тебя. Повезло – пережил одну пулю. Раньше такое случилось совсем редко. Теперь всё чаще. Две пули для одной цели? Много чести. Проклятые американцы. Ненавижу. Прикрыл недобитую цель. Второй. Слишком глуп, чтобы жить.

Калиптра спустила курок второй раз.

Голова светлокожего американского разведчика взорвалась, будто новогодняя хлопушка или пиньята, но конфетти были отнюдь не весёлого праздничного цвета. Он должен был быть расторопнее, но секундная задержка, взгляд на далёкую скалу, предполагаемую позицию стрелка... Эх, учили же вас, что это плохая идея...

Аарон Хендрикс в одиночку дотащил скрипящего зубами Вячеслава на его прежнее место, и сам прижался к земле, с ужасом взирая на распластавшееся тело товарища.

– Слава, Господи! – Ольга прильнула к командиру, одной рукой роясь в набедренной суме, другой глядя его по щеке, словно давнего любовника. – Я сейчас, сейчас!

– Успокойся! – повторил мужчина, кажется, своё самое любимое слово, проведя грязной ладонью прямо по открытой ране. – Не глубокая. Антисептик и регенератор.

– Командир, как Вы!? – крик откуда-то слева.

– Снайпер! Где он!?! – Эдриан, зачем-то, выхватил меч.

– Я в порядке, чёрти бы вас драли, все вниз! Не высовываться!

Ольга наконец нащупала нужный препарат: маленький бежевый баллончик антисептика очутился в её тонких, но огрубевших от столь хлопотной работы руках. Через мгновение, струя белой смеси ударила в шею морщившегося Вячеслава – кровь зашипела, растворялась, приобретает белый цвет, а кожа затянулась светлой плёнкой.

– Калиптра, – Вячеслав схватил за рукав удручённого американского сержанта. – Это точно она?

– Она самая... Вечная Охотница. Ты счастливчик, командир – после её выстрела, выживают в одном случае из тысячи.

– Сожалею о твоём товарище. Мне... Мне жаль.

– Верю. Но сейчас не время оплакивать павших – надо срочно придумать, как нам отступить в убежище в скале или в ваш самолёт.

– О чём вы? – вмешалась засевшая неподалёку Виктория. – Если она такая мелкая, как о ней рассказывают, то до скалы добегут лишь те, на кого у неё не хватит патронов!

– Но и оставаться долго здесь, в укрытии – не вариант, – Айдахо прятался, как и люди. – Судя по данным в моей базе, Калиптра наслаждается долгой охотой в одиночку, при этом, зачастую, даже не докладывает своему командиру, генералу Джеку Харроу. Но, если мы так и останемся за укрытием, она вызовет в подкрепление других агхартовцев, а их здесь может быть очень много.

– Что там происходит!?! – не смотря на травмы, Катерина ворвалась в кабину пилотов. – Убитые есть!?

– Кажется, да! – Илья истерично водил по тусклой приборной панели, не в силах придумать как и чем помочь товарищам. – Бл*дь! Надо открыть им шлюз!

– Нельзя! – вмешался второй пилот. – Коганович настрого запретил любую инициативу! Ждём приказа!

– Ты, что, предлагаешь сидеть тут, как крысы, даже если всех наших там перестреляют!?

– А если мы откроем шлюз, и сюда ворвутся агхартовцы?

– Идиот! – с заметной хрипотцой в голосе, но властно, как и прежде, прервала спор Катерина. – Стрелял снайпер, понятно же по звуку! Я за старшего! Открой шлюз!

Створки шлюза начали стремительно отворяться.

– Вашу ж маму, – выругался Руслан. – Плакал наш эффект неожиданности.

– Мелани, можешь сделать что-нибудь? – отдышавшись, спросил Вячеслав.

– Нет, она слишком далеко, – Глаз Смерти прижалась спиной к стальному контейнеру с облупившейся краской, обкрошившейся ей на плечи. – Ты же знаешь – моя сила действует лишь в зоне видимости.

– Айдахо, варианты, – сержант поправил порванный воротник, испачканный в крови.

– Слава, осторожно, – взмолилась Ольга. – Плёнка ещё не окрепла...

– Командир, я предлагаю вариант, единственный, что видится мне достаточно приемлемым, – Айдахо отбросил дружелюбный наивный тон. – Приблизительное расстояние до позиции снайпера, ориентируясь по звуку выстрела, – два километра, триста метров. Наше оружие не эффективно. Я могу приказать Мотылю взять снайпера на таран.

– Что!?! И это наиболее приемлемый вариант!?

– Командир, послушайте! Данная модель не имеет никаких иных способов атаковать цель, кроме как врезаться в неё. Если скорость и сила удара будут достаточно велики, то велика вероятность, что бот сможет даже убить её, раздробив кости – такие случаи уже имели место быть.

- А если она попросту собьёт его?
- В таком случае, Мотыль хотя бы выиграет нам время. Время на выстрел по нему, плюс перезарядка, плюс наводка на следующую цель.
- Вячеслав, – нетерпеливо позвал Хендрикс, – в центре связи остались мои люди. Я не побегу с вами до самолёта. В любом случае, мы не можем сейчас покинуть страну.
- Но до самолёта значительно ближе.
- Вы – командир, как и я, значит понимаете, что я несу ответственность за своих товарищей. Я расслабился, и вот результат – ещё одна смерть хорошего человека, хорошего солдата.
- Командир, я веду Мотыля к позиции снайпера.
- Чёрт, Хендрикс! Вы предлагаете мне рискнуть МОИМИ людьми, чтобы спасти ВАШИХ!
- Нет, – американец подполз ближе. – Я прошу Вас.

Давайте. Давайте. Одно движение. Ошибитесь. Вы не сможете сидеть там вечно. Загнанные кролики. Вам страшно. Страх. Я помню, что это.

- Кадавр! – гаркнул Вячеслав, прижимая палец к уху. – Задрайте шлюз! Разворачивайте самолёт и возвращайтесь в Петербург, к чёртовой матери!
- Вы-ф-ф уф-ферен-шы!? – послышался трескающийся голос, похожий, скорее, на хруст веток, а не на человеческую речь.
- Это приказ, а в своих приказах я всегда уверен! – офицер перехватил винтовку поудобнее. – Отряд! По моей команде – бежим к пещере! Все, кто с правого фланга – заградительный огонь по позиции снайпера! Не убьём, так хоть испугаем, и не дадим этой твари нормально прицелиться в нас!
- Да тут бежать метров триста! – вспыхнул Эдриан. – А если у бота ничего не выйдет!?
- Это приказ! Айдахо!?
- Командир, Мотыль готов. Даю указание?
- Быстрее! Отряд, готовность по команде!

Внезапная тень быстро разрослась над головой Калиптры, сосредоточившейся на своих жертвах, полностью отдавшей охотничьему азарту. Снайперша отреагировала в последний момент – стальной корпус разведбота врезался ей в плечо, с ужасающим лязгом, и упал на землю, как подстреленный. Винтовка вылетела из рук охотницы, саму её отбросило в сторону на несколько метров. Чуть не свалившись со скалы, она заскрежетала по камням крючковатыми когтями.

Готовый продолжить борьбу, обезумевший маленький робот взлетел вновь, ринувшись на оппонента, но во второй раз трюк был уже бесполезен и опрометчив. Резко выбросив вперёд стальную клешню, отсвечивающую на солнце обнажёнными приводами, словно лишённую кожи и мяса человеческую руку, Калиптра схватила Мотыля за его импровизированную шейку, утончение между двумя сегментами. Усилие, натужный скрип привода – и обе половинки располамленного бота с лязгом падают на острые камни.

- Вперёд, вперёд! – Вячеслав первым выбежал из укрытия, в тот момент, когда Мотыль ещё был "жив", открыв огонь по обнажённой скале. Пули полетели хаотично, и лишь малая их часть хотя бы выбивала крошки из скалистой породы. Бежавшие в правом фланге группы оперативники поддержали огнём своего командира.
- Сорри френд, – Хендрикс чуть задержался, пробегая рядом с телом товарища. – Айл кам бэк фо ю, ай промис.

Пули заверещали вокруг расвирепевшей охотницы. В один кувырок она преодолела несколько метров, не обращая внимания на повреждение плеча, подхватила винтовку и прицелилась вновь.

Оперативник, бежавший прямо перед Марией, вскинул руки вверх, но сдаваться не соби-
рался. Упав, подстреленный мужчина покотился вперёд по песку, ведомый остаточной силой
инерции. Вскрикнув, девушка замерла, оторопев, но тут же была подхвачена крепкими сталь-
ными руками и унесена прочь, дальше, быстрее.

– Нахрена Вика вообще взяла тебя с нами!? – не сбивая дыхания (спасибо изнуряющим
тренировкам), пожаловался Эдриан.

– Сука, будь ты ближе, я бы тебя..! – заорал Руслан, увидев первого павшего бойца.

– Не сбавлять темп! Не прекращать огонь! – Вячеслав на ходу перезарядил магазин.

Пуля разорвала саван на её плече, вскрикнув, срикошетила в скалу.

Стреляйте. Убью. Убью. Убью вас всех!

– Нет, мама.

...

– Прошу тебя. Будь осторожна. Ты не должна умереть. Я буду плакать.

...

– Я люблю тебя. Но время нам воссоединиться ещё не пришло.

Калиптра прильнула к земле, прижав коготь к виску.

Лампочка на доселе мёртвой приборной панели зажглась ослепительным – в такой-то
темноте – красным сиянием.

Сидящий на крутящемся покосившемся стуле, молодой человек подпрыгнул на нём от
неожиданности:

– Эй! – парень пнул по стулу спящего рядом товарища. – Это Калиптра! Её сигнал про-
бился, каким-то образом! Видать, очень мощный!

– Калиптра? – протирая глаза, приподнялся второй мужчина. – Приборы ж сдохли... Что
могло случиться, что она нас вызывает?

– Без понятия. Ни разу такого не видел. Обычно она сама... Чёрт. Сейчас попробую
определить её местоположение. Сигнал такой слабый, сраные глушилки... И о чём генерал
думает? Нам же самим хрен поработаешь!

Приборная панель осветилась, заиграв калейдоскопом самых ярких из цветов радуги.
Древний компьютер загудел, его фильтры завращались, системный блок нехотя заработал.
Местные системы обнаружения были сворованы "Агхартой" ещё во время войны, что-то у рус-
ских, что-то у американцев. Первое время, пришлось пострадать, пока две некогда враждую-
щие операционные системы пытались сработаться, создать новую коалицию, под новым руко-
водством, но результат был оправдан.

– Та-ак... Кажется... Она где-то...

– В чём дело, бездельники? – дежурные диспетчеры застыли от леденящего душу голоса,
донёсшегося из-за их покрывшихся потом спин. – Из-за чего суета?

– Л-лорд Деймос! Мы не заметили Вас...

– Я не позволял тебе бояться, ничтожество. Отвечай на вопрос!

– Калиптра, господин, – сглотнув ком в горле, спас товарища второй мужчина. – Пере-
дала сигнал о помощи. Видимо, столкнулась с большими силами противника. Но она же не
разговаривает, совсем не разговаривает, вот мы и не знаем, что...

– Где она?

– В паре километров от заброшенного аэродрома американских военных.

Деймос расплылся в жуткой улыбке:

– Аэродром, значит... Неужто двуглавые дворняги прилетели за своими недобитыми подружками?

– Возможно, лорд... Я сообщу генералу Харроу! – дежурный схватил трубку старенького телефонного аппарата.

– Незачем беспокоить старика, – Деймос перехватил руку мужчины, вернув едва поднявшуюся трубку на место. – Я сам соберу людей и разужнаю, кто посмел обидеть нашу девочку.

Илья схватился за рычаг запуска двигателя:

– Сержант?

Катерина думала. Неистово, мысли бились в истерике о стенке черепа, не находя выхода, как куча червей в сырой яме, куда неожиданно просочился луч солнечного света.

– Сержант, отдайте приказ! – поторопил второй пилот.

– Убери, – проронила она.

– Что? Но Коганович сказал...

– Убери руку от штурвала! Мы остаёмся!

Гильза выпрыгнула из затвора, дымясь от злости и сгоревшего пороха, прижгла болезненный мох, с таким трудом выросший на сухой почве. Молодой оперативник застыл на месте, схватившись за груд. Медленно, уже никуда не торопясь, он посмотрел сначала на вытекающую из тела кровь, потом на своего остановившегося командира, после чего упал на колени, а следом – лицом в песок.

– Проклятие!!! – Вячеслав попытался выглянуть Калиптру в прицел, но оптика орфвской автоматической винтовки была не способна на такое, да и камуфляж снайперши был не различим среди скал. Всё равно что воевать с богом хамелеонов, в лапках которого – разящие жалких смертных молнии.

Первые оперативники уже забежали в пещеру, прижались к её стенкам, тяжело дыша, радуясь спасению.

– Быстрее, быстрее!

– Отпусти меня! – Мария брыкалась, вырываясь из объятий Эдриана.

– Да успокойся ты, – обиженно ответил парень. – Я просто хотел помочь тебе.

– Не нужна мне ничья помощь! Почему ты не схватил кого другого!?

– Откуда мне знать, в кого именно эта тварь целится!? Всех спасти я не могу!

– Значит не стоит вообще браться за это!

– Заткнулись оба! – Виктория съехала по каменной стене, восстанавливая дыхание. – Хоть сейчас дайте покоя...

Вячеслав забежал в тёмную пещеру, куда не било утреннее солнце, прикрывая Ольгу. На удивление, девушка бежала наравне с натренированными мужчинами, хоть отдышка у неё и была сильней. Офицер обернулся на последних вбегающих людей.

– Твою мать! Надо было сделать... что-то другое! Что-то...

Словно в замедленной съёмке, последний из не успевших попасть в пещеру оперативников падает на землю. Его оторванная по колено нога катится вниз по склону, обгоняя кричащее от боли тело.

– Нет, Юра, нет! – Вячеслав рванул за товарищем, но был остановлен под локти стальной хваткой Айдахо.

– Командир, нельзя!

– Вячеслав, стой, – бесстрастный голос Мелани, словно чан с ледяной водой, окатил сержанта. Холодный, тихий тон так резко контрастировал с дикими воплями снаружи...

Молодой оперативник, не переставая кричать, продолжал медленно сползать по отвесному склону. Песок забивался ему в глаза и рот, залеплял рваную рану грязной коричне-

вой плёнкой. Широко открытыми от шока глазами, Вячеслав видел, как его брат по оружию скрылся за склоном.

– Ты же понимаешь, – не зная жалости, продолжила избиение словами Мелани, – Калиптра никогда не стреляет, чтобы покалечить – только насмерть. Сейчас она поступила иначе только для того, чтобы мы попытались его спасти.

– Командир, боюсь, мой корпус не выдержит такого попадания, – заметил Айдахо. – Если Вечная Охотница поразит мой центральный процессор или какой другой важный отдел моей системы, я буду уничтожен без возможности восстановления.

Сжимая зубы и брызжа слюной, подстёгиваемый отчаянием и страхом, покалеченный мужчина принялся ползти наверх, к товарищам, упираясь локтями в уползающий из-под них песок.

– Но мы же не можем его оставить! – давась слезами, подбежала к стоящим у входа товарищам Ольга. – Лучше уж смерть, чем такое мучение! Слава, прошу, сделай что-нибудь! Он же страдает!

Вячеслав бессильно опустил голову, раздражённо отпихнув от себя андроида.

Ну же. Что вы? Не попытаетесь спасти товарища? Он так орёт. Аж здесь слышно. Вот как. Неужели, начали чему-то учиться? Не важно. Ещё будет время. Ещё будет возможность. Пока в этом мире есть пули, и те, на кого их тратить, пули будут тратиться. Немного вас стимулировать? Чувство жалости. Сострадание. Патрон. Не жалко. Ещё много.

Выстрел.

Пальцы орфовца разлетелись в стороны от разорвавшейся ладони.

– Боже!!! – парень снова поехал вниз, скрываемый беспощадным песком. – Боже правый!!! Помилуй меня!!!

– Юра!!! – Вячеслав заорал во всё горло. – Юра, ты слышишь меня!?

Юрий слышал. Юрий плакал. Не было картин из прошлого, не было мыслей о родных и близких. Был только страх, отчаяние, обида, и, совсем чуть-чуть, слепой надежды.

– Юрий!!! – не унимался офицер. – Ты слышишь!?

– Командир, нам нужно идти. Встретиться с моими людьми, – осторожно, словно опасаясь попасть под горячую руку отчаявшегося Вячеслава, заметил Хендрикс.

– Вик, – Эдриан присел на корточки, рядом с бывшей начальницей, – я могу вытащить его. Уверен, что могу!

– С ума сошёл!?! Даже не вздумай рыпнуться!

– Я готовился к подобному всю жизнь! Нас учили противостоять пулям, даже снайперским. Сталь против стали. Вик, я абсолютно...

– Мне абсолютно насрать, чему ты там учился, – Вика вцепилась в воротник парня. – Я вижу вот что: ты – всё ещё здесь, а это значит, что ты не уверен в том, что справишься, и не отхватишь пулю в свою тупую башку. Эта тварь тебе не по зубам. Она создана убивать таких как ты! Сиди и не выделывайся!

Нет.

Калиптра не сводила объектива с входа в пещеру.

Не выйдут. Бросили. Испугались. Ничтожества. Люди.

– Слава, пожалуйста!

– Ты знаешь: ему ничем не помочь. Только зря погубишь себя и нас.

– Командир, я считаю, что нужно уходить. Шанс помочь Юрию, не подставившись под пулю кому-то другому, равен нулю.

– Юрий! – российский сержант сжал кулаки с такой силой, что сухая натянутая кожа едва не полопалась. – Юрий! Прости..!

Ольга упала на колени, не переставая плакать – нет, не навзрыд, но всё же. Люди поникли и тихо переругивались, проклиная весь белый свет, ту страну, в которую прилетели, и ту, которая ничем им не помогла. Даже Руслан сидел у прохладной стены с крайне удручённым видом. Виктория закурила. Стрельнула пару сигарет у новых товарищей накануне, пообещав не рассказывать о них их командиру. Когда-то давно, курить было модно, особенно среди молодёжи, но в начале двадцатых годов уровень курения среди всех слоёв общества устремился к рекордно низкому, благодаря пропаганде здорового образа жизни от СМИ и видеоблогеров. Закрылось около восьмидесяти процентов табачных фабрик, многие спешно переквалифицировались в производство более полезной, "чистой" продукции. Вика вспомнила, как обрадовалась, когда её отец пообещал, что сигарета, которую он держал в руках в тот момент – последняя. К слову, старик не соврал – меньше чем через год, он умер от рака лёгких.

– Идём, – Вячеслав развернулся и зашагал вглубь пещеры. – Передышка окончена. Всем подъём!

– Как же так... – едва слышно сокрушалась Ольга, не вставая. – Мы ведь только прилетели... Что же тут творится... А как же пакт о ненападении?

– Айдахо, подними её.

– Я слушаюсь, товарищ сержант. Олечка, пожалуйста, вставай. Надо сосредоточиться на выполнении поставленной задачи.

– Развилка здесь нет, – Хендрикс осмотрел, уже ставший ему привычным, каменный свод тёмного тоннеля, и с нескрываемым вожделием устался на окурки в руках Виктории. – Сплошная кишка в полтора километра. Мы уверены, что "Агхарте" не известно о втором проходе, так как он надёжно скрыт в скалах.

– Детали обсудим по пути. Вставайте, я сказал!

Нехотя, с отчаянием на лицах, отряд поднялся. Два десятка тусклых человек зашагали вглубь тоннеля, осветившегося прикреплёнными к винтовкам фонарями.

– Мне показалось, Кадавр и остальные не очень-то поторопились сваливать, несмотря на приказ Когановича, – заметил Руслан, пристроившись сбоку к Вике.

– Надеюсь, поторопятся. Вряд ли мы сможем вернуться в скором времени.

– И это ещё меня называют чёрствым!

Последний выстрел прозвучал спустя несколько минут, когда люди уже значительно углубились во тьму. Вячеслав замедлил шаг буквально на секунду, и, словно старый волк, продолжил вести свою стаю вперёд.

Глава 7

Тюремное учреждение для политических преступников, изменников родины, и совершивших особо тяжкие преступления против человечества

Неподалёку от Влёра; Албания

07.03.2054.

Катерина осторожно приоткрыла дверь, словно опасаясь задеть того, кто мог стоять сразу за ней. Свет был выключен, и женщина потянулась к переключателю.

– Не стоит, – сидевший посреди комнаты на деревянном стуле, за таким же деревянным столом, представительного вида мужчина остановил Катерину. Прищурившись, в полутьме небольшой комнаты она разглядела тёмное пальто, накинутое на плечи человека поверх синей униформы ORF, седую бороду, такие же волосы на вытянутом сухом лице, и маленькие глазки, скорее подходящие какому-нибудь зверьку.

Сержант отдала честь своему командиру, полковнику Александру Петрунишеву.

– Атмосфера, как в старых нуарных фильмах, – продолжил мужчина. – С детства любил такие. Особенно у меня в памяти отпечатался "Улица без названия", о противостоянии агентов ФБР и группы гангстеров. Интересно было бы посмотреть его сейчас, на видеокассете. Знаете, что такое видеокассета? Может, смотрели хотя бы ремейк?

– Нет, товарищ полковник. Не довелось.

– Н-да, интендант, Вы из слишком другого поколения. Даже в годы моей юности просмотр подобного кино считался моветоном. А я уж было хотел обсудить с Вами схожесть наших действий с фильмами той эпохи. Тяготеть стал, знаете ли, к кинематографу. Раньше не любил – реальная жизнь была куда насыщеннее любого голливудского блокбастера. Может, это знак, что пора задуматься о пенсии, – орфовец задумался на несколько секунд, замолчав. – Кстати, мы тут почти закончили. Почему Вы задержались?

– Прошу прощения, – женщина сделала неуверенный шаг в темноту. – Небольшие проблемы на КПП. Требовалось моё присутствие.

– Всё в порядке?

– В полном. Мои люди задержали подозрительного индивидуума, ведут его сюда. Странное совпадение, что он объявился именно сегодня, в такой-то глуши.

Заложив руки за спину, Катерина встала сбоку от командира, повернувшись туда же, куда и он. За односторонним, почти во всю стену, стеклом, напротив друг друга сидели два человека: один – молодой, в форме ORF, коротко стриженный блондин с лицом ястреба; второй – не умеющий следить за своим весом и причёской, но одетый в дорогуший, идеально выглаженный костюм. Мужчины общались, как старые друзья, казалось, обсуждали результаты прошедшего футбольного матча или планы на вечер, но руки их, положенные на стол, не двигались. По опыту, Катерина знала, что это говорит о недоверии собеседников друг к другу. О том, что каждый боится не успеть вовремя среагировать на атаку другого.

– Простите, товарищ полковник, позвольте задать вопрос? – уверенно, но слегка смущённо, обратилась Катерина.

– Да-да, пожалуйста, интендант, спрашивайте, – полковник Петрунишев взглянул на подчинённую, но не вынул наушник из уха. Катерина, лишённая такового устройства, не могла слышать голоса сидящих за звуконепроницаемым стеклом.

– Зачем здесь Артём? Я хочу спросить, почему именно он разговаривает с задержанным?

– Вас что-то смущает? Ваш брат профессионал в добывании информации.

– Ещё бы, учитывая его методы. Он профессиональный изувер и садист, но сейчас... Они просто разговаривают.

– Возможно, именно молва о кровавой славе Артёма Кадавра убедила господина Тильмо сразу перейти к той фазе, где они мирно сидят и беседуют. Зачем зазря делать человеку больно? ORF ведь не варвары, а эталоны справедливости.

– Да... Просто... Я удивлена. Тильмо сдался нам сам, хотя улики, указывающие на его связь с "Агхартой", были очень уж косвенные.

– Катерина, – полковник успокаивающе улыбнулся. – Сколько уже Вы здесь прозябаете? В этом далёком от всех интересных событий мире?

– Последние пять лет, товарищ полковник. Без увольнительных.

– А конкретно в должности интенданта?

– Почти столько же. Мой предшественник уволился: у него родился сын, но его жена умерла при родах.

– Вот вам и "чудеса современной медицины", о которых докторишки дерут горло на своих конференциях. Что ни день – так новое средство от новых болезней, а нам всё докучают старые. Столько средств вкладывается в науку, а мы, до сих пор, чуть подует ветерок, кашляем и утираемся соплями.

– Тут, всё же, несколько иное...

– Не важно. Оборудование для родов тоже могло быть получше, а то оно, уверен, не дотягивает даже до половины европейских стандартов, – полковник выдохнул, расслабившись. – По вашему тону, мне показалось, Вы не рады увидеться с братом?

– Мы никогда особо не ладили, но, уверяю Вас, это никак не проецируется на нашей работе, если мы пересекаемся из-за неё.

– Замечательно. Ваши родители тоже военные?

– Нет. Они учителя. В обычных школах.

– Как же так вышло, что у столь пацифистской ячейки общества, родились сразу два военных карьериста?

– Не могу знать. Как-то... само собой получилось, я и осознать не успела. Но я счастлива служить Родине.

– Родине служат военные, – опять нахмурился полковник, – мы служим миру.

Наконец, спустя ещё пару минут (в тот самый момент, когда Катерина окончательно перестала понимать, к чему ведёт разговор полковник, и есть ли у него какая-либо цель в принципе), Артём Кадавр встал, подошёл к стеклу, и коротко кивнул.

– Ну вот, кажется, и всё! – Петрунишев тоже встал, достав наушник из уха. – Катерина, пройдите. Желая увидеть воссоединение семьи. Хоть что-то светлое и доброе в этом сыром и зловонном месте.

Полковник и его подчинённая вышли в нормально освещённый коридор, зелёная краска на стенах которого давно нуждалась в обновлении (на которое, само собой, не было бюджета). До этого момента подпирающие крепкими спинами стену, парочка рослых вояк вытянулись, как только смогли, а вышедший из соседней комнаты Артём развёл руки в стороны, приглашая сестру в объятия:

– Катя! Ну, здравствуй! Я скучал!

– Пожалуй, я тоже, но не настолько, чтобы известить тебя об этом, – Катерина намеренно придала голосу как можно более суровый и отрешённый тон. – Зато мама часто звонит, ведь она считает, что я обязана знать, где ты, и кого мучаешь в данный момент. А мне и ответить нечего.

– Служу и защищаю – так ей и говори в следующий раз. Впрочем, уверен, родители и так это знают, и гордятся мной. Нами, – поправившись, Артём повернулся к командиру. – Товарищ полковник. Всё так, как Вы и предполагали. Теперь у нас есть все необходимые сведения о

контрабандистах, поставляющих агхартовцам оружие. Имена, точки сбора, доступ к закрытым группам в социальных сетях.

– Блестяще, Кадавр, – полковник потряс в руке микрофон, который служил ещё и звукозаписывающим устройством. – Этого нам хватит, чтобы засадить за решётку всех продажных мерзавцев, что пошли против своих же. Меньше, чем парочкой "пожизненных", они не отделаются.

– Командир, вы столько при мне обсуждаете... – замялась Катерина. – Раз так, мне позволено знать, кто этот человек и как он связан с "Агхартой"? Всё же, он был взят под арест на вверенной мне территории.

– Давайте пройдемся, – полковник направился вдоль по коридору, увлекая брата и сестру Кадавр за собой. – Вам ведь наверняка хочется пообщаться не только на эти скучные темы?

– Да, очень! – Артём выглядел очень возбуждённым. – Катюш, расскажи хоть, как на службе дела? Нашла жениха среди кадетов?

– Товарищ полковник, простите меня за настойчивость, – повысила тон женщина, – но, если я правильно поняла, человек в той комнате – Антуан Тильмо, бизнесмен, владелец сети подпольных игорных учреждений и публичных домов, подозреваемый в коррупции, а также перепродаже ворованного имущества и оружия, награбленного мародёрами ещё с военных лет, "Агхарте". Я допускаю, что он мог сдаться нам сам, кого-то испугавшись и понадеявшись на протекцию, но испуганным он не выглядел. Мой... Артём Кадавр – один из лучших пыточных мастеров, так зачем он здесь, если этот человек был готов сотрудничать?

– Всё обижаешься на меня за тот случай? – улыбка Артёма выглядела очень нездоровой, и была буквально пропитана какими-то остервенением. – Сколько лет прошло? Двадцать пять? Больше?

– Антуан действительно торгует с "Агхартой", и уже давно, – ответил Петрунишев. – Он также снабжал нашими технологиями, боеприпасами и вооружением свободных наёмников, тем самым, по факту, спонсировал серию терактов по всему миру, в том числе и в России. Мы давно подозревали его в тёмных делишках, просто хотели, чтобы он заглотил наживку поглубже, чтобы, вместе с ним, выдернуть из пруда прилипших к его отвисшему брюху других рыбёшек. Возможно, это промедление стоило кому-то жизни, но то были жертвы вынужденные, а без них ни одна война не обходится.

Катерина не успела ответить, только открыть рот от изумления, как увидела двух идущих им навстречу оперативников. Мужчины с квадратными мозгами и челюстями вели закованного в наручники человека, одетого в пластинчатый экзоскелет наёмников – один из последних и совершеннейших образцов, нося который, Вам были практически не страшны пули или термические перепады. Лицо наёмника было покрыто паутиной шрамов, старых и совсем свежих, а длинный потрёпанный плащ серого цвета едва не доставал до пола, придавая его внешнему виду некой несуразности.

– Это и есть тот подозрительный индивидуум? – спросил полковник, когда процессии поравнялись и остановились.

– Наёмник, – скривила губы Катерина. – Назови своё имя!

Мужчина оскалился, то ли угрожающее, по-собачьи, то ли такая уж у него была улыбка. Часть зубов была серой, из высокопрочного пластика. Если бы он был суперзлодеем из комиксов, определённо его псевдоним был бы "человек-пиранья".

– От страха говорить разучился, мразь? – настроение у Катерины и так было отвратительным, так ещё и примерзкий вид молча ухмыляющегося наёмника выводил её из себя всё больше. – Что ты здесь делал!? Кто твой наниматель!?

– Его имя – Мордекай Коракс, сестрёнка, – Артём подмигнул девушке правым глазом – левый был не способным моргать аугментом. – Давно просматривала списки особо опасных преступников Интерпола? Или аналогичные наши? Он объявлен в международный розыск за

убийство нескольких важных политических деятелей, а так же за покушение на жизнь президента Соединённых Штатов. Крупный улов, в общем.

– Одиночка, охотник за головами, – фыркнула Катерина. – Самая мерзкая каста наёмников. Увести! – женщина дала отмашку своим людям, и те повели наёмника прочь. – Займусь им позже. Так, что насчёт Тильмо? Вы сказали...

– Вы верно заметили, что господин Тильмо благоразумно отказался от пыточной терапии, – буднично продолжил полковник, будто встречи со знаменитым наёмником и не произошло. – Потому и ORF проявили благоразумие, пойдя на сделку, которую он нам предложил.

– Сделка с этой тварью!? О какой сделке может идти речь!? Он ведь грабил нас!

– Ну, не совсем так. Вернее, конечно, так, но... Есть нюанс.

– Какой же?

– Безусловно, Антуан Тильмо – тот ещё подонок и крохобор, но подумайте сами: не своими же руками он вытаскивал ящики с оружием с наших складов, ведь так?

– Как же... – осеклась Катерина. – Выходит, кто-то из наших был с ним в сговоре? Передавал наше имущество, деля прибыль? У нас... крыса? Но такого ещё не было, за всё время существования ORF! Все, имеющие прямой доступ к складам, проходят регулярные проверки на современных полиграфах, за их частными делами и соцсетями ведётся слежка, идут проверки, сколько они тратят денег...

– Не будьте так наивны, интендант. Боюсь, всё-таки, иных вариантов, нежели предательство, попросту нет. Орфовец или нет – все мы люди, а люди подвержены порокам и слабостям, жаждой обогащения сверх всякой меры.

– Уверена, проверка быстро выявит ренегата!

– Сестрёнка, не волнуйся, у нас всё схвачено, – вмешался Артём. – И вообще, боюсь, ты лезешь...

– Заткнись! – окончательно вышла из себя Катерина. – Вечно ты в каждой бочке затычка, с детства стараешься всячески принизить меня! Надоело! Я не с тобой говорю, так что просто заткнись!

– Артём, прошу, успокойтесь, – мужчины продолжали едва заметно улыбаться, словно ничего страшного не выявилось, что всё больше и больше бесило раскрасневшуюся Катерину. – Я счёл, что Ваша сестра, своей верной службой, заслужила право знать.

Орфовцы вышли в просторный зал: клерки и солдаты вяло бродили по своим делам, коих, в таком отдалении от цивилизации, было не очень-то много. Оформление документов на проезд грузовых судов соседствовало с бесконечными проверками документов о новых поступивших в расположенную неподалёку тюрьму для особо опасных заключённых.

После окончания войны, это стало частой практикой: если преступление, совершённое человеком, было не совсем уж мелким (вроде драки по пьяни, или другого, не особо серьёзного нарушения общественного порядка), их перенаправляли в тюрьму подальше от крупных населённых пунктов. Практика было ещё довольно нова и подвергалась критике как со стороны общественности, так и со стороны некоторых членов Мирового Совета – гражданам было тяжело найти деньги и время, чтоб повидаться с находящимися под арестом родственниками, да и оформить соответствующие документы было той ещё морокой. Однако Совет принял решение, и ORF взяло контроль за такими тюрьмами под свою юрисдикцию, естественно, запросив дополнительный бюджет.

Полковник остановился, заглянув Катерине в глаза:

– С господина Тильмо были сняты все ранее предъявленные обвинения. За это, мы получили необходимую нам информацию, в том числе, выход на его контакты в ORF.

– Что!? – Катерина, давно прозябавшая на одном месте, ещё не привыкла удивляться. – Как это? Не понимаю. Вы просто так амнистировали его?

– Не просто так. Сказал же – за пособничество расследованию внутренних дел ORF. За солидарность, за искреннее раскаяние. Я приказываю Вам подготовить бумаги для официального освобождения Антуана Тильмо – с этого момента, он больше не враг и не угроза человечеству.

– Как ты мне всегда и говорила, Катюш, – развёл руками Артём, – любой конфликт можно уладить волшебной силой слов!

– Эта гнида торговала с "Агхартой"! – в сердцах прокричала Катерина, привлекая внимание полусонных орфовцев, бродящих вокруг. – Торговала нашим имуществом, спонсировала теракты! А вы его просто так отпускаете? Может ещё и торговую лицензию у него не отберёте!? Ну да, пусть продолжает жить своей прежней жизнью, почему нет!?

Люди вокруг начали замедляться и останавливаться, беспокойно глядя на лишившуюся ума и страха начальницу.

– Интендант! Я, пока что, лишь прошу Вас... – начал было полковник, явно не ожидавший такой ярости от стоящего ниже по рангу.

– Ему положено самое суровое наказание, как предателю! Нет преступления серьёзнее сознательного коллаборационизма! Да уж лучше б вы его пытали, ногти повывёргивали, или типа того, чем такая сделка!

– Не в Вашей компетенции решать это! Даже просто обсуждать! Мне напомнить Вам, что такое приказ и что с ним нужно делать!?

– Сестрёнка, давай поужинаем сегодня вместе? Заодно обсудим, что тебя беспокоит.

– Так вот, как ORF из больших городов ведёт свои дела, – теперь уже настала очередь Катерины усмехаться. – Получается, мы ничем не лучше "Агхарты".

– Мы одинаковы везде, и в большом городе, и в маленькой тюрьме, просто мы обладаем большими знаниями, для понимания того, как нужно жить эту жизнь! А Вы ещё очень многого не знаете, Кадавр, – вздохнул полковник. – Я надеялся, Вы будете благоразумны, как Ваш брат, и не станете торопиться с выводами, тем более, не позволите себе перечить руководству.

– Зачем вообще Вы рассказали мне об этом?

– Артём рекомендовал Вас к повышению и переводу на достойное Ваших командирских качества место службы. Например, в Санкт-Петербург, или Москву. Намекну, что есть несколько мест, по работе которых мы хотим провести тщательную проверку, и нам нужен заслуживающий доверия человек.

– Можешь считать это извинением за сломанные игрушки, – добавил Артём.

– Моё место здесь... – сама не уверенная в том, что именно хочет сказать, начала Катерина, но была прервана громкими хлопками из покинутого ранее коридора.

Сопровождающие командиров оперативники вскинули винтовки, и, щёлкнув предохранителями и затворами, рванулись назад.

– Оставайтесь здесь! – выхватив пистолет, бросила Катерина даже не шелохнувшимся мужчинам. – Бойцы, за мной! Огонь на поражение!

Пара орфовцев, что сопровождали закованного в стальные браслеты Мордекая Коракса, неподвижно лежали в коридоре. Катерина присела возле одного из них и облегчённо выдохнула, нащупав на его шее пульс.

– Сержант, он тоже жив, но оглушён, – подтвердил орфовец, проверивший состояние второго своего товарища. – Вырублен одним точным ударом... Но как это произошло?

Катерина подняла взгляд на распахнутую дверь, с сорванной верхней петлёй – комната для допросов, где, всего пять минут назад, мирно беседовали Антуан Тильмо и её единоутробный брат...

– Коракса лишили оружия? – женщина заметила две лежащих на полу автоматических винтовки – оружие сопровождающих, американские "Хэйтреды". Впрочем, Мордекай всё равно не смог бы ими воспользоваться, из-за идентификатора отпечатка пальцев. А если отпе-

чатки самого наёмника зарегистрированы в сети, так его ещё бы ударило сильным разрядом тока.

– Да, конечно, товарищ сержант, – ответили из-за спины. – Это стандартная процедура.

Не обращая внимания на дрожь в коленях, Катерина выпрямилась. Двое оперативников уже вошли в комнату, и, по опущенным в пол стволам, она всё поняла.

Антуан сидел, откинувшись на стул: глаза выпучены, язык вывалился из залитого кровью рта. Стрелял, определённо, профессионал в этом деле: одна дыра во лбу, другая – в области сердца. Проверка пульса не требовалась.

– Быстро, – едва слышно процедила Катерина. – Быстро...

– Командир?

– Быстро!!! Догнать его!!! Огонь на поражение!!!

Десяток орфовцев пустились вдогонку за наёмником в недра коридора, заглядывая в каждую пустую камеру по пути. Катерина особо ни на что не надеялась: она действительно ничего не знала о Мордекае Кораксе, но, по опыту общения с матёрыми ассасинами, которых часто провозили через её КПП во Влёр, поняла, что поймать его не удастся. Он уже скрылся. Испарился. Растворился. По громкоговорителю, дежурный объявил режим боевой тревоги.

Катерина подошла к трупу ближе, рассматривая раны. Ровные края, словно даже пули мастера-ассасина были чрезвычайно педантичными, всегда выполняющими свою работу на "пять с плюсом". Антуан смотрел в потолок в недоумении. "Мы ведь заключили сделку", – едва не звучал его голос в голове интенданта, хотя она ни разу его не слышала.

– Похоже, сделка отменяется, – голос за её спиной, напротив, был знаком ей с детства. Слегка картавый, с присущей издёвкой. Похож на её собственный.

– Неужели его так плохо осмотрели при задержании, что не обнаружили оружия? – рядом с Артёмом стоял полковник Петрунишев. – Вероятно, это был маленький саморазвёртывающийся скрытый пистолет, так любимый опытными охотниками за головами.

Катерина повернулась к мужчинам – трое в комнате, не считая трупа.

– Вы... – не веря собственным догадкам, только и выдавила она.

– Катюш, успокойся, – смиренно сказал Артём. – В этом нет твоей вины. По крайней мере, её не будет на бумагах, обещаю.

– Это всё вы...

– Интендант, – полковник уселся на стул, который, до этого, занимал орфовский экзекутор. – Советую хорошенько подумать, прежде чем сказать то, что Вы хотите сказать. Кто знает – возможно, всего одна фраза решит всё ваше будущее или перечеркнёт прошлое.

– Ты же сама хотела самого жестоко наказания для ублюдка, сестрёнка.

– Мы получили то, что нам было нужно, а он – то, что заслужил. Вселенская справедливость, во всей своей красе. И волки сыты, и овцы целы. Наши овцы.

Катерина разжала кулаки. Обида задушена, можно расслабиться. Смириться.

– Что Вы говорили о переводе, товарищ полковник?

*Провинция Кунар, Афганистан
30.08.2054., 09:57*

Парочка белых капсул, содержащих в своём чреве сильнодействующее обезболивающее, разработанное специально для военных нужд, накрывается припухшим языком. Катерина с отвращением взглянула на собственное лицо, отражённое в зеркале, пригляделась внимательно

нее, изо всех сил стараясь узнать человека в отражении: она и так никогда не считала себя красавицей, не пользовалась особым вниманием ни мальчишек-одноклассников, ни товарищей-курсантов в орфовской академии, так теперь под её глазами расплылись тёмные мешки, полные боли и сгущённой крови, а лоб украсил ещё даже не подумавший о том, чтобы начать затягиваться, шрам.

Что-то хрустнуло в груди, когда она расправила покатые плечи, злорадно заставив согнуться вновь. Таблетки ещё не успели подействовать, или боль настолько огромна, что с лихвой перебивает их эффект? Женщина сплюнула розоватую слюну в раковину, едва не выронив изо рта одну из пилюль.

– Скоро сюда придут боевики "Агхарты"! – истерил Илья, активно жестикулируя веткоподобными руками. – А я не планировал сегодня умирать, хоть бы и как герой!

– А я не планировал бросать в этой грязной стране, в окружении врагов, своего командира, и тебе не позволю! – свирепо парировал боец двенадцатого отряда, рослый брюнет с восточными корнями. – Там ведь и твои товарищи! Мы не можем просто улететь!

– Но и помочь им здесь мы ничем не можем! Ни сигнал передать, ни выйти на помощь! Снайпер не даст нам и носу высунуть! Какой резон оставаться?

– Среди нас всего два пилота, – брюнет глянул на техника из своего отряда, нервно парящего тонкую электронную сигарету, подпирающего стену в углу. – Если я переломаю тебе руки, останется один. Олег, ты хочешь улететь?

– Нет, – коротко ответил понурый технарь.

– В таком случае, нам нужен план, – заступился за товарища Вася, почувствовав накал обстановки. – Илья прав – тупо сидя здесь, мы никак никому не поможем. Если вернёмся или хотя бы вылетим за радиус действия сети глушилок, сможем передать просьбу о помощи.

– Что толку? Американский корпус знает, что у них здесь застряли разведчики, и что? Где их спасательный отряд?

– Такое оно, наше руководство, – Катерина показала в проходе, обращая на себя внимание спорящих мужчин. – Изнанка ORF, спасителей всего мира, паладинов двадцать первого века. На деле же им плевать на людей, наши жизни не входят в их планы по созданию утопии, где все живут дружно, счастливо, а враги, если и есть, то прячутся под камнями, как змеи или пауки, содрогаясь от страха быть раздавленными, стоит им лишь показаться.

– Сержант Коганович назначил Вас командиром, – небрежно отсалютовал самый разговорчивый боец. – Какие будут приказания, мэм?

– Катерина, прошу, прояви благоразумие! – взмолился Илья. – Я тоже хочу помочь Вике и остальным, но единственное, что мы можем для них сделать – это улететь как можно скорее, да позвать на помощь ударные отряды ORF!

– Ошибкой было вообще прилетать сюда. Я сразу это сказала, но Коганович, Штейн, да и все остальные меня не послушали. Зато слушаете сейчас, – Катерина села на потёртый кожаный стул, стоящий посередине рубки, обвела всех собравшихся высокомерным взглядом княгини. – Вот почему ORF приняла инициативу набирать в командиры подразделений женщин. Мужикам только дай волю поиграть пушками и танчиками. Стрелять, кромсать, взрывать, убивать. А ведь поначалу Коганович произвёл впечатление куда более тактически подготовленного человека. Даже немного благоразумного.

Высокий орфовец стиснул кулаки, но промолчал, в отличие от обрадовавшегося Ильи:

– Спасибо, Боже, за женщин-командиров! Мы сваливаем! Я запускаю...

– Мы остаёмся, – отчеканила Катерина, закидывая ногу на ногу – резкая боль пронзила всё тело, но ни один мускул на лице этого не выдал.

– Что!? Но ты же сама сказала...

– «Вы», а не «ты», боец. Готовьтесь к обороне. Будем ждать товарищей, дадим противнику бой.

– Женская логика, – ухмыльнулся один из бойцов двенадцатого отряда, – даже в бою остаётся женской.

Призрак печали и скорби витал над колонной орфовцев густым смрадом. Люди шли тихо, почти не переговариваясь. Система освещения в тоннеле давно умерла, редкие целые лампочки висели на стенах как истлевшие плоды в погибшем саду, а фонари на винтовках выхватывали обрывки проводом и лежащие на полу разбитые приборы, не подлежащие реанимации.

– Местные жители разграбили авиабазу и радиорубку ещё много лет назад, – объяснял Хендрикс, идущий во главе колонны, рядом с Вячеславом. – Мы надеялись, что сможем передать сигнал с помощью оборудования, находящегося здесь, но даже то, что осталось, уже не работает.

– Где полковник Оруэлл? – спросил российский сержант. – Он с остальными?

– Нет. Я не видел его после начала операции. Если говорить откровенно, я вообще ни разу его не видел.

– Как так? А приказы вы как получали?

– У нас есть усиленный передатчик, который мы выкрали у одного из агхартовских патрулей. Хотя помехи из-за глушилок и очень сильны, его мощности как раз хватает, чтобы связываться с Оруэллом, но не более того – связь с миром за пределами Афганистана он нам не обеспечил.

– Так... И где же полковник? И почему, в таком случае, он сам не передал просьбу о помощи в главный штаб?

– Он, с небольшим отрядом, сидел в небольшой пограничной деревушке, но "Агхарта" выбили их оттуда, когда всё это началось... – Хендрикс выглядел слишком уставшим и морально разбитым. – После этого, они спрятались в скалах, но состыковаться нам возможности не представилось – слишком они далеко. Связываемся редко, да и докладывать особо нечего. Мы тут просто сидим, ждём, прожиряем запасы и надеемся на помощь.

– Так какова реальная обстановка? Что вы обнаружили? Каковы силы и цели "Агхарты" в регионе?

– Давайте, сначала, доберёмся до моих людей. Ещё несколько минут – и мы на месте.

Руслан пристроился к бредущей и запинаящейся в темноте Марии:

– Ну, малышка, ты как?

Девушка ответила преисполненным печалью взглядом.

– Да, согласен, дела у нас неважнецки. Но отчаиваться нельзя! Руки-ноги целы, значит, есть чем драть задницы супостатам! Кто, если не мы?

Девушка продолжала молчать.

– Эй! – окликнул Руслана Эдриан, плетущийся позади. – Отвали от неё.

– Да не ревнуй, она для меня слишком маленькая, – Руслан подмигнул непонятно кому именно. – Вот через пару годиков...

– Как тебе удаётся сохранить позитивное расположение духа? – наконец, ожила Мария. – Вокруг творится сущий ад, люди гибнут, штаб плюнул на нас, а ты шутики шутишь... Ты настолько глуп, или просто не осознаёшь тяжесть нашего положения, или тебе просто плевать?

– А может, в том, как раз, и дело, что осознаю прекрасно? Вот только выбора особо не видать. Ну повешу и я нос – что изменится? Тебе, может, станет легче, если я разревусь рядышком? Разве, если расковыривать рану, она быстрее заживает?

– Люди называют это сопереживанием. Я потеряла лучшую подругу, товарищей, а ещё несколько моих друзей остались в том проклятом самолёте, и, возможно, они уже окружены врагами! Тебе не понять, кажется... Тебе вообще свойственна хоть какая-то эмпатия? Неужели, я ошиблась, сказав, что ты человек, а не монстр?

– Девочка моя, ты первая в моей жизни, кто сделал мне такой комплимент, – Руслан запнулся о торчащий камень, выругавшись. – А ведь меня монстром называли ещё до обнаружения у меня каких-то нибируанских сил. Добрая ты. Жалко мне тебя. Вот и предлагаю поговорить. И, нет, я не пристаю к малолетке! – последнюю фразу парень сказал заметно громче.

– Как твоя рука? – спросила Мария, действительно заметно оживившись.

– Которая? Ах, эта! Уже не болит, – Руслан медленно перебрал пластиковыми пальцами, как по гитарным струнам. – Лиза была мастером своего дела. Думается мне, и просто хорошим человеком.

– Жаль, что ты не узнал её лучше, – сквозь вновь осадившие веки слёзы, улыбнулась девушка. – Она была очень хорошей и доброй. Умела быть настоящим другом. Поддерживала меня. Знаешь, у меня были проблемы с освоением в отряде, ведь женщин, тем более, таких молодых, стали набирать совсем недавно. Давление общественности, феминистских организаций, равноправие... Тем более, угроза "Агхарты" заметно снизилась, нужда в высококвалифицированных сотрудниках отпала. В любом случае, Вика вечно была на каких-то совещаниях, или погружена в тонны бумажной работы, а других девушек в отряде не было – вот мы с Лизой и сблизились.

– Эх, хотел бы я попасть в отряд, где одни девушки, – мечтательно улыбнулся Руслан.

– Мы общались целыми днями и вечерами, на ночных дежурствах, и даже во время увольнительных. Она любила морепродукты, особенно гребешки, за их горчинку. И меня подсадила на эту кухню. Мы с ней вместе готовили, учили новые рецепты. У неё никогда не ладилось с парнями, правда, один раз дело уже шло к свадьбе, но мудака бросил её, сбежал к другой. Тем не менее, она не разочаровалась в жизни, и посвятила её работе... Если уж на то пошло, возможно, всё наоборот. Я только сейчас об этом подумала.

– Кажется, я потерял нить... Что ты имеешь в виду?

– Работа. Может, она стала таким классным мастером киберпротезирования как раз из-за расставания с тем придурком. Хотела доказать что-то себе... или кому другому.

– К сожалению или к счастью, мне не понять твою боль. Я, насколько помню, никого не терял. Всё же, правда, соболезную твоей утрате. Если мы выберемся отсюда, обещаю сходить на её могилу вместе с тобой.

– Спасибо, Руслан, – девушка смахнула слезу и вымучено улыбнулась. – Всё же, хороший ты парень, хоть упорно стараешься доказать обратное.

– Тише, тише, – Руслан прижал ладонь ко рту, обернувшись на не сводящего с них неодобрительного взгляд Эдриана. – За нами слежка. А мне ещё понадобятся мои зубы.

– Странный человек, это ваш Руслан Резнов, – Вика вздрогнула, вырываясь из омута спутанных мыслей, услышав сбоку голос парамедика Ольги. – Если Глаза Агнца вообще можно считать людьми, конечно. Производит впечатление... очень приятное, как ни странно. Кажется, слухи о том, что он ничем не лучше своих братьев и сестёр, сражающихся за "Агхарту", заметно приукрашены.

– Надеюсь. Я ещё не успела этого понять, – честно ответила Виктория.

– Но вы вместе уничтожили двух опасных террористов и кучу их пособников. Хоть руководство и было разозлено вышей выходкой, среди рядовых оперативников, вы – герои. Товарищ познаётся в бою – этому учат даже на курсах медиков.

– Он очень наглый, заносчивый, самовлюблённый, совершенно не следит за своим языком, да и внешним видом, весь себе на уме...

– Девушкам такие нравятся, – улыбнулась Ольга смущённо.

– Пришли, – американец остановился около тускло освещённого прохода в стене, единственного, встреченного орфовцами на всём пути, и прильнул к стене. – Не стрелять! "Хорьки"! Это я!

Отряд вошёл в импровизированную комнату, небольшую пещерку, заваленную разломанным оборудованием для обеспечения связи. По всей видимости, некогда, именно здесь была запасная радиорубка американских военных. Вячеслав насчитал девять человек – грязных, с усталым видом и мольбой в глазах.

– Они прилетели забрать нас? Мы убираемся отсюда? – обрадовано спросил один из них.

– Где Билл? – хмуро спросил другой.

– Погиб, – Хендрикс взял стоящую на ржавой бочке рацию, принялся крутить бегунок настройки частоты. – И мы пока что никуда не летим.

– Что? Но почему? Нужно срочно сообщить штабу о «Кашеях»!

– "Кашей"? – нахмурился Вячеслав. – Значит, они здесь? Ракеты?

Шуршание в радиации усилилось. Через помехи, едва различимый голос (непонятый даже девайсами-переводчиками) ответил сбившимся в плохо освящённом помещении людям:

– Полковник Оруэлл на связи.

– Сэр, прибыло подкрепление. Российский корпус, – отрапортовал Хендрикс.

– Русские? – без нотки акцента, на русском языке, удивился полковник. – Ну это лучше, чем ничего.

– Сэр, старший сержант Вячеслав Коганович, – представился мужчина, по привычке вытянувшись, будто полковник стоял рядом. – Командир оперативного отряда. Мы прибыли, чтобы помочь вам либо эвакуироваться, либо уничтожить врага. Где Вы? Каков Ваш статус?

– Хреновый наш статус, сержант, а вам лучше немедленно вернуться на самолёт и улететь домой, под берёзки, играть на балалайке да пить водку!

– Эй! – вмешался Руслан. – Давайте обойдёмся без стереотипов, если, конечно, Вы сейчас не сидите в "Макдоналдсе"!

– Это ещё кто? Кто смеет так говорить со старшим по званию!?

– Да не солдат я, нет для меня по званию старших! Пусть я и член команды, но, скорее, и правда, являюсь Глазом Агнца, нежели армейским псом.

Воцарившееся молчание нарушалось лишь треском рации. Вытаращив от изумления глаза, люди изумлённо взирали на скрестившего руки Руслана. Особенно сильно пучили глаза американцы – другие уже начали потихоньку привыкать к эксцентричности новобранца.

– Ты – тот Глаз Агнца, который объявился в России пару недель назад, и уже успел надевать шуму на весь белый свет? – наконец, спросил Оруэлл.

– Ага. Надоело юлить, короче. Да. Это я. Глаз Агнца. Да! Я!

– Сержант Коганович, сержант Хендрикс.

– Сэр!?! – хором ответили мужчины.

– Какова ваша численность?

– Десять человек, сэр!

– Восемнадцать, сэр.

– Я по-прежнему не верю, что у нас что-то получится, – голос полковника звучал измотано, – но, похоже, выбора нет. Хендрикс. Введите подкрепление в курс дел. Потом... Позволяю привести Вашу безумную идею в исполнение. "Агхарта" прижала нас,

но, возможно, мы отвлечём на себя часть их бойцов, и вам будет легче. Связь только при крайней необходимости, и да поможет вам Бог. Оруэлл, конец связи.

Хендрикс отключил расслабленно зашипевшую рацию:

– Батарейка сядет. Надо экономить заряд.

– Мы слушаем, – поторопил коллегу Вячеслав. – Внимательно.

Командир рэйджеров обернулся к своим людям, понурым и молчащим, похожим на крупных мышей, смирившимся с участью провести остаток дней прямо здесь, в этой пещере. Сплюнув, он заговорил:

– Плохи дела, русские, очень плохи. Большая часть наших бойцов была перебита или попала в плен, но кое-что они успели передать, несмотря на ужасные проблемы со связью. Здесь, в Кунаре, расположены две базы "Агхарты", и на обоих создаются плацдармы для размещения межконтинентальных ракет класса "Кашей". Мы не знаем, откуда они у них взялись, но обезвредить их нужно любой ценой!

– Ракеты наши.

– Что? Не... Не понял?

– Точнее, они принадлежат Российским военным. Они избавились не от всех "Кашеев". Эти сохранились ещё со времён Третьей войны.

– Сукины дети! – не сдержался один из скаутов.

– Это... Это не ваша вина... – Хендрикс даже потряс головой, собираясь с мыслями. – Отряд, тишина! Тишина, я сказал! Ракеты спрятали военные, не российский корпус, в этом нет вины этих людей!

– Давайте будем искать виновных потом, – вмешалась Виктория. – Сейчас нужно найти эти треклятые ракеты и обезвредить их.

– Или хотя бы отключить систему подавления дальней связи, – вставил Айдахо. – Точечный электромагнитный удар со спутников не даст ИИ "Кашеев" скоординировать систему наведения и управления полётом. Проще говоря, они не смогут построить себе маршрут.

– Здесь никому не требуется медицинская помощь? – робко спросила Ольга, почувствовав себя совершенно лишней.

– Нужно освободить моих, попавших в плен, ребят, – заявил Хендрикс. – Они могут точно знать, где будут размещены "Кашей". Их группа смогла проникнуть на основную базу, до того, как была схвачена. Их держат в плену в небольшом поселении, оккупированном "Агхартой", километрах в трёх от тайного выхода из тоннеля.

– Их держат в жилом посёлке? – удивилась Вика. – Почему не на защищённой базе?

– "Агхарта" уверены в своём превосходстве. Уверены, что, если мы попробуем освободить товарищей, они перебьют нас.

– Но в их планы не входил я! – Руслан поднял настоящий кулак, словно уже победил всех оппонентов. – Человек, рождённый крушить чужие планы и лица!

– Я чувствую присутствие братьев, – сообщила Мелани. – Слабо, но это значит, что и они чувствуют меня и этого олуха.

– Глаз Смерти? – вздрогнув, спросил Хендрикс. – Секретное оружие российского корпуса? А она не подставит нас под удар, коли другие монстры чувствуют её?

– Не бойся, человек, – Мелани пронзила американца взглядом. – Страх – излюбленное блюдо одного из этих монстров.

Деймос первым выскочил из бронированного автомобиля песчаного цвета:

– Шевелитесь, слизняки! Уничтожить шасси!

Вывалившиеся из подъехавших джипов боевики ринулись к самолёту – так и не взлетевшей крепости орфовцев. Прицелившись в поддерживающие гиганта колёса, ближайšie агхартовцы открыли огонь. Дёрнувшись, словно от боли, самолёт упал на брюхо, подняв тонны песка.

– Теперь нам точно не свалить! – прохныкал Илья, рыская по полу среди свалившихся с полок предметов, отчаянно пытаясь найти свои очки.

Катерина смотрела в потолок. Анальгетик почти одолел своего визави, но женщина чувствовала, как оставшиеся силы неотвратно струятся из её измождённого тела. Что скажут родители, когда им сообщат о её смерти? Хотя с потерей сына, хоть он и был жив, они как-то смирились...

– Мэм! – громогласный боец подал женщине руку, зависнув над ней. – Спасибо, что приказали остаться. Что теперь?

– Обороняться до последнего патрона и вдоха, – Катерина поднялась, ухватившись за ладонь оперативника. – Живыми им нас не взять. Задержим их максимально долго, убьём их максимально много.

Женщина сунула руку в кобуру, выудив посеребрённый пистолет – награду за достойную службу. Выглядел он очень внушительно: ручная гравировка с двуглавым псом, по всей длине рамки; чёрная, идеально лежащая в руке рукоятка. На деле же, он ничем не отличался от самых обычных стандартных пистолетов, проржавелыми кусками железа лежащими на складах, за коробками с армейскими пайками. Раньше, получить такой пистолет было мечтой высших чинов ORF, это был показатель заслуг и статуса, потом же, когда понятие "заслуга перед отечеством" обесценилось, пистолеты, будто изготавливаемые для борьбы против вампиров, стали раздавать всем подряд.

Оперативники заняли оборонительные позиции, укрывшись за пустыми контейнерами для боеприпасов, направив стволы в сторону входного шлюза, и стали выжидать, вслушиваясь в крики снаружи.

– Стрелял когда-нибудь? – уточнила Катерина у вжавшегося в стену Васи.

– Да. На учениях.

– Попадал в мишень?

– У меня такие глаза, что промазать не реально: визоры проецируют траекторию полёта пули на сетчатку, выстраивая...

– Если у тебя будут так дрожать руки, тебе ничего не поможет.

– Лорд Деймос! Может, взорвать самолёт из ракетниц? – осведомился у Глаза Страх агхартовский сержант. – Это куда безопаснее штурма. Неизвестно, сколько врагов внутри.

– Но это не так интересно. Начинайте!

Пара боевиков подбежала к боковому шлюзу поваленного самолёта, намереваясь прикрепить взрывчатку. Два десятка их товарищей рассредоточились, готовясь открыть огонь по малейшему признаку движения в потрескавшихся после падения окнах.

– Пошёл прочь от моего склепа, тварь! – стекло иллюминатора разлетелось бесконечным количеством сверкающих осколков. Пятимиллиметровые пчёлы впилась в челюсть и грудь агхартовца, приблизившегося к самолёту, превращая того в кровавые ошметки. Его товарищ нырнул к земле, прикрываясь от пуль кирпичом взрывчатки, юркнул к фюзеляжу.

– Огонь! Убейте их! – Деймос не шелхнулся, когда стоявшие вокруг него боевики открыли ответный огонь по противнику. Лишь яростный оскал, в котором угадывались нотки улыбки, исказил его лицо.

Орфовец чудом успел спрятать голову под отверстие иллюминатора, прежде чем пули принялись кромсать воздух над ним:

– Подстрелил гада! Но их там дохера, как вшей в борделе! Гранаты есть?

– Вызывайте Когановича и остальных! – взвизгнул Илья, лёжа на полу лицом вниз. – Мы не справимся!

– Ты слышал команду "остаться в живых"!? – не обращая внимания на боль в ноге, Катерина, пригнувшись от пуль, подобралась к остальным. – Вряд ли, ведь я такой не давала!

– Тебе, похоже, не ради чего жить, а вот мне... есть!

– Вот как!? Да ты у нас особенный! И мне есть! И жить ради чего, и умереть! А потому, найди ствол и отстреливайся, а то заставлю тебя сражаться врукопашную!

– Ты сошла с ума, баба, ты совсем тронулась! Головой ударилась, и не единожды! Ты...

Пули стрекотали по железу, перебивая Илью, повыбивав все стёкла, осколки которых лежали у орфовцев на плечах, но они не могли пробить толстый панцирь военного левиафана – броня боевого самолёта могла выдержать и залп из ракетницы.

Сидевший у шлюза агхартовец дышал быстро, судорожно, и смотрел на конвульсии подстреленного товарища, обнимая взрывчатку, будто ребёнок своего плюшевого мишку.

– Не дайте им поднять головы! – продолжал реветь Деймос. – Как только будет взорван шлюз, сразу на штурм!

Агхартовец-подрывник окончательно поддался панике, оглушённый бьющими рядом с ними по металлу пулями. Схватившись за голову, он зарыдал.

– Идиот, вали оттуда! – закричал сержант в серой форме. – Ставь детонатор и вали!

Но молодой агхартовец лишился не только слуха, но и рассудка. Весь мир вокруг него затянула непроницаемая красноватая пелена, густая, вонючая, не пропускающая сквозь себя лучи света и надежды. Парень пытался вспомнить, как люди "Агхарты" завербовали его: он был вусмерть пьян, после отчисления из университета, или увольнения работы, или расставания с девушкой. Теперь уж не вспомнить, а хотелось бы... А зачем? Чтобы отменить скоропостижное решение? Нет, так не получится...

– Чёрт, да сваливай! Лорд, велите прекратить огонь! Ему нужно помочь!

Деймос глубоко вдохнул носом сухой воздух, наполненный приятным ароматом сгоревшего пороха и паники молодого бойца. Мёртвый бриз всегда его успокаивал.

– Твой человек сдался панике. Впрочем, ничего удивительного, но нужен ли он нам теперь?

– ЧТО!?! – опешил сержант. – Урод, я тебя не боюсь! Отряд, прек...

С чудовищной силой, словно бил медведь или тигр, кулак Деймоса влетел в челюсть сержанта, смачно, с хрустом. Мужчина полетел на землю, дважды обернувшись вокруг своей оси, словно кукла, попытавшаяся исполнить какое-то странное танцевальное движение. Прочие бойцы "Агхарты" молча обернулись на озверевшего Глаза Страха, но ни один не осмелился вступить за командира.

– Почему стрельба прекратилась? – шёпотом спросил Вася. – Они отступают?

– Нет, парниш, – ухмыльнулся боец с восточными чертами. – Наоборот.

– Готовьтесь. Сейчас они ворвутся, – предостерегла Катерина.

– Я не позволял вам прекращать стрелять! – взревел Деймос. – Продолжайте!

– Но, господин, в этом нет смысла, – залепетал один из боевиков, то ли самый смелый, то ли самый глупый. – Нужно как-то начать штурм...

Деймос поднял винтовку вырубленного сержанта:

– Если настаиваете...

Наскоро прицелившись, Глаз Страха спустил курок – одинокая пуля впиалась точно в алюминиевое сердце взрывчатки. Взрыв пошатнул самолёт: чёрное, от огня – справа; бордовое, от крови – слева; два пятна окрасили дыру в потрёпанном фюзеляже, образуя чудовищную в своей омерзительности арку.

– Вперёд! – правый глаз Деймоса вспыхнул ярким жёлтым светом, перебивающим даже солнечные лучи. – Вперёд!

Словно в безумном трансе, серая ватага ринулась в эпицентр взрыва. Без слов и с ужасом на лицах, переступая через куски железа и товарищей, они были готовы продолжать сражение, пусть и до самой смерти.

– Ну, за мир во всём мире, что ли, – оперативник из двенадцатого выпрямился, выскочив из укрытия, и очередью из винтовки сшиб с ног сразу двух вошедших первыми врагов.

– Твою мать! – Илья бросился назад, в сторону кабины пилота, скрываясь от перестрелки.

– Мразь, назад! – стреляя из посеребрённого пистолета здоровой рукой, Катерина однозначно не собиралась сдаваться без боя. – Солодилов, верни его!

Вася отстреливался рядом, по крайней мере, Катерина слышала звуки выстрелов с того места, где он засел с таким же, только без серебряной окраски, пистолетом.

Топчась среди тел падающих соратников, боевики всё наступали. Вот первый защитник летающей крепости пал на спину, громко выкрикнув благой мат на прощание.

– Твою мать, я вас всех убью!!! – молодой боец, попытавшийся взять на себя роль лидера оставшихся двенадцатых, отбросил свою винтовку (перезарядка была бы непростительно долгой), схватил ещё одну, заранее положенную рядом в ожидании жатвы.

– Катерина, надо отступать вглубь, они нас здесь просто расстреляют! – попытался перерогать пули Василий.

– Куда ты, мать твою, отступать хочешь!?! – женщина вошла в боевой раж, едва успевая целиться: ещё одна голова врага разлетелась на ошмётки, пачкая толкающихся рядом товарищей; ещё один боевик вывалился обратно на улицу, не успев даже поднять пушку.

Катерина потянулась к кобуре.

Пусто.

Женщина схватила винтовку павшего оперативника, вскинула её привычным жестом, спустила курок... и уронила, вскрикнув от боли. Отдача слишком сильно ударила по сломанной руке.

Второй боец, оставшийся защищаться до смерти, упал прямо перед ней. Женщина не могла разглядеть, куда именно попала пуля, но, судя по застывшим зрачкам, это было уже не важно.

– Спасибо, что приказали остаться, товарищ командир, – улыбнувшись окровавленными губами, её загородил последний орфовец, тот самый, что так хотел остаться и ждать товарищей. – Мы бы никогда себе не простили, если бы улетели.

Катерина опустила взгляд на раздробленную руку – она и так уже слишком многое не сможет себе простить.

Например, смерть последнего из оперативников отряда Когановича, павшего, прикрывая её от пуль.

Шум прекратился, словно резко окончившийся спонтанный весенний ливень. Катерина осмелилась поднять голову, взглянув на замерших врагов.

– Женщина, – высокий мужчина, с горящим жёлтым глазом, не сводил с неё тяжёло взора. В правой руке он держал стальную цепь, другой конец которой был обмотан вокруг его торса. – Тебе страшно? Скажи, давай, я хочу услышать это.

Василий отбросил опустевший пистолет, выпрямился, подняв руки над головой. Второй пилот, выглянув из-за ящиков, последовал его примеру. Катерина присмотрелась: не так уж и много, как ей казалось до этого, они убили врагов... Друг на друге лежало, кажется, шесть тел. Может, семь. Может, восемь. Здоровая рука поползла по полу, к не успевшей остыть винтовке.

– О, это не имеет смысла. Уверен, ты не сможешь.

Она ухватилась за приклад.

– Убери руку. Тебе слишком страшно, я знаю. Если уберёшь, есть мизерный шанс остаться в живых, – Деймос улыбался. – Он мал настолько, что его практически нет, но страх заставит тебя уцепиться за него. Щепка, посреди океана паники, в котором ты утопаешь, а берегов всё не видно!

Катерина заскрежетала по полу смертоносной сталью, двигая её к себе.

– Прекрати! Нет! Страх не позволит тебе сделать это. Он управляет тобой, каждым твоим мускулом! Твоей волей!

Страх ей управлял, или нет, женщина вскочила на ноги, одной рукой направив винтовку в Глаз Агнца. Она уже видела, как успеваешь единожды спустить курок, как мерзкое жёлтое око лопаётся, словно гнойник, после чего они оба падают замертво: он – с удивлением на лице, она – с улыбкой...

Но цепь обвилась вокруг винтовки и держащей её руки раньше: раздирая кожу железом, а голосовые связки – громким, полным боли криком, Деймос рванул женщину на себя. Ещё не начавшие заживать рёбра затрещали при встрече с полом.

Тяжёлый кожаный ботинок вдавил её в сталь. Стонущий позвоночник рисковал треснуть, противясь тяжести огромной туши.

– Признаться, я удивлён, – заискивающий голос ударил по ушам Катерины не слабее сапога. – Не думал, что тебе хватит смелости и наглости. Таких, как ты – мало, и больше не становится.

Агхартовцы повалили на пол Васю и второго пилота, когда Деймос дёрнул цепью вверх – Катерина вновь истошно закричала, видя, как окровавленная цепь слетает с руки, сдирая с неё куски плоти.

– Хочешь, я предоставлю тебе выбор: жить или умереть?

Катерина упёрлась изодранной кистью в пол, силясь отжаться от него, несмотря на явное превосходство нависшего над ней садиста.

– Что ведёт тебя, женщина? Я вкушаю твой страх, но что-то отличает его от обычного, от того, что должен испытывать человек в твоём положении... Безумие? Аменция?

– Ээ-й! Т-товарищ! – краем глаза, Катерина увидела Илью, по обе стороны от которого стояли два боевика. Парень дрожал от страха, но таки смог найти свои очки. – У нас б-был уговор! Не убив-вайте меня!

– Действительно? – Деймос сделал усилие, сильнее вдавливая Катерину в пол. Стон и хруст костей зазвучали почти одинаково.

– Да, – чуть более уверенным тоном продолжил Илья. – Ну... Не именно с Вами, уважаемый... С Вашими начальниками! Я... Я выдал вам, где мы укрылись! Ну, нашу тайную базу! В лесу! В России!

– Тварь! – заорал Олег, второй пилот. – Сука! Крыса! Да чтоб тебя...

Удар прикладом по макушке мгновенно оборвал гневную тираду оперативника. Сокрушённо вздохнув, Василий уставился на бывшего товарища полным ненависти взглядом, но благоразумно промолчал.

– Я просто жить хочу, – нервно улыбнулся краем рта Илья. – Вообще-то, мы договаривались на кое-какую сумму денег, но, учитывая обстоятельства, я вполне приму если вы просто отпустите меня.

– Предатель, ведомый страхом и алчностью, – улыбнулся Деймос. – Как типично для человечихи.

Глаз Страха резко выпрямил руку: цепь обмоталась вокруг шеи и лица молодого техника, да столь плотно, что он даже не смог закричать. Осколки стекла и оправки очков впились в глаза, две струи тёплой крови потекли по безжалостным звеньям. Деймос потянул тело Ильи на себя: в одно мгновение, парень пролетел пару метров, упав рядом с Катериной. Хватка цепи ослабла, словно змея, она сползла с лица парня, и связист завизжал, словно стараясь порвать свои голосовые связки, хватаясь за изрезанное лицо, плача бордовыми слезами.

– Единственная благодарность, какую заслуживают предатели, – Деймос убрал ногу со спины женщины, перевернул её и, схватив за шею одной рукой, легко поднял в воздух, так, что её обессиленные ноги болтались, будто тряпичные. – Но вернёмся к тебе, милая. Наш общий друг дал тебе достаточно времени подумать над моим предложением. Что ты выбрала? Жизнь или смерть?

Катерина попыталась собрать во рту достаточно крови и слюны, чтобы харкнуть извергу в лицо, но, стоило ей попробовать сделать это, бордовая смесь потекла по её подбородку.

– Если ты не способна сделать выбор, я сделаю его за тебя.

– Жизнь, – прохрипела Катерина сквозь сжатые зубы.

– Конечно, – Глаза Страха криво оскалился. – Все вы одинаковые, пред взором ужаса, пред воротами в мёртвую долину. Цепляетесь за свою жизнь, будто она хоть чего-то стоит., будто она хоть чего-то стоит.

– Жизнь... к, будто она хоть чего-то стоит. – Жизнь... как шанс вспороть тебе глотку...

– Я очень надеюсь, что это не пустые слова, женщина, – держа Катерину на вису, Деймос сделал несколько неспешных шагов назад, и, развернувшись, выбросил её отрубившееся от потери крови тело на бетонную полосу.

Глава 8

Провинция Кунар, Афганистан

30.08.2054., 10:48

– Грейсэндс, – Хендрикс отнял бинокль от глаз, передав его Вячеслав. – После того, как война внезапно закончилась, американские военные подарили свой наскоро построенный военный городок местным жителям, лишившимся домов в результате сражений. Им обещали достойный уровень жизни, продовольственную и финансовую поддержку на развитие инфраструктуры и сельского хозяйства, но, на деле, уходя из поселения, американцы забрали с собой всё, что устроено сложнее калькулятора, оставив местным лишь наскоро построенные коробки, вместо жилищ.

– Первые годы после войны были особенно тяжёлыми, – нахмурилась сидящая внизу дюны Виктория, которой ещё не доверили глянуть в бинокль. – Помимо огромных трат на финансирование ORF и выплаты репараций пострадавшим странам, России и странам ООН нужно было помочь собственным гражданам и беженцам, которых было огромное множество. Тут уж не до расточительства...

Орфовцы всего несколько минут назад выбрались из потайного тоннеля, выход которого был запрятан в скалах, и вот уже издалека разглядывали находящийся неподалёку городок, если, конечно, повернётся язык так назвать кирпичные или глиняные строения, редко возвышающиеся выше двух этажей, покосившиеся и обшарпанные. Дувалы, почти по всему периметру, осыпались, и, даже с такого расстояния, в них можно было разглядеть застрявшие там двадцать лет назад пули. Грейсэндс практически превратился в типичную афганскую деревушку, с сонными жителями и пасущимися козами, щиплющими жухлую травку. Если бы не редкие, снующие по улочкам боевики "Агхарты", невозмутимо вззирающие строго по линии своего передвижения, по три-четыре человека в бригаде, он бы вообще ничем не отличался от разбросанных по всей стране, как веснушки на лице, кишлаков.

– Может, поначалу бюджеты и тратились на что-то необходимое, – скривился Хендрикс, – но позже, коррупция в Совете – сегменте ORF в частности – разорвали их на мелкие куски, как стервятники, что тащат мертвечину каждый в своё гнездо .

– Сейчас не время и не место рассуждать о таких вещах, – Вячеслав опустил бинокль, ещё плотнее прижимался к песку, обволакивающему холм, за которым ютился отряд. – И вообще, это не нашего ума дело. Сержант, почему Вы так уверены, что Ваших людей держат именно здесь?

– Мы их видели. Не всех, только двоих... Возможно, остальные в другом месте, по крайней мере, мне остаётся надеяться на это. Время от времени мы наблюдаем за городишком в бинокль, но приближаться ближе опасаемся: если бы мы попались снующим по округе патрулям или Вечной Охотнице, наша миссия была бы провалена окончательно.

– Вы точно видели ваших людей?

– Да, Боже, я же сказал! Двоих! Их выводят ненадолго, из здания в центре. Может, на допрос, или в туалет, или ещё что.

– Айдахо. Удалось связаться с самолётом?

– Ответа нет, командир. Либо сигнал не может пробиться из-за купола, либо...

– Они точно не улетели. Какова численность засевших в Грейсэндс боевиков?

– Человек тридцать, – призадумался Хендрикс. – Может, немногим больше. Тяжело было установить точно. Некоторые уезжают, некоторые приезжают.

– Значит, мы примерно в равных условиях, но на нашей стороне элемент неожиданности.

– Ой ли? – съязвил Эдриан, сидящий на песке, среди остальных оперативников, у самого склона. – Эта снайперская сука наверняка уже всех оповестила, и они готовы к нападению!

– Отставить сарказм, рядовой Ропоника, – Вячеслав даже не взглянул на подчинённого. – Или это Ваш защитный механизм, когда страшно?

– Я не ощущаю поблизости моих братьев, – не дала разгореться конфликту Мелани. – Если нападём быстро, – в идеале, прямо сейчас, – пока никто из них не объявился, у нас действительно есть шанс на успех.

– Я, конечно, ничего не смыслю в деле военном, тактиках там всяких, стратегиях, – заговорил Руслан, тоном, будто еле сдерживался, чтобы не вмешаться раньше, – но вы точно хотите напасть вот прям так? В лоб? Под солнышком? Без подготовки?

– С нашими силами и подготовкой, мы легко одолеем врага, брат, – ответила девушка в чёрном.

– Твои слова, конечно, меня знатно приободрили, но что мы будем делать после нашего неминуемого феерического успеха? Крайне маловероятно, что нам позволят просто вернуться к самолёту, да помашут платочками, когда мы будем взлетать. Думаете, наши ребята там пикник устроили? Нет – их убили.

– Нет задачи улететь, – Вячеслав привстал, снял винтовку со спины и принялся проверять её состояние. – Мы здесь с другой целью: найти и обезвредить "Кашеи", дополнительно – ликвидировать Максима Самойлова.

– Умереть, то есть?

– Нет, рядовой Резнов. Как раз наоборот.

Тенабрак попробовал сделать глубокий вдох носом. Ничего. Как и всегда. Как и сотни раз до этого, как и сотни следующих раз после.

Ни воздуха, ни времен, ни света, ни тьмы. Белая Бездна, как они с семьёй её называли, ни стен, ни потолка.

Здесь можно провести вечность, успев моргнуть лишь раз; пройти бесконечность километров, ни сделав и единого шага; сойти с ума от собственных мыслей, так ничего и не решив, а вне этого места пройдёт лишь доля секунды.

Поистине удивительна сила его брата, сотворившая сие место. Сила, что объединила разрозненную семью.

– Брат, – невысокий человек в светлой рясе, почти сливающейся с белым фоном, ранее, вместе с Деймосом, приветствовавший Самойлова по прилёту, подошёл к Тенабраку со спины. – Снова замечтался о чём-то?

– О нашем будущем, Таранис. Мне больше не о чём мечтать, и лишь здесь я могу себе это позволить.

Человек с ярко-голубым глазом сел в позу лотоса, рядом с Глазом Света:

– Да, в последнее время появилось чересчур много дел. Совсем не до физического отдыха. Хорошо, что у нас есть хотя бы духовный. Иногда, я думаю: а если бы этого места не существовало?

– Его и не существует.

– Ты ведь понял, о чём я, – Таранис невольно улыбнулся. – У нас, кстати, почти всё готово. Первый "Кашей" уже установлен. Скоро мы отключим купол и передадим всему миру наше послание.

– Замечательно.

– Наступит паника. Людями овладеет страх. Думаю, Деймос будет особенно доволен.

– Пусть повеселится.

– Брат, в чём дело? Поделись с нами – мы ведь одна семья, через столько прошли вместе! Что тебя гложет в последнее время? – не дождавшись ответа, Таранис продолжил. – Это из-за Мелани? Она уже в Афганистане...

– Если не образумится, придётся её убить. Мы давно это решили, здесь больше нечего сказать.

– Тогда всё идёт по плану! Разведчики ORF не смогли раскрыть миру наш план раньше времени. А что насчёт тебя? Как успехи в твоём деле?

– Пока что, безуспешно – я так и не смог обнаружить потерявшихся братьев. Их духовный след слишком слаб, что затрудняет поиски. Думаю, мне пора присоединиться к вам. Да. Вылетаю сейчас же.

– Ох и темнишь же ты, братец, – Таранис рассмеялся. – Каламбурно звучит, по отношению к тебе. Если бы я не мог видеть все твои мысли, решил бы, что ты что-то скрываешь.

– Береги ракеты, брат, и береги себя и Деймоса – Глаз Страха слишком опрометчив.

Тенабрак исчез. Не растворился в воздухе, не превратился в облако дыма, и не лопнул, как мыльный пузырь. Даже не щёлкнул для этого пальцем. Просто исчез.

– Никто не один, – вздохнул Таранис, – но один из.

11:29

Грубо обтёсанные суховеем скалы, так и манящие поиграть среди них в прятки, взяли карликовый городок в тиски, образовав каменное полукольцо. Грейсэндс не выглядел готовым к удару кинжала из тени: местные жители уныло плелись по улочкам, словно персонажи компьютерной игры, что растворятся за следующим поворотом, либо сидели в теньке, вяло переговариваясь с соседями. Бродячие агхартовцы, с винтовками наперевес, не обращали никакого внимания на этих людей, но те, в свою очередь, всё равно старались не попадаться им на пути.

– Лонгсайд, – Вячеслав оглянулся на девушек, прежде чем, вслед за остальными оперативниками, спуститься по скале вниз, к конопляным кустам у ближайших домишек, – и ты, Ольга. Остаётесь здесь.

– Но, товарищ командир, – запротестовала медик, – я могу пригодиться...

– Чтобы помочь раненым, но только если сама останешься в живых. Это приказ.

Сержант спрыгнул вниз, держась за жёсткий трос. Оставшиеся бойцы последовали за ним, стараясь не шуметь, опасаясь привлечь внимание сонных боевиков.

– Вы с Вячеславом близки? – внезапно спросила Мария, прислоняясь спиной к камню, стоило девушкам остаться наедине.

– Что? Нет. С чего ты так решила?

– Ну... Он к тебе всегда по имени обращается. Это довольно... непривычно. Даже мы с Викой такое себе позволяем только когда никого нет рядом.

– Он – командир, я – его подчинённая.

– Прости, прости. Я поняла.

– И потом, с недавних пор, я стыжусь своей фамилии. Может, поэтому Слава и не напоминает мне её лишней раз. Только какой смысл... Всё равно забыть свою фамилию невозможно.

– А почему стыдишься? Если не секрет.

Ольга присела сбоку от Марии, добродушно и с любопытством посмотрев на девушку, которая выглядела не намного младше её самой:

– Что, ищешь новую подругу?

Мария ничего не ответила, принявшись насуплено разглядывать трещинки в камнях под сапогами.

– У меня тоже на душе погано. И я тоже совсем недавно потеряла близкого человека. Собственно, это напрямую связано с тем, что командир не озвучивает мою фамилию при вас, тех, кого мы не знаем. Да, определённо, дело именно в этом.

Ольга ухмыльнулась, но во взгляде, адресованном собеседнице, не было злобы:

– Не обижайся. Я бываю прямолинейна, как все солдаты. Ты ещё слишком молода, скоро сама поймёшь. Так-то я девушка добрая, и в медики решила пойти только потому, что хочу помогать людям, а не потому, что жажду полоскать руки в крови.

– Ты могла стать обычным врачом на гражданке, а не орфовским парамедиком.

– Гены. Потянуло служить и защищать. Несколько изгибов на дорожке судьбы – и вот я в ORF, элитнейшей организации, куда мечтают попасть многие студенты, как военных, так и медицинских, и инженерных училищ. Мне казалось, здесь я буду ближе к эпицентру сражений, следовательно, мои навыки будут востребованнее.

– Давно служишь? Я-то всего чуть больше года...

– Три, без малого. Извини, но ты совсем не выглядишь, как кто-то, связанный с военной службой.

– Пожалуй, я тоже просто хотела помогать людям. А может, тоже сыграли гены родителей, бывших военных. Экстерном закончила школу, в восемнадцать лет – военное училище под покровительством ORF, в Киеве, – девушка улыбнулась, протянув руку медику. – Раз уж нас тут бросили, давай знакомиться нормально? Кто знает, возможно, впредь будем работать вместе. Мария Лонгсайд, адъютант.

– Старший парамедик Ольга, – девушка ответила на рукопожатие, но не на улыбку, – Самойлова.

– А не многовато нас? – Руслан снял, выданный ему Викторией, пистолет с предохранителя. – Я могу подождать наверху, в женской компании, а то уж слишком мы шуметь будем, для скрытного-то проникновения.

– Эфир тишины, – кратко сказал Вячеслав, включив передатчик, прикрепленный к уху. – Лишний шум здесь создаёшь только ты, Резнов. Закройся.

Отряд из двух десятков бойцов сумел спуститься по скале не замеченным, засев в огородных канавах, разделявших скалы и ближайшие домишки, однако дальше прятаться было негде, да и солнце было в зените. Старший сержант молча оглядел ближайшую местность сквозь траву, точно гепард, наблюдающий за стаей антилоп, вот только антилоп не было видно, впрочем, оно и к лучшему. Командир дал отмашку: первые бойцы встали с грядок и, пригнувшись, побежали к ближайшим двухэтажным домам, дав сапогами клубни то ли картофеля, то ли каких других овощей. Второй взмах: мужчины полезли в лишённые стёкол окна, не издавая ни звука, даже не брякнув экипировкой.

Пожилой мужчина, внезапно выскочивший навстречу одному из забравшихся в дом оперативников, схватился за кухонный нож, лежащий на столе, активно выкрикивая что-то на своём языке. Женщина и ребёнок лет семи-восьми, одетые так же бедно, как и хозяин дома, обнявшись, юркнули в угол комнатухи, дрожа от страха.

– Командир, – молодой орфовец прицелился в лоб застывшему афганцу, но вызвал сержанта, не желая поднимать шум и проливать невинную кровь. – Контакт. Нас заметили местные. Один вооружён холодным. Не проявляют явной агрессии.

– Огонь на поражении только в крайнем случае, только при самообороне! – Вячеслав говорил резко, отрывисто, как истинный командир. – Местные нам не враги, но могут не знать этого.

– Командир, я могу вступить с ними в переговоры, – Айдахо лежал, уткнувшись лицом в рыхлую землю – громоздкое дело андроида было слишком приметным, чтобы двинуться в первых рядах. – В моей базе имеются все афганские наречия: как дари и пушту, так и региональные диалекты.

– Нет. Ты – андроид. Твоё появление может их испугать и спровоцировать на агрессию.

– И каков план, сержант? – поинтересовался лежащий рядом Хендрикс, оглянувшись на своих людей, также скрывающихся в кустах.

– Небольшой отряд, в главе со мной, прорвётся к указанному Вами зданию, освободит пленных, и вернётся сюда, – Вячеслав не моргал, максимально сосредоточившись на обдумывании ситуации. – Вы останетесь здесь. В случае начала перестрелки, используйте

ближайшие здания как укрытие. Закрепитесь, установите нуль-щиты. Как только мы вернёмся, отступаем – обогнём скалу справа и вернёмся в тоннель, – командир дал очередную отмашку, на сей раз, последнюю. – Вперёд!

Ещё шесть человек, в том числе, Эдриан и Мелани, пригнувшись, поспешили за остальными. Обнажив клинок, киборг ловко запрыгнул сразу на второй этаж.

– Дерьмо! – опомнился Вячеслав. – Чёрт, Ропоника, назад!

Поздно. Женский визг, как сигнализирующая о нарушителях сирена, окончательно разбудила весь городок. Эдриан и сам понял свою ошибку: да, афганцы не довольны оккупацией "Агхарты", и были вполне готовы сотрудничать с партизанами, но железное тело художника клинка, кажется, разбудило у пожилой женщины самые страшные воспоминания военных лет.

Истерящая женщина с воплями пыталась спрятаться в бедно обставленной комнате от стоящего посередине неё Эдриана, не сводя с него обезумевших от страха глаз.

– Не долго же эта операция оставалась скрытной, – вздохнул Руслан, выглядывая сбегающих на визги боевиков. – Возможно, мы сегодня даже установили антирекорд.

Вячеслав схватил его за грудки, притянув к себе по сырой земле:

– Я очень надеюсь, что оружием ты пользуешься так же умело, как языком! План не меняется! Огонь на поражение!

Сержант и остальные оперативники выскочили из укрытия, обдав неприятеля прицельным огнём – не успевшие опомниться агхартовцы начали валиться один за другим, истекая кровью.

– Занять ближайшие дома! – скомандовал Вячеслав. – Поднять щиты! Удерживайте позиции до нашего возвращения!

– Живо на улицу! – забравшийся в дом первым, орфовец отмахнулся стоявшим позади товарищам. – Прикроем наш...

Тупая сталь, едва ли пригодная даже для разрезания овощей, воткнулась парню в шею, прямо над защитным воротником. Афганец смачно провёл в сторону – сонная артерия молодого оперативника захлебнулась кровью. Матерясь, товарищи павшего на колени бойца открыли отчаянную стрельбу в ответ – выронив нож, афганец, уже через несколько секунд ставший похожим на не прожаренную котлету, отлетел в стену, упав всего в метре от своей семьи.

Оперативники побросали продолговатые капсулы на землю, чуть впереди себя. Спустя мгновение, между маленькими электронными приборами протянулись нуль-щиты. Если говорить по-научному, то они назывались генераторами поля обнуления кинетической энергии: проходя через такие магнитные барьеры, быстро движущийся физический объект (например, пуля) лишался почти всей своей кинетической энергии, по факту, останавливаясь на месте и падая. У щитов имелась пара минусов: огромное энергопотребление, ввиду которого, для

их использования требовались отнюдь не скромные запасы дорогуших водородных батарей, и ограниченная мощность – впитав определённое количество энергии, их работа нарушалась, и они отключались.

Дверь распахнулась, и в комнату к Эдриану залетел неизвестный. Бросив мимолётный взгляд на мать, смуглый, вряд ли старше пятнадцати лет, пацан кинулся с ножом на киберсолдата. Мечник перехватил руку, совсем едва сжав её – мальчик закричал так же истошно, как мать, но не оставил попыток вырваться и наброситься на врага.

– Бл*, – ругнулся Эдриан. – Ну хоть что-то, хоть разок, может пойти по плану?

Эдриан ткнул пальцем пацану в затылок – не было времени с ним возиться. Мальчик обмяк, теряя сознание, и обронил своё бесполезное оружие.

– Жить будет, – бросил Эд, выпрыгивая в окно обратно на улицу, пока заплаканная женщина ползла к своему отпрыску, возможно, единственному оставшемуся в живых защитнику.

Уже спустя несколько минут, улица была полна лежащих без движения тел, некоторые из которых ещё имели силы стонать и пытаться закрыть пальцами кровоточащие дыры от пуль. Трупов агхартовцев было заметно больше, всё же, эффект неожиданности, отчасти, возымел успех, да и Эдриан с Мелани, словно два клинковых вихря, прорубались сквозь неровные ряды врага, ловко изворачиваясь от большинства пуль.

– Айдахо, за мной! – рывкнул Вячеслав, поманив за собой ещё троих оперативников из своего отряда. – Лихачёв, принимай командование обороной! Отступить будем сразу, как только вернёмся с пленными!

– Так точно, – отчеканил заместитель командира, выцеливая очередного врага.

– Я с вами! – мотнул головой Хендрикс. – Там мои люди! Я должен спасти их!

Руслан сжал стальной кулак, проверяя подвижность кисти и пальцев, увидел лежащий посреди улицы потёртый автомат одного из агхартовцев – словно пёс, чьего хозяина настиг роковой сердечный приступ, он верно лежал рядом с трупом, застыв в ожидании. Бросив в сторону пистолетик, под градом пуль, парень побежал за новым оружием, и, умудрившись таки подхватить его, отполз в сторону, под укрытие кучи глиняных кирпичей.

– Ну вот, это уже похоже на настоящее оружие!

Стрелять в Эдриана было, кажется, бессмысленно: он умело пользовался всеми полученными в Академии Первой Стали знаниями, доведёнными до ума ушедшим из неё мастером клинка Югино. Подставляя под свинец пуленепробиваемые аугменты, мечом прикрывая уязвимые мягкие места, он рубил содрогавшихся от тщетности своих действий врагов направо и налево.

Голова и рука ещё одного боевика наперегонки заскользили по песку, прямо под чёрные, покрытые кровью и налипшей поверх неё пылью сапоги Мелани. Эдриан невольно задержал внимание на стройных, но сильных ногах в высоких кожаных сапогах глубокого тёмно-синего цвета.

– Неплохо, – Глаз Смерти одёрнула саван, скрывая фигуру. – Художники клинка все такие?

– Все, – фыркнул Эд. – Но я лучший.

Мелани поднесла свои камы к лицу, озираясь в поисках новых целей для экзекуции:

– Самоуверенность – вполне действенный способ покончить с собой.

Ещё трое агхартовцев выбежали из-за угла, мгновенно начав палить в девушку, однако, резким и одновременно элегантным движением, похожим на полёт ворона, она взмыла в воздух, уходя из-под обстрела. Эдриан бросился вперёд, стремясь на подмогу напарнице, но приостановился – Мелани уже сократила дистанцию до необходимого минимума. Двое боевиков пали замертво, перед смертью заглядевшись на торчащие из груди клинки; третий же оцепенел, скованный безысходностью своего положения. Чёрный глаз активировался, ожил. Как и в

случае с Тони Глатом, обречённый мужчина пал ниц, схватился за голову, неразборчиво моля о пощаде. Не смог шелохнуться и Эдриан – настолько заворожила его эта картина, прекрасная и тошнотворная коллаборация смерти и... искусства? Да, что-то в этом есть, такое, необъяснимо притягательное...

Тело агхартовца иссыхало на глазах, съёживалось и коверкалось, словно отмеренные ему судьбой года обратились в секунды. Чёрная жижа, словно мазут, грязное масло из повреждённого механизма, полилось из его рта и ушей. Ещё несколько секунд под гнётом взгляда излучающей чёрное сияние Мелани – и кожа на лице человека начала осыпаться, будто поражённая страшной болезнью ушедших веков, пока его тело не рухнуло окончательно, погрузившись в смоляную массу, поглощающую свет без остатка.

– Я думала, ты привычен к лику Смерти, – словно ничего экстраординарного не произошло, сказала Мелани.

– Так и есть, – сглотнув, Эдриан крепко сжал рукоять клинка. Так вот, что за монстры, эти Глаза Агнца. – Привычен. Но не могу его принять... таким! Меня учили убивать для защиты тех, кто сам себя защитить не способен, но не доставлять угнетателям подобные мучения!

– Я сделала что-то не так?

Эдриан чуть не прикусил язык – она, правда, не понимает!?

– Скажешь, как придумаешь. А пока что, продолжай делать то, чему, как ты говоришь, тебя учили.

Глаз Смерти легко выдернула одну, а затем и другую каму из тел павших боевиков, тут же скрывшись за углом в поисках новых врагов. Эдриан подошёл к трупам... Нет, один из мужчин ещё корчился в предсмертных судорогах, тяжело дыша и что-то нашёптывая.

Художников клинка учили гармонии со смертью – убивать, но быть готовым к смерти и самому. Но боль... В принципе, с ней художники клинка тоже прекрасно знакомы.

И они её ненавидят.

Взмах меча – конец очередным страданиям.

Академия Первой Стали

03.02.2051., 00:00

– Сегодня великий день! День, что изменит всех вас, как тех, кто пройдёт обряд инициации, так и тех, кто узрит своё будущее! Раз и навсегда! Этот день сожрёт вас, прожует, переварит и выплюнет – новыми, очищенными, готовыми! Идеальными!

Высокий мужчина, уже в преклонном возрасте, но выглядящий довольно молодо и крепко, одетый в белую рясу ментора Академии, жестикулируя стальными руками, ступал стальными ногами вдоль трибун близ ярко освещённой сцены. Сокрытые ночной темнотой, сотни глаз и разинутых в предвкушении ужасного и прекрасного зрелища ртов внимали каждому его слову. Молодые. Рьяные. Наивные.

– Сегодня, те из вас, кого мастера сочли достойными, те, кто пошли путём клинка, путём стали, путём воина, путём защитника мира и справедливости, удостоились чести вознестись над остальными, теми, кому ещё только предстоит перерождение! Однако это и ваш триумф тоже – узрите, что ждёт вас, к чему ведёт сей путь! Узрите, возрадуйтесь, возжелайте, возгордитесь!

Мужчина направил своей рукой взгляд толпы парней и девушек, смотревших на него снизу вверх, на трибуну.

Эдриан опустил глаза, перестав разглядывать купол потолка, осмелился взглянуть на товарищей, заполонивших сегодня Храм Клинка при Академии Первой Стали. Ещё совсем молодые ребята, в большинстве своём – на год-два моложе самого восемнадцатилетнего Эда. Они смотрели на освещённую сцену, на него, но что было в их глазах? Не видно из-за покрова темноты... Ужас? Трепет? Восхищение? Восхищение, определённо, восхищение! С нотками зависти!

Эдриан всмотрелся в лица внимательнее, глазами, привычными к тренировкам в ночное время суток. Вон стоит Эмма – не самая умелая мечница; хотелось бы взглянуть, как ей пойдут длинные волосы. Ло Чхин – очень быстрый и юркий (Эду довелось наблюдать, на что способен этот китаец в бою с парой кинжалов). Кевин – парнишка с большим потенциалом, но очень робкий и неуверенный в себе. Эд стоял против него на ринге, сражался на настоящих мечах, и, стоит признать, победа далась с большим трудом.

– Сегодня, эти войны пройдут через муки, агонию, ибо лишь в страдании рождается искусство, и никогда – в счастье! Лишь поцеловавшись со смертью, они станут истинными художниками клинка, достойными держать смерть несущие кисти, творить ими произведения кровью врагов своих!

Слоун, наоборот, довольно неповоротливый. Скорее всего, он не закончит обучение... Элайя – девушка, с личиком ангела и нравом беса. И выбитыми передними зубами.

Так, хватит! Соберись, чёрт тебя дери, это же самый важный момент твоей жизни! Собственно, всю жизнь к нему ты и шёл! Прочувствуй его! Плевать на остальных – этот день принадлежит тебе! Да, они смотрят на тебя, завидуют, но покрасоваться можно будет потом, когда...

– Испокон веков Академия Первой Стали была лучшей школой, выпускающей мастеров холодного оружия. Великий мастер Джэм Тарасский, что своим клеймором сносил головы сразу десяти мужам; славная воительница Роксана Саддиэль, что проносила среди рыцарей ливонского ордена смертельным торнадо, за что получила от них прозвище Кровавый Вихрь; навсегда оставшийся в анналах нашей Академии, мастер Чхэн Инь Сяопинь, героически погибший в бою против трёх сотен "бессмертных" персидских гвардейцев. Наши славные мужья и жёны верой и правдой, духом и клинком служили при великих правителях на протяжении всей человеческой истории! Они стояли подле Теодориха Великого, Фридриха Барбароссы! Их называли друзьями Александр Второй и его сын, Александр Третий! Их клинки всегда были остры, дабы защитить честь императрицы Ниласы, Нефритовой Орхидеи! И сегодня – они здесь, их души и клинки с нами, но время их ушло! Мир наш захватили технологии, прогресс! Многие наши предшественники пали, не сумев противостоять оружию нового века, но их смерть – урок новому поколению верных стали! Поднимите своё оружие, воздайте почести погибшим славной смертью и восхвалите воинов, идущих в век новый!

– Честь моего клинка – моя честь! – хором проскандировал зал, почти сотня молодых и рьяных ртов, чьи обладатели достали из ножен на поясах и спинах своё оружие – лишённые гарды, шестидесяти сантиметровые тренировочные мечи

Сэнсэй Артур Вальдорус, воистину, был мастером не только меча, но и слова. Что на собраниях, что на лекциях, что на практических занятиях, он всегда подбирал те самые нужные слова, чтобы вернуть боевой дух его утратившим, приободрить одних, унижить других. Его слова могли бить по достоинству куда страшнее, чем плеть, что рассекает твоё тело. Эдриан практиковался у него последние четыре года, пока не ушёл к Югино, где провёл последний цикл обучения. Парень опасался, что известие о смене ментора огорчит сурового наставника, но оказалось, что Артур был вовсе не против. Лишь вернувшись, Эд понял, почему: ментор просто не верил, что старый японец возьмётся за обучение юнца из своей прежней обители.

– Шаг назад, юные воины! – Артур обернулся к Эдриану. – В следующий раз, мы поприветствуем уже не вас, но истинных художников клинка! Да начнётся ритуал возвышения!

Эдриан судорожно (Приступ паники? Нет, не сейчас!) глянул влево, вправо: двое парней и одна девушка – справа; четыре парня и две девушки – слева. Десять избранных в этом году.

К слову, группы начинают обучение по двадцать пять человек... Нет, не все из них погибают от изнурительных и жестоких тренировок, или будучи заколотым в дружеском поединке неопытным товарищем – многие сами отказываются продолжать обучение, с позором изгоняются из Академии, или просто сбегают, подавшись в наёмники. Впрочем, после многих лет истязаний, некоторые не осмеливаются взять в руки даже кухонный нож – в голову сразу лезут дурные воспоминания. Поварами такие не становятся.

Крепкие руки схватили Эдриана сзади за плечи, талию и шею, утянули к себе. Холодная сталь коснулась его обнажённой спины, приняв совсем не в нежные объятия. Вальдорус прохаживался вдоль ряда своих подопечных, разглядывая их с нескрываемой гордостью.

Тело Эдриана приподняли, укладывая на железную, стоящую почти вертикально кушетку. Один из стоящих позади людей отпустил его плечи, появился спереди: белая маска кабуки, имитирующая, кажется, дракона, белый халат, белые перчатки. Эдриан невольно улыбнулся не онемевшей половиной губ, представив, что у этого человека, вероятно, и носки тоже белые.

Дьявол, Эдриан Ропоника, убери эту дурацкую улыбку! Парень, парень, хватит, успокойся, соберись, успокойся!

Похожий одеждой на доктора, человек взял запястье Эдриана, пристегнул его ремнём к прутьям кушетки. Второй ремень закрепил прямо подмышкой, после, повторил действие с другой рукой.

– Нервничаешь, Эдриан?

Парень, наконец, победил улыбку. Взглянул на вставшего перед ним ментора:

– Нет, Артур-сэнсэй. Мой дух и тело готовы.

– Ты абсолютно уверен в этих словах?

"Врач" принялся закреплять ноги мечника: щелчок над лодыжками, щелчок чуть ниже паховой области...

– Да, Артур-сэнсэй. Моё тело. Мой дух. Мой клинок. Едини. Я готов.

Человек в маске грубо вдавил голову Эдриана в железо – кожаные ремни закрепили лоб и шею.

– Я хочу спросить: старик Югиро по-прежнему противится прогрессу, и готовит еду на настоящем огне?

– Югиро-сэнсэй – великий воин. Прекрасный наставник. Я бесконечно благодарен Вам, за то, что отпустили меня к нему.

Жгуты обхватили максимально напряжённый пресс Эдриана, оставив открытой грудь. Сыграло что-то мужское – молодой воин попробовал повернуть голову набок, глянуть на лежащих рядом девушек, с которыми проводились те же подготовительные процедуры, но плотная кожа ремней не позволила и шелохнуться.

– Югиро – призрак прошлого, реликт ушедших веков, и то, что он ещё жив – нонсенс.

– Артур-сэнсэй...

Человек в белом халате сунул ремень Эдриану промеж зубов.

– Думаешь, япошка жив потому, что он такой гениальный воин? – с запрокинутой назад головой и бьющим в глаза ярким светом прожекторов, Эдриан уже не мог видеть ментора, но ясно слышал насмешку в его голосе. – Вовсе нет. Он жив потому, что сбежал. От войны. От судьбы. Он сошёл с пути клинка.

Оглушающий металлический скрежет родился над ухом Эдриана. Пот заструился по лицу против воли, и даже ремни не смогли сдержать дрожь по всему телу.

– Но, признаю, в одном он был хорош... И это качество крайне необходимо всем молодым воинам, доселе, разве что, получавшим синяки и порезы на тренировках.

Эдриан замычал: как бы ты ни был силён, как бы морально ни готовился накануне, но страх от сверкающей хирургической циркулярной пилы, с космической скоростью вращающейся всего в нескольких сантиметрах от твоих глаз, мгновенно выбивает из тебя весь боевой запал.

– Он умел терпеть боль. Начинайте!

На зависть любому бойцовскому псу, Эдриан впился зубами в толстую кожу ремня, как и мгновенно побагровевшая сталь впиалась в его плечо. Вся та сила, что копили его руки долгие годы, часы ежедневных тренировок – всё пропало, изливалось на пол, на ботинки и белые носки человека с пилой. С рычанием и стоном рвались мышцы и сухожилия молодых людей, их жёсткое мясо трескалось, не веря в предательство.

Вокруг каждого из десяти стремительно теряющих вес воинов возникло по три-четыре человека, с какими-то спреями, иглами, электронными приборами. Кровавый туман, пропитавший воздух приторным амбре, застилал взор Эдриана. Вот и отсоединилась первая рука, настало время второй, и лишь одна мысль просочилась сквозь бетонную стену боли – "надеюсь, зубы не треснут. А то и их придётся менять".

Процедура продолжалась. Вторая рука задёргалась, надеясь увернуться от плотоядной пилы, но куда там... Сквозь толщу агонии, Эд слышал крики – мужские, женские, справа, слева, сзади, сверху, снизу. Весь мир вопил, превратившись в пронзающий сознание предсмертный визг. Он готовился к этому, психологически и физически, почти всю свою жизнь – и что толку?

Лишившись второй руки, Эд скосил глаза – человек в белом корпел над его рваным мясом, не давая парню истечь кровью. Современная медицина достигла таких высот, что даже оторванная голова вовсе не означала летальный исход – при своевременном вмешательстве, само собой. Разумеется, существовали полностью заглушающие любую боль анестетики, но менторы Академии придерживались мнения, что лишь пройдя через эту боль самостоятельно, смаковав её в полном объёме, воин станет воином.

Замолчавшая на мгновение пила завершала вновь – человек в маске сел перед Эдрианом, принявшись отпиливать ноги. Те самые ноги, его любимые ноги, сильные, жилистые, которыми он забирался на отвесные скалы без альпинистского снаряжения, которыми ходил по льду и углям.

На первом курсе, Артур Вальдорус спросил, тогда ещё, всех двадцати пятерых учеников – "Как вы думаете, зачем вы тренируете тело, если, через несколько лет, почти полностью его лишитесь?". Ответов было много: и про, якобы, тренировку духа, и про память мозга о движениях, так называемые, фантомные рефлексy – ибо стальные конечности не способны запоминать новые приёмы. Что-то ещё было тяжело вспомнить, отвлекали забрызганные кровью "доктора". Парень таки сделал усилие – нет, ответ сэнсэя так и не всплыл в воспалённом сознании... Может, его и вовсе не было?

Эдриан почувствовал, что повис. Необычайная лёгкость в теле едва ли сочеталась с непомерным грузом на сердце – ног у него больше не было.

Человек, из белого, полностью ставший алым, выпрямился:

– Ну, приступим к самому интересному.

Медитация. Концентрация. Было у них одно такое упражнение: они сидели в позе лотоса весь день, пока менторы терзали их разными способами – были руками, ногами, хлыстами, деревянными клинками, ломающимися об их тела и оставляющими занозы. Смертельные раны не наносились, остальные было необходимо вытерпеть. Именно на этом этапе отсеивалось наибольшее количество учеников.

Пила вгрызлась в грудь Эдриана, шаркая о кости. Необходимо кое-что заменить, вживить в грудную клетку, для улучшения ряда параметров: небольшая канистра с кислородом, чтобы

можно было задерживать дыхание более чем на три часа; поглотители электрического тока, чтобы, например, не опасаться внезапно остаться посреди поля в грозу.

Пила сделала пару витков, и уже другой экзекутор снял с Эдриана грудную клетку, словно открыл детский сундучок со сладостями. Например, с джемом. Да, это джем. А это – сахарная пудра, и не говорите, что она больше похожа на опилки костей!

Пила умолкла, и Эд начал ощущать, будто тонет. Теряет доступ к кислороду, связь с миром, оставшимся наверху, на поверхности.

К чёрту вашу Академию! Пропади она пропадом! Прикрепите мне руки и ноги обратно, да я пойду домой! Ах, да... У меня ведь нет дома. Невкуда идти.

Все новобранцы Академии – беспризорники, которых менторы забирают из приютов или находят прямо на улицах. Выбирают только самых крепких, самых яростных. Тех, в чьих глазах читается желание выжить.

Эдриан хотел выжить. В последнюю секунду утопания в бездонном омуте смерти, он вспомнил это.

Нужно схватиться за тростинку! Чёрт, рук-то уже нет! Что делать, что делать!?

Боль вытесняется паникой. "Хрен редьки не слаще", – слышал он от одного из менторов с каким-то русским именем. При чём здесь овощи!?

Кто-то, что-то, зачем-то копошится у него в груди. Ищет душу? Хочет схватить её, выдернуть из омута? Спасибо, но нельзя ли побыстрее?

Дышать становится всё больше (есть куда ещё больше!?), но... легче?

А вот и стальная рука помощи. Ты у нас будешь правой! А где... Ах, вот же она! Ты будешь левой, но не переживай – не менее любимой.

Регенерирующие препараты ударили по организму слишком резко и сильно – нагрузка не меньше, чем от плотоядной стали. Разум помутился окончательно, но, сквозь все сгущающийся дурман, пробились слова Югино:

– "Я не сомневаюсь, что, заменив протезами руки и ноги, ты останешься человеком. Я боюсь, что ты сам не веришь в это."

Провинция Кунар, Афганистан

11:41

Небольшой отряд, состоящий из Когановича, Хендрикса, идущего впереди остальных Айдахо, и ещё трёх оперативников, отделился от прочих орфовцев, продолжающих сражение с силами "Агхарты", и по боковым тихим улицам продвигался к центру города, избегая столкновений с противником.

– Кажется, они здесь без достойного командования, – лишившийся как возможности наблюдения с воздуха, так и функционала своих сканеров, Айдахо быстро вертел головой по сторонам, оглядываясь на наличие противника. – Действия боевиков видятся мне слишком не скоординированными.

– Зато их тут явно больше, чем ты сказал! – Вячеслав был в дурном расположении духа, из-за того, что пришлось оставить сражаться своих подчинённых, а самому двигаться по относительно безопасному маршруту.

– Извиняюсь, русский, но какое это имеет значение сейчас? – автоматная очередь прокотала всего в метре от Хендрикса, заставив того прижаться к ближайшей глиняной стене.

– Я – украинец, но оба эти факта сейчас не важны! – Вячеслав дал ответную очередь, высунувшись из-за спины андроида – пренебрёгший осторожностью, одинокий агхартовец вывалился из окна. – Вот нас и услышали. Где дом с вашими людьми!?

– Мы почти добрались! Метров двести, вон туда! – Хендрик покинул укрытие, ринувшись к предполагаемому месту заключения его соратников. Оперативники российского корпуса двинулись следом, пригнув спины.

– Айдахо, статус отряда! Есть сеть?

– Плохая, но есть. Я фиксирую троих погибших. Основная битва идёт в том месте, где мы начали вторжение. Отряд оккупировал ближайшие здания, как Вы и приказали, намереваясь дожидаться нашего возвращения.

– Значит, возвращение должно быть скорым! Вперёд, вперёд!

Айдахо побежал к соседнему зданию, но не слишком быстро – сделай он это на максимум силы своих искусственных мышц, прикрывающиеся его спиной люди просто не успели бы за ним.

Ещё два боевика выбежали на улицу из домишка неподалёку, сходу открыв огонь. Пуля лизнула плечо одного из орфовцев, но тот лишь сжал зубы, открыв пальбу в ответ.

Виктория вытащила раненного оперативника из двенадцатого отряда через задний ход обстреливаемого дома, полного перекрикивающих друг друга орфовцев. Быстрый оценочный взгляд: скорее всего, задето лёгкое. При скорой медицинской помощи, рана не казалась бы такой серьёзной, но посреди боя... Есть угроза захлебнуться кровью, заполнившей орган дыхания.

– Как он!?! – молодой блондин упал на колени рядом с Викой, тоже прекратив отстреливаться. – Это мой брат! Мой брат!

– Успокойся, боец! – Вика оттолкнула парня в плечо. – Плох он. Надо срочно к медику, иначе истечёт кровью.

– Чёрт! Коганович отдал приказ держать позицию, пока не вернётся со скаутами!

– Твою мать, мы ведь только вернулись из подобной заварушки! – орфовец, стоявший неподалёку, укрылся за углом здания, перезаряжая магазин своего автомата. – Даже не передохнули! Почему всё дерьмо льётся нам на головы!?

– Эй! – Виктория схватила блондина за рукав. – Эй! Тебя как звать?

– Боря...

– Борис, твоего брата надо доставить к Ольге. Даю ему не больше пяти минут.

– Чёрт! Эрнест, мы отнесём брата к Оле! – закричал боец, обернувшись к засевшим на первом этаже оперативникам.

– Сержант приказал держать позицию! – запротестовал Лихачёв, ответив на выкрик Бориса. – Он не потерпит!?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.